СТАРОСВѢТСКІЙ
БАНДУРИСТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИЗБРАННЫЯ
МАЛОРОССІЙСКІЯ И ГАЛИЦКІЯ
ПѢСНИ и ДУМЫ.

СОБРАЛЪ

Николай Закревскій.

Тебѐ, ми́лꙋ Оукра́инꙋ, повѣкъ незабꙋ́дꙋ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 12-го марта, 1860 года.

Ценсоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.
Ценсоръ П. Росковшенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

Введеніе.

Пѣсни та думки.

Страп.

Номеръ пѣспи.

Стран.

Номеръ пѣсни.

Стран.

Номеръ пѣсни.

ПРИБАВЛЕНІЯ:

I

НѢЧТО О СОЧИНЕНІЯХЪ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ НАРѢЧІИ.

Языкъ какого либо народа есть существенная его стихія. При всѣхъ переворотахъ это есть неотъемлемое достояніе, переходящее отъ одного поколѣнія къ другому. Въ языкѣ сохраняется образъ мыслей и образъ жизни народа, его духъ, мнѣнія и правила, словомъ, весь его отличительный характеръ. Это есть отпечатокъ помысловъ и чувствованій, радостей и печалей, есть выраженіе жизни исторической. Посему языкъ есть священная связь для цѣлаго племени, гораздо прочнѣе и надежнѣе всякой искуственной, или политической.

Правда, *нарѣчіе* Малороссійское или Украинское не можетъ удовлетворять потребностямъ теперешнихъ понятій и нынѣшняго образованія. Не употребляемое въ кругу людей просвѣщенныхъ, оно никогда не возвысится до степени языка обработаннаго, облагороженнаго классическою литературою.

Нарѣчіе Малороссійское отличается игрою ума; но, будучи отпечаткомъ быта простолюдиновъ, твердо для ушей изысканныхъ, часто безцеремонно и есть достояніе только низшаго сословія людей. На немъ ничего не было писано ученаго, да нѣтъ и надобности. Образованные Украинцы писали прежде свои сочиненія на языкѣ Церковно-Славянскомъ, Латинскомъ, Польскомъ, а большею частію на языкѣ книжномъ, или приказномъ, оставлявшемъ странную смѣсь изъ упомянутыхъ выше языковъ, съ Южно-Русскими оборотами. Теперь же каждый Малороссіянинъ, имѣющій какое нибудь притязаніе на образованность, обращается къ языку Русскому и легко удовлетворяетъ своимъ потребностямъ; народное же нарѣчіе употребляетъ онъ единственно для выраженія шутки, для увеселенія.

Нѣкоторые Великорусскіе критики, при появленіи какой нибудь книги на Малороссійскомъ нарѣчіи, въ толстыхъ книжкахъ своихъ журналовъ стараются доказать, что подобныя сочиненія безполезны, и никогда не могутъ составить особой литературы и проч. и проч. Но да позволено будетъ замѣтить, что Малороссіяне никогда не имѣли притязанія на особую литературу, какъ это слово понимаютъ образованныя націи. Цѣль сочиненій на этомъ нарѣчіи есть забава,

невинное увеселеніе, пріятное препровожденіе времени, и для многихъ Малороссіянъ, разсѣянныхъ по огромному Русскому Царству, есть сладостное воспоминаніе обычаевъ, поговорокъ, простодушныхъ остротъ своихъ земляковъ и возобновленіе пріятныхъ впечатлѣній собственной молодости, проведенной на родинѣ. Если *хохлацкія вирши*, по выраженію одного журналиста, есть только шалость; то почему же, какъ онъ самъ говоритъ, не пошалить человѣку съ дарованіемъ? Фридрихъ Великій игралъ на флейтѣ; Петръ Великій точилъ костяныя вещи. — Справедливо, что между Украинскими виршами, поговорками, приказками и проч. есть много очень посредственнаго, и даже ниже посредственности. Да на какомъ же языкѣ этого нѣтъ? Но есть сочиненія истинно геніальныя, которыя неподражаемымъ юморомъ, и народностію (національностію) упрочили себѣ безсмертіе. Для нѣкоторыхъ останется навсегда непонятнымъ, что языкъ низшаго сословія можетъ быть занимательнымъ до такой степени. Для чего вы, Господа Критики, пишете свои водевили, комедіи, повѣсти и даже стихи? Вѣдь многія изъ нихъ тоже просто шалость? Или только вамъ однимъ позволено шалить? Или вы негодуете на Малороссійскія *вирши* и *пѣсни* потому, что не понимаете?

При этомъ случаѣ я дѣлаю небольшое отступленіе. Въ тактикѣ позволены тоже отступленія или ретирада; а эта наука обходится человѣческому роду дороже, чѣмъ литература. Есть три, или четыре перевода Гетева Фауста на Русскій языкъ. Русскіе, получившіе образованіе въ Нѣмецкихъ Университетахъ, или жившіе долгое время между Нѣмцами, невольно, такъ сказать, были увлечены геніемъ великаго Нѣмецкаго поэта, и желали своими впечатлѣніями и восторгомъ радушно подѣлиться съ соотечественниками. Переводы эти, особенно послѣдніе, превосходны. Оригиналъ передаютъ въ стихахъ тѣмъ же размѣромъ съ возможною точностію. И чтожъ? Они не нашли отголоска въ публикѣ, и были *какъ капля въ море опущенна*. Не отъ того, чтобы Русскіе ихъ не понимали. Этого мало, чтобы понимать піесу, надобно ей сочувствовать, сродниться съ нею. Гете изобразилъ въ Фаустѣ Нѣмецкій типъ. И такъ надобно читателю сдѣлаться Нѣмцемъ, или совершенно усвоить себѣ знаніе политической исторіи Германіи, ея народные обычаи, повѣрья, словомъ весь бытъ, чтобы сочувствовать этому произведенію, или собственно Нѣмецкимъ преобладающимъ идеямъ. Можно ли требовать этого отъ Русской публики?

Еще примѣръ. Кому неизвѣстно, что всѣ грамотные Русскіе въ восхищеніи отъ неподражаемой комедіи *Горе отъ ума* нашего славнаго Грибоѣдова? Хорошій знатокъ Русскаго языка и народнаго духа, Баронъ Розенъ, плѣнясь этою піесою, тоже захотѣлъ передать ее и своимъ

соотечественникамъ. Переводъ вышелъ въ тридцатыхъ годахъ; я читалъ его; однимъ словомъ: прекрасный! Но увы! я видѣлъ, какъ Нѣмцы въ Лифляндіи и Эстляндіи, читая его, *покивоху главами своими*. Они говорили: Стоила ли эта комедія столько трудовъ, чтобы переводить ее? — Непонятно, чѣмъ Русскіе тутъ восхищаются? — Нѣмцы и въ нашемъ истинно народномъ Крыловѣ ничего не видятъ особеннаго; для нихъ гораздо выше Геллертъ. А ларчикъ просто открывался! Большая часть Лифляндцевъ и Эстляндцевъ (въ Курляндіи я не бывалъ) говорятъ по Русски, слѣдовательно знаютъ Русскій языкъ, но не знакомы въ тонкости съ духомъ народнымъ; поэтому вся характеристика и оттѣнки, столь метко и прекрасно изображенныя въ Горѣ отъ ума и въ басняхъ нашего дѣдушки, для нихъ неуловимы. Въ такомъ же точно отношеніи находятся Энеида Котляревскаго, Твардовскій Артемовскаго и нѣкоторыя другія сочиненія Украинскія къ Великорусской публикѣ. Нѣкто уже давно сказалъ, что» эти *Вирши* недоступны для Русскихъ; не потому, чтобы они не знали, или не понимали языка Малороссіянъ; но потому, что Великороссіяне не знакомы съ духомъ Украинскаго нарѣчія, съ его оригинальнымъ юморомъ.» Между тѣмъ надобно имѣть необыкновенный талантъ, чтобы вполнѣ понять духъ народный, сродниться съ нимъ, подмѣтить оттѣнки языка и все это изобразить въ прекрасныхъ формахъ. Посему сочиненія эти не могутъ быть переданы ни на какомъ другомъ языкѣ, и всякій переводъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, будетъ только блѣднымъ подражаніемъ оригинала. Исключеній чрезвычайно мало, и только въ такомъ случаѣ, когда изображеніе народнаго быта не составляетъ главнаго предмета піесы.

И такъ, Господа Критики, оставьте хохлацкія вирши въ покоѣ. Не странно ли судить о томъ, чего не знаешь и не понимаешь. Малороссіяне свои хорошія народныя пѣсни и стихи, наперекоръ вашимъ возгласамъ, никогда не забудутъ; они передадутъ ихъ изъ рода въ родъ; а плохія вирши они также легко забудутъ, какъ и ваши критики.

Продолжая эту *Предмову*, честь имѣю обратиться къ любителямъ и знатокамъ Малороссійскаго слова, то есть, къ лицамъ, находящимъ удовольствіе въ чтеніи подобнаго рода книгъ.

Содержаніе настоящаго сборника есть слѣдующее:

Книга первая. Избранныя пѣсни и думы.

Книга вторая. Пословицы, поговорки и загадки.

Книга третія. Словарь Малороссійскихъ идіомовъ.

Книга четвертая: 1) Выборъ изъ сочиненій современныхъ писателей. 2) Статьи историческія. Извлеченія изъ грамотъ, универсаловъ

писемъ, лѣтописей, журналовъ и проч. 3) Статьи нравственнаго содержанія изъ старопечатныхъ Малороссійскихъ книгъ.

Книга пятая. Грамматика Малороссійскаго нарѣчія.

Правописаніе, составляющее доселѣ для писателей на Малороссійскомъ нарѣчіи тяжкій камень преткновенія, въ этомъ сборникѣ не одинаковое, по слѣдующей причинѣ: Собственно съ началомъ только текущаго столѣтія стали появляться изрѣдка сочиненія на нынѣшнемъ нарѣчіи Украинцевъ. Каждый сочинитель слѣдовалъ своему вкусу и *крайнему разумѣнію*, а главное, старались выражаться въ письмѣ сколько можно ближе къ выговору. Это подало поводъ къ недоразумѣніямъ. Но какъ извѣстно, что каждой маменькѣ кажется дочь ея красавицей, а каждый писатель воображаетъ, что мнѣнія его непреложны: то сіе столь *невинное* свойство земнородныхъ и было причиною, что я не довѣрялъ себѣ. Въ Грамматикѣ предложены нѣкоторыя изслѣдованія и правила о правописаніи. Пѣсни и пословицы (какъ общее достояніе) писалъ я по принятой мною методѣ, которая, естественно, казалась мнѣ самою лучшею. Но этимъ дѣло еще не рѣшено. Посему сочиненія другихъ авторовъ переданы мною съ ихъ же и правописаніемъ. Пусть рѣшатъ безпристрастные знатоки дѣла, кто правъ!

Въ заключеніе могу только сказать, что на этомъ поприщѣ дѣлателей еще немного, а жатва многа и обильна.

II

О МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Не вдаваясь въ филологическія разысканія о происхожденіи поэзіи, не сравнивая нашихъ пѣсенъ съ древними Греческими, Латинскими, Нѣмецкими, Провансальскими и проч., и проч.; коротко, не поднимаясь на ученыя подмостки, способныя всякую поэзію скорѣе подавить, какъ это случалось со многими учеными знаменитостями, скажемъ только старую и всѣмъ извѣстную истину, что наши Малороссійскія народныя пѣсни, по своему разнообразію въ содержаніи, легкости и правильности въ изложеніи мыслей, по богатству чувствъ, поэзіи и остроумія, могутъ смѣло состязаться со всякимъ *подобнымъ* произведеніемъ всѣхъ самыхъ образованныхъ народовъ. Что же касается до мелодій этѣхъ пѣсенъ, то самая большая часть изъ нихъ отличается или своеобразіемъ, или привлекательностію; то игривостію и нѣжностію, то дышетъ глубокимъ чувствомъ тоски безотчетной; и долго, долго еще будутъ эти мелодіи составлять богатый источникъ наслажденій для задумчиваго Малоросса. Многіе композиторы, имена коихъ такъ ярко сіяютъ на музыкальномъ небо-

склонѣ, на примѣръ: Оберъ, Россини, Роде, Веберъ, Гайднъ, Керубини и проч., и проч., изъ Малороссійскихъ мелодій заимствовали часто *мотивы* для своихъ славныхъ композицій, столь очаровательныхъ для слушателя; гдѣ, среди богатѣйшей фантазіи звуковъ, Русскій человѣкъ нечаянно, такъ сказать, встрѣчаетъ и свою родную мелодію. Это доказываетъ, что природа, не скупясь, надѣлила Русь и способностями и музыкальнымъ чувствомъ. Мы не расхваливаемъ своего; всѣ образованные соотечественники, даже нѣкоторые иностранцы, и безъ насъ это знаютъ.

По содержанію пѣсни могутъ быть раздѣлены на четыре главные отдѣла: на военныя, нѣжныя, веселыя и обрядныя.

а) Въ пѣсняхъ *военныхъ*, или *Козацкихъ* описывается разгульная жизнь Козаковъ, Запорожцевъ, Чумаковъ, иногда и Гайдамакъ; отъѣздъ въ чужую сторону, тоска по родинѣ, по матери; изображаются набѣги, рыцарство, боевыя схватки, или безпечное воспоминаніе объ нихъ; воспѣвается смерть Козаковъ въ дикихъ, уединенныхъ мѣстахъ, со всею обстановкою мрачной и суевѣрной фантазіи; но чаще всего скорбь матери о сынѣ, или сестры о братѣ; любовь отцевскую (какъ справедливо замѣчаетъ Г. Максимовичъ) едва ли гдѣ встрѣтите. Пѣсни этого рода большею частію лирическія и печальныя; къ нимъ можно причислить и повѣствовательныя (эпическія), въ коихъ напоминаются бывшія гоненія отъ Ляховъ, или схватки съ Татарами.

б) Въ *женскихъ* пѣсняхъ преобладающее чувство есть любовь, со всѣми ея оттѣнками; все это дышетъ естественностію и простодушіемъ. Пламенная любовь къ мужу встрѣчается довольно рѣдко; тѣмъ чаще и выразительнѣе описывается тоска по милому, или по родинѣ и роднымъ, сопровождающаяся томленіями нѣжной души, увлеченной или обманомъ козака, или Татарскимъ плѣномъ, или угнѣтаемой просто судьбою. Но измѣна бѣлолицыхъ и черноусыхъ Козаковъ производила въ ревнивыхъ Малороссіянкахъ самыя сильныя изліянія сердца, жалобы и вопли. Оскорбленная любовь въ такомъ случаѣ обыкновенно прибѣгаетъ къ помощи волшебницъ; потому что вѣра въ чары между поселянками ведется изъ рода въ родъ. Особенно пѣсни этого отдѣленія преисполнены сравненіями, взятыми съ природы; но они не мѣшаютъ главной мысли, напротивъ, какъ бы подкрѣпляютъ ее.

в) Пѣсни *веселаго* и шуточнаго содержанія, по видимому, суть самыя многочисленныя. Здѣсь полное раздолье для веселости, ироніи и остроты Украинца, безъ которыхъ онъ жить не можетъ. Веселость эта тѣмъ занимательнѣе и забавнѣе, что она неподдѣльна, естественна; а остроуміе, подобно искрѣ, часто является неожиданно и съ блескомъ; но иногда переходитъ за предѣлы приличія, какъ и у всякаго другаго просто-

народья. Само собою разумѣется, что въ нашемъ сборникѣ не могли имѣть мѣста тѣ пѣсни, которыя оскорбляютъ нравственное чувство.

г) Наконецъ къ четвертому отдѣленію относятся *обрядныя*, какъ то: 1) Весѣльныя (свадебныя), 2) Веснянки, 3) Троицкія, 4) Купаловыя, 5) На обжинки, 6) Зажнивныя, 7) Колядки, 8) Щедрôвки и 9) Посыпальныя. Въ Украинѣ и Галиціи сопровождается особенными пѣснями каждое время года, каждое сельское занятіе, или важное семейное происшествіе; поэтому обрядныя пѣсни весьма многочисленны; но онѣ представляютъ мало поэтической обработки, и занимательны только при самомъ случаѣ.

Другіе издатели раздѣляли роды пѣсень на Колыбельныя, Любовныя, Свадебныя, Поминальныя, Обрядовыя, Поучительныя, Козацкія, Историческія, Боевыя, Чумацкія, Шуточныя. Независимо отъ такого дѣленія можно Южно-Русскія пѣсни распредѣлить еще по *нарѣчіямъ*, на *Малороссійскія* (Украинскія) въ Россіи, и на *Галицкія*, или, что все равно, на Карпато-Русскія, иначе Чермно (Червоно, Красно)-Русскія. Эти разныя названія означаютъ однихъ и тѣхъ же Русиновъ (Русскихъ), живущихъ на восточной части горъ Карпатскихъ въ Австрійской Галиціи (въ Подгоріи), которая извѣстна была во времена нашихъ Великихъ Князей подъ именемъ Червоной Руси. Не смотря на разности и оттѣнки между говоромъ Малороссіянъ и Галичанъ, (о чемъ обстоятельнѣе упомянуто въ Грамматикѣ), оба эти нарѣчія можно принять, безъ большой погрѣшности, почти за одно. Поэтому всѣ почти наши Малороссійскія пѣсни извѣстны въ Галиціи, но въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ страны и долговременнаго вліянія Польскаго языка на Галичанъ, эти пѣсни въ устахъ тамошняго народа получили нѣкоторыя, чуждыя для насъ, выраженія и цѣлыя обороты. Эта передѣлка отличается излишнимъ многословіемъ, вредящимъ изяществу изложенія. Козацкихъ пѣсень въ Галиціи относительно меньше; тамъ преобладаетъ вкусъ къ веселымъ и шуточнымъ. Карпато-Россы поютъ всѣ наши пѣсни этого рода, но имѣютъ и свои оригинальныя. Часто въ ихъ пѣсняхъ выражается тоска по нашей Украинѣ. Обрядныхъ же у нихъ множество; но большая часть на одинъ образецъ, съ маловажными различіями (варіяціями); выраженія и фразы почти одинаковы. Кто знаетъ десятокъ одного рода, тотъ знаетъ всѣ. Въ нашихъ женскихъ пѣсняхъ восхваляются *карыя* очи, а Галичане воспѣваютъ, на Польскій ладъ, *чорныя* очи, такъ какъ въ Русскихъ и Нѣмецкихъ пѣсняхъ торжествуютъ *голубыя*. Но вотъ что замѣчательно: самая большая половина Днѣпра принадлежитъ Малороссіи, которая лежитъ по обѣимъ сторонамъ этой величественной рѣки; однако объ ней въ пѣсняхъ почти ни слова, а между тѣмъ объ отдаленномъ Дунаѣ часто говорится. Скажутъ, что это осталось въ воспоминаніи народа отъ древ-

нихъ временъ, когда онъ жилъ въ странахъ Дунайскихъ. Но въ тоже самое время жили Славяне на берегахъ Волхова, Днѣпра, вдоль Балтійскаго моря, пожалуй до самой Даніи, да и Богъ вѣсть, гдѣ ихъ не было въ Европѣ, какъ утверждаютъ Славянофилы. За чтожъ одинъ Дунай попалъ въ такую милость? Предоставляю это обстоятельство разработкѣ многоученыхъ историковъ, если критика ихъ будетъ въ состояніи освѣтить мглу тусклой древности.

Что же касается до такъ называемой древности нашихъ Южно-Русскихъ пѣсень, то они, по моему мнѣнію, (можетъ быть и ошибочному) очень не стары. Весьма немногія принадлежатъ XVII вѣку, или въ теченіи времени въ устахъ народа вѣроятно поновлены; большая же часть сочинена въ прошломъ столѣтіи.

Пѣсни въ этомъ собраніи расположены не по отдѣламъ, но перемѣшаны. Въ этомъ случаѣ я слѣдовалъ примѣру лучшихъ, подобнаго рода, иностранныхъ сборниковъ; потому что однообразіе для читателя утомительно.

Малороссійскія пѣсни, изданныя *М. Максимовичемъ*. М., въ 12 д., 1827 г., 228 стр., есть первое изданіе въ семъ родѣ, и притомъ исполненное со вкусомъ и знаніемъ дѣла.

Pieśni Polskie i Ruskie (послѣднихъ больше) ludu Galicyjskiego z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał *Wacław z Oleska*. Lwów. 1833. XLIV., 516 стр. Это очень богатое собраніе пѣсень, но безъ разборчивости, писанное Латинскими буквами, крайне недостаточными для выраженія Славянскихъ звуковъ.

Кромѣ упомянутыхъ были издаваемы (въ послѣднее время) и другія собранія; но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь рѣшаюсь присовокупить одно замѣчаніе, что большая часть существующихъ до сихъ поръ собраній Великорусскихъ пѣсень обличаютъ, къ сожалѣнію, только безграмотность и неспособность собирателей и издателей. Пѣсенники эти (кромѣ духовныхъ пѣсень, собранныхъ Петромъ Кирѣевскимъ, и изданныхъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1848 г., книг. 9.) заставляютъ еще желать и ожидать лучшихъ дѣятелей. Напротивъ того, хотя сборники Украинскихъ пѣсень и не всѣ равнаго достоинства и стали появляться съ недавняго времени; однако изданія эти отличаются особенною обработкою, и нѣкоторые изъ нихъ смѣло могутъ стать на ряду съ подобными явленіями въ Западной Европѣ. Иначе и быть не могло; потому что издатели оныхъ, возбужденные безкорыстною любовію къ родному слову, руководствовались вкусомъ просвѣщеннымъ, и, опираясь на обширную ученость, вполнѣ вла-

дѣли своимъ предметомъ. Если народный запасъ далеко еще не исчерпанъ, то доброе начало составляетъ уже половину дѣла, и Великороссіяне въ этомъ случаѣ могутъ позавидовать Украинцамъ.

Въ заключеніе предварительно предлагается краткое примѣчаніе. Существенное (и самое естественное) правило въ правописаніи есть то, чтобы оно основывалось на коренныхъ свойствахъ языка и было общепонятнымъ; но какъ *правописаніе Библейское* болѣе или менѣе извѣстно уже всей Малороссіи: то, согласно Церковно-Славянскому языку, при всякой перемѣнѣ (въ склоненіяхъ и спряженіяхъ) *удерживай коренную букву даннаго слова*, какъ бы она иначе ни выговаривалась. Тогда будетъ однообразіе, и для каждаго понятно. Въ противномъ случаѣ нѣтъ общаго основанія, а безъ него ни Грамматики, ни Словаря. Но чтобы означить и выговоръ, то, кромѣ буквъ, необходимъ и знакъ (одинъ только). Такъ какъ буквы Е, И, О, У Малороссіяне выговариваютъ *иногда* какъ мягкое и=ы; то *въ такомъ* случаѣ надъ означенными буквами ставится сверху знакъ (какой угодно, пожалуй этотъ ∧); какъ то: ȇ, ȋ, ȏ, ȗ, на пр. пȇсокъ=пȋсокъ; покȋнь, ходȋмо; пȏдъ стȏлъ=пȋдъ стȋлъ; огȗрокъ=огȋрокъ; за мȗжъ=за-мȋжъ. *И сѣно цѣле и козы сыты.* Буква ѣ выговаривается *всегда* какъ мягкое и=ȋ; пѣсня=пȋсня; стало быть надъ буквою ѣ нѣтъ надобности знакъ ставить. *Розумному досить*; а *мудрующему* скажемъ, что при такомъ правописаніи Малороссіяне будутъ читать всегда сообразно своему природному выговору; для незнающихъ же никакое ухищренное правописаніе не можетъ передать живаго произношенія.

Кіевлянинъ Николай Закревскій.

Ревель,
Іюня 9-го дня,
1859 года.

ПѢСНИ ТА ДУМКИ.

1.

1 Вѣтеръ гуде, трава шумить,
Козаченько вбитый лежить,
2 На купинѣ головою,
Накрывъ очи осокою.
3 Кôнь вороный у ноженькахъ,
Орелъ сизый въ головонькахъ.
4 Вôнъ козака доглодае,
На кучерѝ наступае.
5 Козакъ орлу промовляе:
Якъ ты, брате, орле, станешъ
6 Зъ лобу очи выдирати,
Дай же моєй неньцѝ знати —
7 Моєй неньцѝ старесенькôй,
Матусеньцѝ рôднесенькôй.
8 Ой знай, орле, що казати,
Коли буде выпытати.
9 Скажи: служить вôнъ у Хана,
У Крымского Татарина;
10 Да выслуживъ королёвоньку —
Въ чистôмъ полѣ могилоньку!

Примѣчаніе. По лирическому изложенію своему эта прекрасная народная пѣсня имѣетъ подъ № 66-мъ *Ой у полѣ снѣжокъ прошить* подобную, но гораздо слабѣе по выраженію.

2. Петрусь.

1 Вѣтеръ вѣе горою:
Любивсь Петрусь зо мною.
Ой лихо—не Петрусь!
Лице бѣле, чорный усъ! 2.
2 Полюбила Петруся,
И сказати боюся.
Ой лихо.... 2.
3 А за того Петруся
Била мене матуся.
Ой лихо.... 2
4 Хоть ты мене, мати, вбѝй,
Такижъ буде Петрусь мôй.
Ой лихо... 2.
5 Якъ не бачу Петруся,
То одъ вѣтру валюся.
Ой лихо.... 2.
6 Якъ забачу Петруся,
То за боки беруся.
Ой лихо.. . 2.
7 Наварила, напекла,
А для кого? для Петра!
Ой лихо.... 2,
8 Нема Петра, тôлько Грицъ,
Шкода моихъ паляницъ.
Ой лихо.... 2.

9 Дежъ блукае мôй Петрусь,
Що и досѣ не вернувсь?
Ой лихо.... 2.
10 Поблукавши мôй Петрусь,
До мене опять вернувсь!
Ой лихо.... 2.
11 Я хочъ дѣвка молода,
А вже знаю, що бѣда;
Охъ лихо — не Петрусь!
Лице бѣле, чорный усъ! 2.

3.

1 Сёмъ день молотила,
Сёмъ кôпъ заробила;
2 Сама собѣ дивовала,
Що зъ козакомъ прогуляла.
3 Не жаль мёнѣ грошей:
Бо козакъ хорошій.
4 Хоть три копы утратила,
Да козака принадила.
5 Дубъ, дубъ зелененькій,
Козаченько молоденькій.
6 Якъ козака не любити;
Бо коли зъ нимъ добре жити.
7 Въ нёго сабля, въ нёго усы;
Не жаль мёнѣ поглянуться.
8 Въ нёго очи черненькіи,
Въ нёго тѣло бѣленькее.
9 Вôнъ чистенько оголився,
И въ жупанъ же нарядився.
10 Гудзи ёму у кунтуша,
Козаченько моя душа.
11 Козакъ гожій, козакъ милый.
Пôйду я зъ нимъ до могилы.
12 Тамъ травиця зелененька;
Тамъ просплюся молоденька.

Примѣчаніе. Пѣсня Малороссійская, но отзывается Галицкою редакціею. Въ Русскихъ пѣсенникахъ она чрезвычайно изуродована.

4. Весѣльная.

1 Заковала зозýленька — у садочку,
Прихиливши головоньку — та къ листочку.
2 Ой не буде садъ зи́мою — зеленѣти,
Тôлькô буде зъ-пôдъ снѣжечку — листъ чорнѣти.
3 А якъ буде вже лѣтечко — та й тепленьке:
Тогдй буде садовинка — та й ряспенька!
4 Заплакала дѣвчи́нонька -- у свѣтлицѣ,
Прихиливши головоньку — до скамницй.
5 Ой чи буде такъ у свекра, — якъ у таты;
Ой чи пустить на вулицю — погуляти?
6 Лихій свекоръ погуляти — та не пустить,
Ой хоть пустить молодую, — та й пригрýстить.
7 Иди, иди, дитя мое, — не барися,
У сѣнечки, за двéречки, — та й вернися.

8 Вона войшла у свѣтлоньку — покланялась.
Ой спасибô, мôй батечку, — нагулялась.
9 У сѣнечкахъ, на дверечкахъ — постояла,
Й челядина я у вôчи — не видала!

5. Козакъ Савва Чалый.

1 Ой бувъ въ Сѣчи старый козакъ, прозваніемъ Чалый,
Выгодовавъ сына Саву, козакамъ на славу.
2 Ой не зхотѣвъ козакъ Сава у Сѣчи служити;
Да пойшовъ вôнъ до Ляшенькôвъ славы залучити.
3 Якъ войшовъ же до Ляшенькôвъ службы вôдправляти,
Ставъ зъ Ляхами Православну Церковъ руйновати.
4 Збиралися Запорозцѣ, всѣ въ Раду зхожали,
За походы про-мѣжъ себе усе раховали.
5 Обôзвався козакъ *Голый,* каже: Добре знаю,
Отъ я того пана Саву у руки пôймаю!
6 Отъ и стали Запорозцѣ, раду розсучали;
Своихъ коней посѣдлали, въ походъ выступали.
7 А бувъ Сава въ Немировѣ, въ Ляхôвъ на обѣдѣ;
И не знае, не вѣдае о своей бѣдѣ.
8 Ой пье Сава и гуляе, Ляха удавае;
Вжежъ до ёго, да до Савы гонець приѣзжае.
9 Сѣдлай, хлопче, сѣдлай, малый, коня вороного,
Поѣдемо мы до дому; бо тутъ насъ немного.
10 Ой на дворѣ хмарно стало, — хлопець забарився,
Ѣде Сава дорогою, да щось зажурився.
11 Ѣде Сава зъ Немирова на воронôмъ кôню,
Пытаеться челядоньки: чи все гараздъ дома?
12 Гараздъ, гараздъ, пане Саво, ще лучче зъ тобою;
Якъ мы тебе побачимо на воронôмъ коню.
13 Гараздъ, гараздъ, пане Саво, щастлива година!
Твоя жôнка, наша пани, породила сына.
14 Гараздъ, гараздъ, пане Саво, усе хорошенько:
Выглядають Гайдамаки зъ-за горы частенько.
15 Гей, сѣвъ Сава въ концѣ стола, думае, гадае;
А Савиха молоденька дитину купае.
16 Сидить Сава въ концѣ стола, да листоньки пише;
А Савиха на лôжечку дитину колише.

17 Сидить Сава у свѣтлицѣ, да все думку дбае,
За-для певнои потуги гадку замышляе.
18 Пôйди, дѣвко, у пивницю, уточи горѣлки,
Да нехай же я напьюся за здоровье жôнки.
19 Пôйди, дѣвко, у пивницю, да принеси пива;
Ой нехай же я напьюся да за своего сына.
20 Пôйди, хлопче, у пивницю, внеси мêнѣ меду;
Чогось мêнѣ трудно–нудно, головы не зведу.
21 Ой ще хлопець не поспѣвъ зъ стѣны ключи зняти:
Ставъ *Гнатъ Голый* зъ Кравчиною ворота ламати.
22 Гей, ще хлопець не поспѣвъ по медъ до пивниций,
Обступили козаченьки вже коло свѣтлиций.
23 Якъ вôдсуне да панъ Сава вôконце одъ рынку;
А вже тіи Гайдамаки блукають по сѣнку.
24 Не вспѣвъ хлопець вернутися зъ пивниций до хаты;
Приступили козаченьки Саву грабовати.
25 Тôлькôжъ тая челядонька на порôгъ ступае,
А Микитка пану Савѣ чоломъ отдавае.
26 Помагай Бôгъ, пане Саво, ой якъ ты ся маешъ?
Сидишъ собѣ въ свѣтличонькѣ, вино попиваешъ.
27 Здоровъ, здоровъ, пане Саво, якъ ся собѣ маешъ?
Добрыхъ гостей къ собѣ маешъ, чѣмъ ихъ привѣтаешъ?
28 Ой чи медомъ, ой чи виномъ, ой чи горѣлкою?
Попрощайся зъ своимъ сыномъ, зъ своею жôнкою!
29 Ой давъ бы вамъ меду й пива, не хочете пити;
Ой выжъ мене, молодого, хочете згубити.
30 Ой чѣмъ мêнѣ васъ, панове, чѣмъ васъ привитати?
Даровавъ мнѣ Господь сына; буду въ кумы брати.
31 Ой не пришли мы до тебе, да щобъ кумовати;
Мы зъ того пришли до тебе, да щобъ розсчитати.
32 Отъ вжежъ булобъ тобѣ, Саво, гардъ не руйновати;
Коли хотѣвъ Запорозцôвъ въ кумы собѣ брати.
33 Ой ведижъ насъ, пане Саво, у нову комору;
Да оддавай, пане Саво, козацькую зброю
34 А дежъ тыи, пане Саво, сукнй, едамашки,
Що въ йхъ ходивъ по Вкраинѣ, водячи затяжки?
35 А дежъ тыи, пане Саво, битые талары,
Що ихъ набравъ въ Украйнѣ, роблючи тяжары?
36 А дежъ тыи, пане Саво, китайки, атласы,
Що ихъ набравъ въ Украйнѣ, жôныцѣ на поясы?

37 А дежъ твои, пане Саво, тыи єдамашки,
Що ихъ набравъ на Вкраинѣ, жôнцѣ на запаски?
38 А дежъ твои, пане Саво, вороныи конѝ?
Пôдъ мѣстечкомъ Берестечкомъ стоять на выгонѣ.
39 Ой кинувся да панъ Сава, до ясного меча.....
Його взяли на три списы изъ праваго плеча.
40 Ой кинувся да панъ Сава, до ясной зброи.....
Його взяли, да пôдняли на три списы къ горѣ.
41 Отъ сежъ тобѣ, пане Саво, сукнѝ, єдамашки,
Що ты наживъ, вражій сыну, зъ козацькои ласки!
42 Годѣ, годѣ, тобѣ Саво, годѣ воювати,
Ой не будобъ, пане Саво, церкôвъ обдирати!
43 Ой не вспѣвъ же да панъ Сава на коника впасти;
У кайданы заковали, стали на вôзъ класти.
44 А Савиха молодая вôкномъ утёкала,
На молоду челядоньку спильна поглядала.
45 Хапай, хапай, челядонько, малую дитину;
Будешъ жити, пановати, коли я не згину.
46 Зашумѣла шабелёчка, якъ въ лѣсу калинка:
Зосталася тôлько тамъ молодая жôнка.
47 Не боиться козаченько нѝ грому, нѝ тучи:
Хорошенько въ кобзу грае, до Савихи йдучи.

Примѣчаніе. Изображенныя въ этой пѣсни обстоятельства были, къ стыду человѣчества, весьма часты въ исторіи Польскаго Королевства. Они начались въ половинѣ XVI-го вѣка, особенно съ 1595 года, т. е., съ появленія Уніи, рѣшительно вредной какъ для Малороссіянъ, такъ и для Поляковъ. Послѣдніе, посредствомъ этой мѣры, нисколько не достигли своей цѣли составить единство съ Малороссіею. Напротивъ Унія, это исчадіе фанатиковъ, принесла самые печальные плоды для своихъ изобрѣтателей. Бывши причиною всякаго рода испытаній и самыхъ варварскихъ гоненій на Малороссіянъ, невольнымъ образомъ она заставила ихъ отторгнуться отъ Польши, и искать покровительства подъ державою Царя Русскаго и единовѣрнаго. Борьба эта и потеря Малороссіи потрясли Польшу до основанія и ослабили ее, а продолжавшіяся потомъ внутреннія междоусобія и безначаліе низринули ее. Вотъ слѣдствія Уніи! — Малороссіяне, съ конца XVI вѣка, угнѣтаемые Поляками и не находя никакого правосудія, выходили изъ терпѣнія, возставали, и съ саблею въ рукѣ защищали вѣру и права свои, или, покрайней мѣрѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ мстили своимъ мучителямъ. И эта плачевная трагедія, съ не-

большими разстановками, продолжались почти до конца XVIII вѣка, до послѣдней вспышки, бывшей въ 1768 году, извѣстной подъ названіемъ *Колівщины*.

Въ предлежащей пѣснѣ описывается, что козакъ Савва Чалый предается Полякамъ, дѣлается отступникомъ отъ Православія и производитъ грабежи. Нѣсколько Запорожцевъ, руководимыхъ Игнатомъ Голымъ, нападаютъ врасплохъ на измѣнника и мстятъ. Не смотря однакожъ, что здѣсь выставлены имена лицъ, жившихъ во времена Гетмама Наливайка, слѣдовательно въ концѣ XVI-го вѣка, пѣсня эта, судя по языку, есть произведеніе гораздо позднѣйшаго времени. Колівщина, въ которой Запорожцы принимали самое дѣятельное участіе, свирѣпствовала, подъ руководствомъ Полковника *Максима Желѣзняка,* Уманскаго Сотника *Гонты* и другихъ, близь Черкасъ, Канева, Умани, Немирова, также и въ Каменецъ-Подольской губерніи, бывшихъ тогда еще въ зависимости отъ Польши По всей вѣроятности какой либо эпизодъ изъ этой Колівщины далъ поводъ къ сочиненію предлежащей пѣсни; или отъ частой передѣлки она утратила видъ старины. Пѣсня эта равно извѣстна въ Малороссіи, какъ и въ Галиціи. Есть много варіантовъ, изъ которыхъ видно, что фактъ этотъ подвергался частымъ обработкамъ; особенно Галицкіе наросты обличаютъ неудачныя попытки растянуть эту пѣсню. Нѣтъ возможности возстановить первоначальный текстъ; сообщаемъ здѣсь только самыя замѣчательныя особенности:

Послѣ 40-го куплета:

Гей вдарився та панъ Сава по полахъ рукою:
Пришлось мѣнѣ погибати зъ дѣтьми и зъ жоною.
Гей вдарився та панъ Сава по полахъ руками:
Оглянеться назадъ себе — тече кровъ рѣками.

Выраженіе: *удариться по полахъ руками* есть, по видимому, любимое въ Галицкихъ пѣсняхъ; оно встрѣчается нерѣдко, на пр. и въ думѣ № 151, подъ названіемъ *Бондарѣвна*.

Послѣ 46-го куплета:

Гей бачили многи люде Вкраиньску совочку,
Що принесла пану Савѣ смертельну сорочку.
Прилетѣли къ пану Савѣ Вкраиньски вороны:
Задзвонили пану Савѣ разомъ во всѣ дзвоны.

Сравн. еще пѣсню: Годѣ, годѣ, козаченьку, въ обозѣ лежати. № 20.— Къ этому же времени относится, къ сожалѣнію, только отрывокъ одной пѣсни, сохраненный славнымъ Конискимъ въ его Исторіи:

Да не буде лучче, да не буде краще, якъ у насъ на Вкраинѣ:
Да немае Жида, да немае Ляха, немае Уніи!

6.

1 Въ огородѣ хмели́нонька грядки устилае;
Промежъ людьми дѣвчинонька, та го̂рько рыдае.
2 Щожъ хмелина зелене́нька — чомъ не вьеться въ гору?
Щожъ дѣвчина молоденька проклинае долю?
3 Якъ хмели́нѣ въ гору виться? — Тычины не мае!
Якъ дѣвчинѣ не журиться? — Козакъ покидае.

Примѣчаніе. Въ немногихъ словахъ здѣсь дышетъ чувство; наивное сравненіе *дѣвчиноньки* съ *хмелиною* просто, но естественно и удачно. Стихъ вездѣ ровенъ и плавенъ; впрочемъ, кажется, что только отрывокъ.

7.

1 Ой по̂дъ вишнею, по̂дъ черешнею
Стоявъ старый зъ молодою, якъ и зъ ягодою.
2 И просилася, и молилася:
Пусти мене, старыи дѣду, на улицю погулять!
3 Ой и самъ не по̂йду, и тебе не пущу;
Бо ты мене старенького покинути хочешъ.
4 Куплю тобѣ хатку, ище сѣножатку,
И ставо́къ, и млинокъ, и вишневенькій садокъ.
5 Ой не хочу хатки, и ни̂ сѣножатки,
Ни̂ ставка, ни̂ млинка, ни̂ вишневого садка.
6 Ой ты, старый дѣдуга, изогнувся якъ дуга;
А я молоденька, гуляти раденька.....
7 Ой изгиньте, пропадйте всѣ старыи кости,
Не сушите, не крушите моей молодости.
8 Ты въ запе̂чку кахи, кахи; я зъ молодымъ хихи, хихи.
Ой ты все спишъ, а я плачу, то̂лько̂ лѣта марно трачу.

(Малороссійская и Галицкая).

8. Троицкая.

1 Завью вѣнки — та на святки́,
На всѣ святки — на праздничкн.
2 Рано, рано, — на празднички.
Въ бору сосна — колыхалася,
3 Дочка батька — дожидалася.
Ой батечку, — голубчику,

4 Прибудь ко мнѣ — хоть на лѣто!
Въ мене въ тынѣ — передъ ворóтями
5 Сине море — разливаеться.
Усѣ паны — избѣгалися,
6 Сѣму диву — дивовалися.

Сравн. еще пѣсню: Ой хто бѣжить, та дѣвчина. № 30.

9. Злая мати.

1 Охъ уже сѣмъ лѣтъ Донця на Донъ нѣтъ,
А на восьмый годъ Донець на Донъ ѣде.
2 Пристигла ёго нôчка темная,
Нôчка темная, та невидная.
3 Вôнъ самъ лёгъ, та на курганѣ,
Привязавъ коня до дубового кôлка;
4 Прилѣзла къ ёму чорна гадина.
То не гадина, то мати ёго. —
5 Охъ ты ѣдь, козаче, та швыдче на Донъ.
Охъ уже твôй дворъ изпустóшеный.
6 Вже твоя жôнка та за-мужъ пошла,
Вже твои дѣтки та посиротѣли,
7 Вже твои слуги безъ пана живуть,
Вже твоя челядонька та порозбрелася.
8 Вже твои жупаны тá поношены,
Вже твои меды та однечатаны! —
9 Приѣзжае козаченько на тихій Донъ!
Зустрѣла ёго жôнка молода.
10 Ой якъ выхопивъ та гостренькій мечъ,
Та й зпявъ жôнцѣ головку и зъ плечъ.
11 Приѣзжае козакъ та у свôй дворъ,
Въ ёго дворичокъ та якъ вѣночокъ:
12 Дѣточки ёго за столомъ сидять,
За столомъ сидять, все перомъ пишуть.
13 А слуги ёго золотомъ шиють,
Золотомъ шиють, сильненько плачуть,
14 По своей панеи, та по добренькôй.
Якъ увôйде вôнъ въ новы коморы:
15 У ёго жупаны та позлежовались.
Якъ увôйде вôнъ у новыи пóгребы:
16 У ёго меды позацвѣтали.

Якъ увôйде вôнъ у нову свѣтлицю:
17 Ой ты, мати моя, моя мати,
Ты не мати, — чорна гадина!
18 Зъѣла сонце, зъѣжъ и мѣсяця.
Зъѣжъ и зôрочки — дрôбны дѣточки!

Примѣчаніе. Г. Максимовичъ замѣчаетъ при этомъ слѣдующее: «Въ сей пѣснѣ, гдѣ злая мать уподобляется змѣѣ, послѣдніе стихи:

Зъѣла сонце, зъѣжъ и мѣсяця,
Зъѣжъ и зôрочки — дрôбны дѣточки!

весьма поэтически сказаны въ духѣ народномъ; ибо и теперь еще въ Ярославской и Орловской губерніяхъ есть повѣрье, что змѣи пьютъ солнце; а въ Малороссіи говорятъ, что вѣдьмы снимаютъ и прячутъ звѣзды».

10.

1 Чогожъ вода каламутна? — Чи не хвиля збила?
Чогожъ и я теперъ смутна? — Чи не мати била?
2 Мене мати та не била, — сами слёзы льються:
Одъ милого люлей нема́, — одъ нелюба шлються.
3 Прійди, милый, подивися, — яку терплю муку!
Ты хочь въ серцю та одъ тебе — беруть мою руку.
4 Спѣши, милый, спаси мене, — одъ лютой напасти.
За нелюбомъ колй буду, — то мушу пропасти!

11. Ледачій чумакъ.

1 Ой кудыжъ ты, чумаче, мандруешъ?
Кому мене, серце, даруешъ?
Гей, ты чумаче, небоже!
Чомъ ты не робишъ якъ гоже?
Серце, чумаче, голубче!
Чомъ ты не робишъ якъ лучче?
2 Люди вже йдуть у поле орати:
Мы зъ тобою у корчму гуляти.
Гей, ты. . . . . и проч.
3 Та вже люди въ полѣ поорали;
Мы зъ тобою въ корчмѣ прогуляли.
Гей, ты. . . . . и проч.
4 Та вже люди конопельки сѣють;
А нашѣ у мѣшечку прѣють.
Гей, ты. . . . . и проч.

5 Та вжежъ люди конопельки мочать:
А наши свиńи волочать.
Гей, ты. . . . . и проч.
6 Та отъ люди во́зять уже по токамъ,
Мы зъ тобою, се́рденько, по шинкамъ.
Гей, ты. . . . . и проч.
7 Уже люди моло́тять цѣпа́ми;
Мы зъ тобою, серденько, ногами.
Гей, ты. . . . . и проч.
8 Уже люди возять и мѣшками,
Мы зъ тобою, серденько, пѣшками!
Гей, ты чумаче, небоже!
Чомъ ты не робишъ якъ гоже?
Серце, чумаче, голубче!
Чомъ ты не робишъ якъ лучче?

Примѣчаніе. Чумаками называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь *чумаковати*, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію *нѣкоторыхъ*, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы; откуда будто происходитъ и самое названіе. Такъ пишетъ М. Максимовичъ; но едва ли съ мнѣніемъ *нѣкоторыхъ* можно согласиться. — Чумакъ въ дорогѣ не имѣетъ возможности часто перемѣнять бѣлье; а каждодневная смазка колесъ и безъ преднамѣреннаго обмакиванія въ деготь дѣлаютъ чумацкую сорочку и шаравары достаточно, такъ сказать, дегтярными. Вмѣсто натянутаго производства, лучше признаться въ незнаніи происхожденія сего слова.

12. Купаловая.

1 А въ то̂мъ борку на клинку
2 Чіи же то лёнъ не полотый?
3 То Марьинъ лёнъ не полотый.
4 Чомужъ вона не полола?
5 Ой, то за сíмъ, то за тымъ,
6 А найбо̂льшъ за сномъ товстымъ.
7 Ой чіяжъ то сѣножать,
8 Та ще вона не ко́шена?
9 То Грйцькова сѣножать!
10 Чомъ же вона не кошена?
11 Ой, то за сíмъ, то за тымъ,
А найбо̂льшъ за сномъ товстымъ.

Примѣчаніе. Сравн. еще: Ой Иване, Иваше́ньку. № 19. — Торохъ, торохъ при дорозѣ. № 44. — Летѣла сова изъ чужого села. № 173.

13. Дивнесенькій сонъ козака.

1 Якъ поѣхавъ козаченько на полёва́нье,
А покинувъ Марусеньку у хорованьи.

2 Якъ выѣхавъ козаченько въ чистее поле,
Переѣхавъ тихій Дунай, та широкій;
3 Пустивъ свого вôнъ коника на попасанье;
А самъ припавъ къ сырôй землѣ на спочиванье.
4 Якъ приснився козаченьку дивнесенькій сонъ.
Зъ-пôдъ правоі руки злынувъ ясный соколъ,
5 Зъ-пôдъ лѣвои, зъ-пôдъ бѣлои сиза зозуля.
Якъ поѣхавъ козаченько до ворожѣеньки,
6 Ворожѣенько, голубонько! одгадай мѣнѣ сонъ:
Зъ правои руки злинувъ соколъ, зъ лѣвои зозуля.
7 Ворожѣенька, голубонька сонъ одгадала,
Молодому козаченьку жалю задала:
8 Вжежъ твоя Марусенька сына привелà,
А за сыномъ Марусенька сама полягла̀! —
9 Ѣде, ѣде козаченько, коника бьючѝ,
А вже своей миленькои не застаючѝ.
10 Приѣзжае козаченько пôдъ ворôтечка;
Стукнувъ, пукнувъ ёго коникъ у копытечка;
11 Двоïчатыи ворôтечки одчинялися,
Троïчатыи оконечки одкрывалися.
12 Выйшла до его найстаршая свѣстъ,
Витай, витай, пане зятю, маешъ злую хистъ.
13 Якъ увôйде козаченько у нову свѣтлицю:
Лежитъ его Марусенька на престольницѣ!
14 Ударится козаченько объ дубовый стôлъ:
Чому, чому дубовый стôлъ не прибранъ стоишъ?
15 Чи вжежъ въ тебе, дубôвый стôлъ, хазяйки нема?
Була въ мене Марусенька хазяйка твоя!...
16 Нôжки мои скоренькіи, чомъ не пôйдете?
Ручки мои бѣленькіи, чомъ не робите?
17 Очки мои ясненькіи, чомъ не глянете?
Уста мои пріязніи, чомъ не мовите?
18 «Нôжки мои скоренькіи — находилися,
«Ручки мои бѣленькіи — наробилися,
19 «Очки мои ясненькіи — надивилися,
«Уста мои пріязніи — наговорилися!

(Въ Малоросіи и Галиціи извѣстна во многими разпорѣчіями).

14.

1 Шумить, гуде дубровонька,
Плаче, тужить дѣвчинонька.
2 Вона плаче и рыдае,
И на долю нарѣкае.
3 Долежъ моя нещастлива,
Чомъ ты мѣнѣ не зычлива?
4 Чомъ 'сь мя зъ милымъ разлучила,
А зъ немилымъ ты злучила?
5 Зъ милымъ любо умѣрати
И до смерти ся кохати.
6 Що любила безъ облуды,
Знають тее добры люди.
7 Куды иду обернуся,
Назадъ себе оглянуся.
8 Охъ, якъ плачу, гды забачу:
Лѣта свои дармо трачу!
9 Ой недоля ты немила,
Чомъ же 'сь мене не втопила?
10 Лучче було утопити,
Нѣжъ зъ милѣнкимъ розлучити!
11 Або пойду утоплюся,
Або въ камень розобьюся:
12 Нехай тее люди знають,
Якъ зъ коханья умѣрають.

(Галицкая, но извѣстна и въ Кіевѣ).

15. Жѣноча воля.

1 Сама хожу по камѣню;
Коня вожу. Кôнь лёнь тôлче.
3 На дорозѣ горобець скаче.
Ой чижичку, воробейчику!
5 Скажи мѣнѣ всю правдоньку:
Кому воля, кому нема?
7 Дѣвонькамъ ще своя воля:
Та за стрôчечку, та за вѣночокъ,
9 Та на уличку, та у таночокъ.
Чижичку, воробейчику!
11 Скажи мѣнѣ всю правдоньку:
Кому воля, кому нема?
13 Парубкамъ ще своя воля:
Та за шапочку, та за стрѣлочку,
15 Та на уличку, та за дѣвочку.
Чижичку, воробейчику!
17 Скажи мѣнѣ всю правдоньку:
Кому воля, кому нема?
19 Молодычкамъ нема волѣ:
У запѣчку буркунъ бурчить,
21 У колысцѣ — дитя кричить,
Пôдъ порогомъ — порося пищить,
23 А у печѣ горщокъ бѣжить.
Горщокъ каже: одставъ мене,
25 Порося каже: погодуй мене,
Дитя каже: розповый мене,
26 Буркунъ каже: поцѣлуй мене!

16. Чорноморцѣ.

1 Годѣ вже намъ журитися, — пора перестати;
Заслужили вôдъ Царицѣ — за службу заплаты!
2 Дала хлѣбъ-сôль и грамоты — за вѣрныя службы.
Отъ теперъ мы, милы братьця, — забудемо нужды!
3 Въ Таманѣ жить, вѣрне служить, — границю держати,
Рыбу ловить, горѣлку пить, — ще й будемъ багати.

4 Та вже можно женитися — и хлѣба робити,
А хто йтиме изъ невѣрныхъ, — якъ ворога бити.
5 Славажъ Богу, та Царицѣ, — а покой Гетману,
Изгоили въ сердцяхъ нашихъ — горючую рану.
6 Подякуемо Царицѣ, — помолимось Богу,
Що вона намъ показала — на Кубань дорогу!

Примѣчаніе. Въ славное царствованіе Екатерины II, послѣ погрома Поляковъ и блистательныхъ побѣдъ надъ Турками, Крымъ въ 1774 году былъ устраненъ отъ вліянія Турецкаго, а въ 1783 г. окончательно присоединенъ къ Россіи. Запорожцы, бывши нѣкогда полезнымъ оплотомъ противъ Татаръ, отжили свое политическое предназначеніе. Между тѣмъ они причиняли многія безпокойства, возбудили Коліивщину (см. № 5), производили безпорядки въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ они препятствовали поселенію Сербовъ, переманивали землепашцевъ Малороссійскихъ, числомъ до 50 тысячъ; просили Императрицу Екатерину о возвращеніи своихъ земель въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ; не дождавясь, однакожъ, рѣшенія, стали самовольно присвоивать себѣ земли по рѣки Бугъ и Донецъ. Эти поступки, изъясненные въ Манифестѣ отъ 3-го Августа 1775 года, навлекли на Запорожцевъ негодованіе и кару правительства. Іюня, 4-го дня 1775 года Государыня приказала Генералъ-Поручику Текелію съ извѣстнымъ числомъ войска двинуться къ Днѣпровскимъ порогамъ и *упразднить Сѣчь Запорожскую*. Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи; другіе разбрелись и поселились было во владѣніяхъ Турецкихъ; но, въ слѣдствіе Манифеста о вызовѣ бѣжавшихъ изъ Россіи, возвратились въ свое отечество. Изъ тѣхъ, кои оставались, и изъ возвратившихся Князь Потемкинъ составилъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Во время второй Турецкой войны (1787—1791) эти козаки, подъ предводительствомъ Кошеваго Атамана *Чепѣги* оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788 г.); въ награду за это они переведены Потемкинымъ, въ 1792 году, на островъ Таманъ и другія земли, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря, отъ Кубани до Ейска. Такъ произошли Черноморскіе козаки, достойные потомки отважнѣйшихъ Запорожцевъ.» Бо бувъ Ентеллъ не невна птаха, якъ Чорноморскій злый козакъ.» (Котляревскій). И такъ понятны выраженія: *Изгоили въ серцяхъ нашихъ горючую рану*, потому что на берегахъ Днѣпра (въ Сѣчи) Русскія войска ихъ преслѣдовали, а Турецкое правительство было для нихъ несносно. *Заслужили вѣдъ Цариці за службу заплаты, дала хлѣбъ-сôль и грамоты* и пр., т. е. получили позволеніе селиться въ Таманѣ. *Та вже можно женитися и хлѣба робити*; извѣстно, что въ самой Сѣчи могли жить только холостые козаки, которые и не думали о хлѣбопашествѣ. — Изъ всего этого

явствуетъ, что предлежащая пѣсня не старѣе 1792 года; но она имѣетъ также изрядное число варіантовъ. Нѣкоторые въ Русскихъ сборникахъ (см. Новѣйшій пѣсенникъ. СПБ. 1818, ч. 4, стр. 44) приписываютъ эту пѣсню извѣстному Григорію Сковородѣ. Но Г. Максимовичъ въ Украинск. Народн. пѣсняхъ (стр. 133) пишетъ слѣдующее: «Сложена и пѣта 15-го Августа 1792 года по случаю полученія грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ*. — Головатый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Віршу, говоренную Потемкину Запорозцями на Великъдень.* (Христосъ воскресъ, радъ міръ увесь; дождалися ласки....); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ съ отцемъ и дѣдомъ своимъ извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ «*Трехъ Антоновъ*». — Жаль, что ссылки нѣтъ.

17.

1 Сидить голубъ на березѣ, — голубка на вишнѣ;
Скажи, сердце, мѣнѣ правду, — що маешъ на мысли?
2 Ой, яжъ тобѣ присягала — любити якъ душу;
Теперъ мене покидаешъ, — я плакати мушу.
3 Будь щасливый и зъ тоею, — котору кохаешъ:
А надъ мене вѣрнѣйшои — на свѣтѣ не найдешъ!
4 Буду Бога я просити, — щобъ ты бувъ щасливый,
Чи зо мною, чи зъ другою, — по вѣкъ мѣнѣ милый!
5 Якъ не зхочешъ, сердце мое, — дружиною бути,
То дай мѣнѣ таке зѣлье, — щобъ тебе забути.
6 «Е у мене таке зѣлье — близько перелазу;
Якъ дамъ тобѣ напитися, — забудешъ вôдъ разу.»
7 Буду пити черезъ силу, — крапли не упущу:
Хиба тебе я забуду, — якъ очи заплющу!
8 Буду пити, буду пити, — хотябъ черезъ силу;
Тогдй я тебе забуду, — якъ ляжу въ могилу!

18.

1 Ой чумаче, чумаче,
Въ тебе личко козаче!
2 Чомъ нерано зъ Крыму йдешъ,
Не всѣхъ чумакôвъ ведешъ?
3 Ой рано я зъ Крыму йду,
И всѣхъ чумакôвъ веду;
4 Тôлькô нема одного,
Мого брата рôдного.
5 Брата рôдного нема,
Вдовиного Ивана.
6 Склалась ему причина;
Головоньку пробила.
7 Поламались терезы,
Сôль важучи на возы.
8 Шукавъ, шукавъ, не найшовъ,
Запрегъ волы, та й пôйшовъ.

9 Отамане, батьку нашь!
Порадь же ты теперъ насъ:
10 Що будемо робити?
Нѣчѣмъ воловъ кормити!
11 А ще, хлопцѝ, не бѣда:
Есть у полѣ лобода.
12 Косить, хлопцѝ, лободу,
Збувайте сю бѣду.

13 Косить, хлопцѝ, пшеницю,
Въ чистôмъ полѣ метлицю.
14 Косить, хлопцѝ, отаву,
Пасить волы на ставу.
15 Косить, хлопцѝ, очеретъ,
Наваримо вечерять,
16 Укипемо чабака,
Та помянемъ чумака!

19. Купаловая.

1 Ой Иване, Ивашеньку,
Не переходь дороженьку!
5 Якъ перейдешъ, винный будешъ.
Зроблю лазню изъ трёхъ зѣльевъ.
5 Пріишлось дѣвкамъ за Дунай плысти.
Всѣ дѣвочки переплыли,
7 А сирôтка утонула.
Дошли слухи до мáчухи.
9 Та вже не жаль мêнѣ дочки,
Та не дочки, — падчêрочки.
11 Жаль плахточки, — крещаточки,
12 Запасочки, — синяточки!

Примѣчаніе. Въ Кіевѣ Купаловыя пѣсни поютъ на канунѣ Иванова дня, или *Ивана Купала* — Рождества Іоанна Предтечи, іюня 24-го. Молодые люди обоего пола вечеромъ сходятся на открытомъ мѣстѣ, надѣваютъ на головы вѣнки, поютъ пѣсни, и взявшись за руки, перескакиваютъ черезъ огонь, или кучи крапивы. Обрядъ этотъ въ первый разъ описанъ Иннокентіемъ Гизелемъ въ Синопсисѣ 1674 г.; съ тѣхъ поръ оный нисколько не перемѣнился, и очевидно длится отъ временъ языческихъ. (Подробнѣе объ этомъ см. Истор. Малой Россіи Б.-Каменскаго. Изд. III. Т. III. стр. 198.) Невѣжды, или по выраженію Лѣтописца, невѣгласы воображаютъ, что въ Ивановскую ночь вѣдьмы слетаются близь Кіева. Онѣ мажутъ подъ мышками таинственнымъ отваромъ изъ *вѣдёмскихъ* травъ, въ числѣ коихъ самая важная *Тирличъ*, Тырличъ, Польс. Tyrlicz, Нѣм. Kreuzwurz, Enrian. Лат. Gentiana minor. Рус. Горечавка. Отваръ этотъ сообщаетъ имъ способность летать по воздуху. Сѣвъ верхомъ на *помело, вилки*, или *клушню*, онѣ, улетая чрезъ *кòминъ*, отправляются въ воздушное путешествіе на *Лысую гору* близь Кіева, на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ составляютъ свое страшное, но любопыт-

ное собраніе для совѣщаній. Повѣрье это, впрочемъ, существуетъ не у однихъ Славянъ. Оно рѣшительно одинаково и у Нѣмцевъ, и извѣстно подъ именемъ Walpurgisnacht. Гёте воспользовался имъ въ своемъ Фаустѣ. Карпато-Россы въ Ивановъ день празднуютъ не *Купало*, но *Ладо*, и не вечеромъ, а утромъ; почему пѣсни этого обряда называются въ Галиціи *Ладовыми*. Кромѣ вышеприведенной, помѣщена здѣсь: А въ тôмъ борку на клинку. № 12, другая: Торохъ, торохъ при дорозѣ. № 44. Также: Летѣла сова № 173.

20.

1 Годѣ, годѣ, козаченку, — въ обозѣ лежати.
Ой, ходймо пôдъ Гусятинъ — Жидôвъ рабовати.
2 Та въ пятницю до полудня — Жидôвъ рабовали;
А въ суботу въ Иванковцяхъ — худобу збйрали.
3 Хвалилися вражи Ляхи, — зъ Сатанова йдучи:
«Будемъ драти, пане брацй, — зъ китайки онучи»
4 Хоть же Москва полы дерла, — та плечи латала,
Предъ собою сорокъ тысячъ — вражихъ Ляхôвъ гнала.
5 На крижовôй дороженьцѣ — тамъ ся потыкали;
Дали Ляхамъ прочухана, — що зъ коней зпадали.
6 Чи добре вамъ, вражи Ляхи, — зъ козаками битись,
Що лежить васъ одъ Городка — за пôвтретя мили.
7 Гей, показавъ Ведмедянко — богатырску славу:
Та й потопивъ вражихъ Ляхôвъ — въ Городецкомъ ставу.
8 Борейкова дружинонька — волае долами;
Одинъ каже до другого: — вже пана не мамы.
9 Борейкова дружинонька — волае до неба;
Одинъ каже до другого: — розôйтися треба.

Примѣч. Гусятинъ мѣстечко въ Тарнопольскомъ округѣ (уѣздѣ) при пограничной рѣкѣ Зб̂ручи (Podhorźa) между Галиціею и Каменецъ-Подольскою губерніею. Выше Гусятина, при той же рѣкѣ, лежитъ и мѣстечко *Сатановъ*. *Городокъ* (Grodek) съ озеромъ (Городецкимъ ставомъ) село при устьѣ р. Середъ въ Днѣстръ въ Чертковскомъ округѣ. *Иванковцй, Ивановцй* село близъ города Бара, (извѣстнаго въ 1768 г. «Барскою конфедераціею») Подольской губерніи.

Такъ какъ дѣйствіе происходитъ на небольшомъ пространствѣ (не болѣе ста верстъ), на границѣ Каменецъ-Подольской губерніи, то обстоятельство это нельзя отнести къ войнамъ Хмельницкаго, или другихъ Гетмановъ съ Поляками. Вѣроятно, здѣсь описывается какое либо происшествіе во время преслѣдованія Русскими войсками Барскихъ конфедератовъ, причемъ и Малороссійскіе мужики,

по ненависти къ Полякамъ, охотно принимали участіе; или упоминается нѣчто изъ Колійвщины, т. е. возстанія въ 1786 г. Малороссійскихъ крестьянъ на Поляковъ за неслыханныя притѣсненія въ вѣрѣ и имуществахъ. Сравн. подобную думу: Ой бувъ въ Сѣчи старый козакъ.... № 5.

21.

1 Вѣють вѣтры, вѣють буйны, — ажъ дерева гнуться;
Ой якъ болить мое серце, — а слёзы не льються.
2 Трачу лѣта въ лютôмъ горѣ — и кôнця не бачу;
Тôлькô мěнѣ й легче стане, — якъ нишкомъ поплачу.
3 Не поможуть слёзы щастью, — серцю легче буде.
Хто щаслив бувъ хочъ часочокъ, — по вѣкъ не забуде!
4 Есть же люде, що й моеи — завидують долѣ:
Чи щасли́важъ та билинка, — що росте у полѣ?
5 Що у полѣ, що на пêскахъ, — безъ росы, на сонцѣ?...
Тяжко жити безъ милого, — и въ своêй сторонцѣ!
6 Безъ милого долй нема, — стане свѣтъ тюрмою;
Безъ милого щастя нема, — нема и покою.
7 Де ты милый, чорнобривый? — де ты? озовися!
Якъ я бѣдна тутъ горюю, — прийди, подивися!
8 До кого я пригорнуся, — и хто приголубить —
Коли немà тогò ту́та, — який мене любить!
9 Полетѣлабъ я до тебе, — та крылець не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе, — зъ горя высыхаю.

(Изъ Оперы: Наталка-Полтавка, неподражаемаго Ивана Петровича Котляревскаго).

22. Горщикъ.

1 Ой знати, знати, — въ кого есть дочки:
Топтаны стежечки — пôдъ оконечки.
2 Ой знати, знати, — хто любить Руську,
Топтаны стежечки — черезъ петрушку.
3 Ой знати, знати, — хто любить Польку,
Топтаны стежечки — черезъ квасольку.
4 Ой знати, знати, — хто кого любить:
Той къ тому стежечку — якъ ножемъ рубить.
5 Ой знати, знати, — хто кого любить:
Близько сѣдае, — и приголубить.
6 Ой знати, знати, — хто кого любить:
Якъ не побачить, — серденькомъ нудить.

7 Ой знати, знати, — хто зъ кого кпиться,
Дальше сѣдае, — чортомъ дивиться.
8 Ой знати, знати, — хто оженився,
Зкорчився, зморщився, — всѣмъ зажурився.
9 Ой горе тому, хто мае жону,
Втоптана стежечка, — до ёго дому.
10 Ой знати, знати, — хто нежонатый,
Личенько бѣлее, — якъ у паняты.
11 Та бѣдажъ, бѣда — й нежонатому,
Якъ тому горщику, — та щербатому:
12 Кипить, зкипае, — та все спливае,
Де нй обернеться, — добра не мае.
13 Самъ я не знаю, — чомъ не женюся,
Пôйду я въ рѣченьку, — та й утоплюся.
14 «Охъ, не топися, — душу загубишъ,
«Ходймо вѣнчаться, — коли ты любишъ!»

Примѣчаніе. Въ Галиціи, вмѣсто 12-го куплета, поютъ такъ:
Исподу кипить, — зверху збѣгае,
Куда ся оберне, — щастья не мае.

23.

1 За Нѣманъ иду,
Гей! коню мôй, коню,
Заграй пôдо мною!
Дивчино, прощай!
2 За Нѣманъ идешъ ты, мене покидаешъ:
Чогожъ тамъ, мôй милый, чого тамъ бажаешъ?
Хибажъ тобѣ краще чужа сторона,
Своеи милѣйше, рôднѣйше вона?
3 Иду я туды,
Де роблять на диво
Червонее пиво
Зъ кровй супостатъ!
4 Хибажъ ты задумавъ тѣмъ пивомъ упиться?
Чи вжежъ ты зо мною зхотѣвъ розлучиться?
Тобѣ мои слёзы, тобѣ моя кровъ....
Да тôлькô не кидай за вѣрну любовъ!
5 Дѣвчино, не плачь,
Не рвы мого серця!

Якъ пиръ той минеться,
Вернусь я назадъ.

6 И, вжежъ тобѣ, милый, назадъ не вертатись!
Тамъ тобѣ, сéрденько, на вѣки зостатись!
Дивись! пôдъ тоб ю и кôнь щось поникъ....
У полѣ зеленôмъ заснешъ ты на вѣкъ!

7 Якъ воронъ до тебе
Въ ôкôнце закряче:
Зъ-за моря прискаче
Козаченько твôй!

8 Якъ яворъ зелену головоньку склонить,
Закуе зозуля, дубрава застóне,
И кôнь пôдъ тобою спôткнеться, вздыхне....
Тогдѣ вже не буде на свѣтѣ мене!

Примѣчаніе. Пѣсня эта, написанная тоническимъ размѣромъ, есть подражаніе стихамъ славнаго Жуковскаго *Дубрава шумитъ*. Размѣръ вездѣ строго выдержанъ, слогъ чистый и плавный, но очень новый. Сочинена эта прекрасная пѣсня Протопопомъ Писаревскимъ. Онъ намекаетъ на походъ Русскихъ войскъ за границу въ 1813 году для освобожденія Европы отъ власти Наполеона.

24.

1 Сонце низéнько,
Вечêръ близенько,
Спѣшу до тебе,
Лечу до тебе,
Мое серденько!

2 Ты обѣщалась
Мене вѣкъ любити,
Нѝ съ кѣмъ не знатись,
И всѣхъ цуратись.
А для мене жити.

3 Сéрденько мое
Колись мы обое
Любились вѣрно,
Чесно, примѣрно,
И жили въ покоѣ.

4 Ой, якъ я прійду,
Тебе не застану,
Згорну я рученьки,
Згорну я бѣлыи,
Та й неживъ стану.

Примѣчаніе. Изъ оперы: Наталка-Полтавка, Ив. П. Котляревскаго.

25.

1 Сонце низéнько, — вечеръ близенько,
Выйди до мене, — мое серденько!

2 Ой выйди, выйди, — та не барися,
Мое серденько, — розвеселися!

3 Черезъ рѣчéньку, — черезъ болото,
Подай рученьку, — мое золото!

4 Черезъ рѣченьку, — черезъ быстрýю,
Подай рученьку, — подай другую!
5 Подай рученьку, — подай и другу,
Я къ тобѣ, сéрденько, — и самъ прибуду.
6 Ой тамъ крыница — пôдъ перелазомъ,
Выйдемо, серденько, — обое разомъ.
7 Ой выйди, выйди, — серденько, Галю,
Серденько, рыбонько, — драгій крышталю!
8 Ой выйди, выйди — не бôйсь морозу,
Я твои нôженьки — въ шапочку влóжу.
9 Ой бѣда, бѣда, — що я не вдався:
Бѣгъ черезъ рѣченьку, — та не вмывався.
10 Ой завернуся, — та й умыюся,
На свою мылую — хочъ подивлюся.
11 «Ой не вертайся, — та й не вмывайся:
«Тыжъ менѣ, сéрденько, — й такъ сподобався!

Примѣчаніе. Прекрасная пѣсня, слогъ игривый и легкій, размѣръ обыкновеннаго Нѣмецкаго вальса.

26.

1 Ой на морѣ, на морѣ синéнькôмъ,
Тамъ плавала бѣла лебедонька,
2 И зъ маленькими лебедятами.
Де-сь взявся сизопéрый орелъ;
3 Ставъ лебедку бити й забивати;
Стала лебедка до ёго промовляти:
4 Ой не бій менѣ, сизопéрый орлоньку,
Скажу я тобѣ всю щирую прáвлоньку:
5 Якъ у томъ мѣсьцѣ у *Кистринѣ*,
Та бьеться Орда уже три дни.
6 Бьеться вона три дни и три годины,
Розбилася вона на три половины.
7 Течуть рѣчки, а все кровавыи;
Черезъ тѣ рѣчки мостять мосты;
8 Мостять мосты, а все головками,
Головками, а все Московськими.

Примѣчаніе. Кистринъ, у Нѣмцовъ Küstrin, въ Прусской провинціи Бранденбургъ, при сліяніи рѣкъ Одера и Варты; небольшой, но хорошо укрѣпленный

городъ. Во время семилѣтней войны Фридриха Великаго съ Маріею Терезіею и ея союзниками, Русскія войска, въ томъ числѣ и Малороссійскіе козаки въ 1758 году, подъ начальствомъ генерала Фермора, въ январѣ заняли всю Пруссію, а 15-го августа осаждали и бомбардировали крѣпость Кистринъ, отъ чего весь городъ обращенъ въ пепелъ; уцѣлѣли только три дома. Обстоятельство это озлобило Фридриха противъ Русскихъ, и 25-го того же августа было, при деревнѣ Цорндорфѣ, одно изъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій между нашими и Прусскими войсками. Предъ сраженіемъ Король приказалъ не давать Русскимъ пощады, чего натурально и Русскіе не дѣлали. Тридцать тысячь убитыхъ и раненыхъ покрывали поле сраженія. — И такъ пѣсня эта составлена не раньше 1758 г.; въ ней смѣшано сраженіе съ осадою, сохранилось названіе Кистрина, но Цорндорфъ для Малороссійскаго простолюдина было трудно удержать въ памяти, осталось только воспоминаніе о кровавомъ побонщѣ. Выраженіе *Орда*, употреблено вмѣсто *войска*, какъ извѣстнѣе и употребительнѣе. — Трудно разъяснить политическую аллегорію лебедки и сизопераго Орла. Значитъ ли это Украина и Россія? Г. Максимовичъ (см. Украин. Нар. пѣсни) пишетъ: «Кистринъ и Гостинъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ — не суть ли Хотинъ?»

27.

1 Ѣхавъ козакъ за Дунай,
Сказавъ: дѣвчино, прощай!
Ты, конику вороненькій,
Неси да гуляй!

2 Постôй, постôй, козаче,
Твоя дѣвчина плаче;
Съ кѣмъ ты мене покидаешъ —
Тôлькô подумай!

3 Покидаю тебе Богу,
Самъ поѣду у дорогу.
Будь здорова и щаслива,
Голубко моя!

4 Бѣлыхъ ручокъ не ламай,
Ясныхъ очокъ не зтирай:
Мене зъ войны зо славою
Къ собѣ дожидай!

5 Не хочу я нічого,
Тôлькô тебе одного;
Ты будь здоровъ, мôй миленькій,
А все пропадай!

6 Свиснувъ козакъ на коня:
Зоставайся, молода!
Я приѣду, якъ не згину
Черезъ три года....

7 Тебежъ, мила, не забуду,
Поки живъ на свѣтѣ буду;
Колижъ умру на войнѣ,
Поплачъ обо мнѣ!

Примѣчаніе. Нашъ Украинскій Козакъ-Стихотворецъ *Семенъ Климовскій*, жившій въ началѣ XVIII-го столѣтія, едва ли предполагалъ, что его пѣсня *Ѣхавъ козакъ за Дунай* такъ долго сохранитъ свою свѣжесть и занимательность, и что мелодія эта, сдѣлавшись извѣстною во всей образованной Европѣ, будетъ

служить любимою темою для многихъ легкихъ и трудныхъ фантазій извѣстнѣйшихъ виртуозовъ.

Первоначальный текстъ этой пѣсни до насъ не дошелъ, и трудно распознать чужіе наросты, которые въ разныя времена являлись въ пѣсенникахъ. Кромѣ этой пѣсни, по всей вѣроятности, можно заключить, что Климовскому принадлежатъ и многія другія; но вообще имена сочинителей народныхъ пѣсень для насъ неизвѣстны. Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что Климовскій сочинилъ еще поэму *о правдѣ и великодушіи*, тоже силлабическими стихами. См. Пантеонъ Росс. Автор. I. 3. — Въ Молодикѣ на 1843 г. Ч. 2. Харьковъ, находится налитографированный портретъ Климовскаго (?!).

28.

¹ Гай, гай зелененькій, — хлопець, хлопець молоденькій,
Тѣмъ я тебе полюбила, — що у тебе усь чорненькій.
² И на мѣстѣ була, — и росады купила;
Да я тою росадою — весь огородъ засадила.
³ И росада моя — було принялася;
Ой дѣвчина зъ козакомъ — уже пôзналася.
⁴ Ой капусточка, — ой качаннячко:
Вѣрнее зъ козакомъ — закоханьнячко.
⁵ Ой не бійте мене — и не лайте мене,
Коли я вамъ наскучила, — то вôддайте мене!
⁶ Ой вôддайте мене — за Волошина;
Бо я въ материнйхъ очахъ — якъ порошина.
⁷ Ой ненько моя, — а я дочка твоя;
Тогдй було мене вчити, — якъ маленька я була.
⁸ А теперъ же я велика, — треба менѣ чоловѣка,
Нй старого, нй малого, — середнёго, молодого:
⁹ Щобъ и въ полѣ оравъ, — и худобу дбавъ,
Менежъ бы вôнъ молодую — та хазяйкою звавъ.

(Извѣстна и въ Галиціи).

29. Троицкая.

¹ Ой хто бѣжить? — та дѣвчина.
² А за нею — русалочка.
Ой послухай — ты панночко,
⁴ Загадаю я — три загадочки;
Якъ угадаешъ, — пущу я до батька.

6 Якъ не вгадаешъ, — вôзму я до себе!
Ой що росте — безъ корêня?
8 А що бѣжить — безъ повода?
А що цвѣте — та безъ цвѣту?
10 Камêнь росте — та безъ корêня,
Вода бѣжить — та безъ повода,
12 Папороть цвѣте — та безъ цвѣту!
Охъ панночка — не вгадала;
14 Русалочка — залôскотала.

Примѣчаніе. Троицкія пѣсни поютъ въ продолженіи *зеленой*, или *клечальной* недѣли. Подробнѣе объ этомъ въ Словарѣ Идіомовъ. Сравн. еще другую Троицкую пѣсню: Завью вѣники та на святки, № 8.

30.

1 Хожу, нýжу надъ берегомъ — и тяжко вздыхаю.
Бѣднажъ моя головонька, — що доли не маю!
2 Хожу, нýжу надъ берегомъ — и важко вздыхаю,
И на долю нещастливу — гôрько нарêкаю:
3 Чи ты мене, доле моя, — та вже одступила?
Чи ся въ таку нещастливу — годину родила?
4 А щожъ бо я, а щожъ бо я — кому учинила?
За щожъ мене, за щожъ мене — зла доля побила?
5 Чи я дома, чи я въ людяхъ, — чи я на чужинѣ;
Не знала я нйгде добра, — а нй при родинѣ.
6 И родина и чужина — мене ся цурае,
Та въ нещастю и злôй долѣ — ратунку не дае.
7 Нй въ лѣсѣ я, нй въ долинѣ, — а нй при роботѣ;
Тôлькô моя головонька — въ журбѣ и хлопотѣ.
8 Хочъ я живу, та щожъ по тôмъ? — що день умêраю;
Бо нйкóли щастливои — годины не маю.
9 Я стратила цѣлый вѣкъ, — вже ся не надѣю,
Дежъ я теперъ себе въ свѣтѣ — нещастна подѣю?
10 Та хтожъ мене пожалуе, — хто мя приголубить?
Нема того милêнького, — що го серце любить!
11 Мати моя любесенька, — що ты учинила?
Що мя таку бездольную — на сей свѣтъ вродила?
12 Журилася мати мною, — якъ рыба водою;
Дала мене въ неволеньку, — жалуе за мною.
13 Ой якъ тяжко конопельки — въ болотѣ топити,
А ще тяжче, моя мати, — на сêмъ свѣтѣ жити.

[14] Буложъ мене, моя мати, — малу́ю втопити,
Нёжъ такую нещастную — на сей свѣтъ пустити.
[15] Хиба въ воду кинутися, — то вже не вернуся,
Збуду смутку и клопо́ту, — тамъ не зажурюся.
[16] Ой ты, Боже мо́й, единый, — ты моя потѣха,
Потѣшъ мене нещастную, — выбавъ съ того лиха!

(Галицкая).

31.

[1] Стелися, стелися, зеленый горошe — якъ листъ по водѣ:
Не тѣштеся нигды, ой вы вороженьки, — моёй пригодѣ!
[2] Бо моя пригода и моя урода — якъ лѣтня роса,
Якъ вѣтеръ повѣе, а сонце пригрѣе, — спаде вона вся!
[3] Гей, ты молоденькій, голубе сивенькій, — не въ правдѣ жіешь,
Минаешъ ты хату и мои ворота, — до иньшои йдешъ.
[4] До иньшои дѣвки пильненько идучи — пѣсеньку пѣешь,
Мѣнѣ молоденькой, голубцѣ сивенькой, — жалю завдаешь.
[5] «Гей, ты молоденька, голубка сивенька, — насади ты садъ,
«Щобъ мене не чула, посади въ садочку — самый виноградъ.»
[6] Я садъ не садила, а ни поливала, — самъ ся во́нъ принявъ:
Тебе не любила, и зъ роду не знала, — самъ ся ты пригнавъ.

(Галицкая).

32.

[1] Ой, у броду, ой, у броду
Пили голубоньки воду;
[2] Вони пили, польнули,
Крылечками зтрепенули.
[3] Про любощи споминали,
Якъ зъ собою женихались.
[4] Сухи дубы розвивались,
Листочками покрывались.
[5] А теперъ вже перестали,
Однолѣтки, сухи стали.
[6] «Ты, козаче, заволоко!
«Любишъ мене не нарокомъ,
[7] «Напускаешъ туманъ густый,
«Хочешъ мене зъ ума звести.
[8] «Не поможе, милый Боже,
«Не зведешъ мене, небоже!...
[9] Е у мене грошей много,
Изведу тебе, небого!
[10] Мои гроши — не полова,
И дѣвчина чорноброва.
[11] Мои гроши — не метлиця,
И дѣвчина бѣлолиця.
[12] Запрягайте коня въ санки,
Поѣдемо до коханки.
[13] Приѣжжаемо къ воротамъ;
Стоить мила краще злота.
[14] Сама дѣвка милесенька,
На личенько бѣлесенька,
[15] Сорочечка тонёсенька,
И стёжечка краснесенька.
[16] Та ще къ тому уродлива,
Хорошая, чорнобрива.

33. Веснянка.

1 Розлилися воды
На чотырё броды:
3 У першому бродѣ
Соловейко щебетавъ,
5 И гнѣздечко розвивавъ.
У другому бродѣ
7 Зозуля ковала,
Лѣтечко казала.
9 У третёму бродѣ
Коничокъ заржавъ,
11 Дорожку почавъ.
А въ четвертôмъ бродѣ
13 Та дѣвчина плаче,
За нелюба йдучи,
15 Свое лихо чуючи.

Примѣчаніе. Г. Максимовичь пишетъ, что *веснянки* суть пѣсни, которыя поютъ дѣвушки, собираясь по вечерамъ, до самой Троицы, начиная обыкновенно съ марта мѣсяца, — съ того времени, когда птичка овсянка запоетъ свою веснянку, въ звукахъ которой, будто, слышны слова: «*Покинь санки, возьми вôзъ!*» Съ того времени, когда *щука хвостомъ разбиваетъ лёдъ*!.....

34. Дѣвка бранка.

1 Та йшовъ козакъ дорогою, — дорогою широкою.
Не самъ иде, коня веде, — коня веде за поводы.
3 Привёвъ коня до прикорня, — до прикорня дубового.
До аркана шовковаго; — а самъ лёгъ спать бйля ёго:
5 Сѣделечко въ головочки, — стрёменечки у бочечки.
Чи спавъ, не спавъ, прокинувся; — нема коня, нй прикорня.
7 Нй прикорня дубового, — нй аркана шовкового.
Пôйшовъ козакъ тиняючи, — свого коня шукаючи.
9 Выйшовъ козакъ на могилу, — та й заглянувъ у долину.
А въ долинѣ корчма стоить, — коло корчмы огонь горитъ.
11 Коло огня Турокъ сидить. — Турокъ сидить, люльку куритъ;
Коло ёго дѣвка сидить; — дѣвка бранка косу чеше.
13 Косо моя русявая! — За когожъ ты заручена?
За Турчина заручена, — за Татара засватана,
15 За козака рушникъ дала, — за Татара за-мужъ пôшла!

35.

1 Сивый коню, сивый коню! — що ты задумався?
Нема тôеі дѣвчиноньки, — що я въ ёй кохався!
2 Сивый коню, сивый коню, — наѣжся оброку:
Поженемось за дѣвчиной — у землю глыбоку.
3 Сивый коню, сивый коню, — тяжко тобѣ буде:
Поѣдемо разомъ зъ вѣтромъ, — попасу не буде.

4 Бѣгай, коню, бѣгай, коню; — бо вже вечерѣе;
Ой, тамъ сидить моя мила, — де зъ лѣса зорѣе.
5 Бачу милу, мою любку, — дивиться въ вôконце:
Хочъ не видно, й дуже темно, — свѣтиться якъ сонце!

(Кіевск. губерн.).

36. Коломыйка.

1 Ой ты горо каменная, — чомъ ся не лупаешъ?
Та скажи мнѣ, дѣвко, правду — въ кѣмъ ты ся кохаешъ?
2 Хибажъ бы я зъ пêску була, — що бымъ ся лупала;
Хибажъ бы я дурна була, — що бымъ ся признала!
3 Поки я була у матки, — та овечки пасла,
Ѣла сыръ и джеръ пила, — була въ личку красна.
4 А якъ пôйшла до ткáчика — цѣвочки сукáти,
Дивилася въ чужій горóдъ — на тыны набраты
5 Ой вôдтила до Пистыня — ѣде колесничка:
Дай же мене, моя мати, — та за ремесничка!
6 Ремесничокъ якъ паничокъ, — а ручка бѣленька,
Синій жупанъ, а въ руцѣ — тросточка тоненька.
7 Вôддай мене, моя мати, — за кого я важу,
Нѣхъ я буду сêмъ разъ бита, — я тобѣ не скажу.
8 Та дала мя моя мати — за высоки горы,
Не дала мнѣ бôльшъ нічого — тôлькô одни бджолы.
9 А бджолы ся розлетѣли, — всего ся лишила,
Та теперъ же мене, мати, — на вѣки втопила!
10 Дала мене моя мати — за кого хотѣла,
Зашумѣла нагаечка — коло мого тѣла.
11 Якъ бы рѣчка невеличка, — я бы пребродила;
Якъ бы мужикъ, та не сивый, — ябъ ёго любила.
12 Бѣднажъ моя головонька, — що я наробила:
Полюбила вôвчарика — за каналокъ сыра!
13 Покоштую я той сырець, — а вôнъ солоденькій;
Подивлюся на вôвчара, — вôвчаръ молоденькій.
14 Шкода травы, та й муравы, — що по нêй ходила;
Шкода мêнѣ молоденькôй, — що дурня любила!
15 Качаюся, валяюся, — кусають мя блошки,
Пусти мене, чоловѣку, — до корчмоньки трошки!
16 Пусти, пусти, чоловѣку, — я не забавлюся;
Я зъ хлопцями погуляю, — до дому вернуся.

[17] Ой коли ты не любиз, — будожъ мя не брати;
Бо я тобѣ не яблучко — въ саду коштовати.
[18] Бо яблучко покоштуєшъ, — та й далѣ закинешъ,
А вôдъ мене молодои — марно зъ свѣта згинешъ.

Примѣчаніе. Пистынь — мѣстечко по дорогѣ отъ Коломыи въ Куты. — Сравн. Славный городъ Коломыя. № 83.

37 Чайка.

[1] Ой бѣда, бѣда, — чайцѣ небôзѣ,
Що вывела дѣтки — при битôй дорôзѣ.
Киги! киги! злетѣвши въ гору,
Прійшлось втопитись въ Чорному морю!
[2] Жито поспѣло, — приспѣло дѣло,
Йдуть женцѣ жати, — дѣтокъ забирати.
Киги! киги!....
[3] Ой дѣти, дѣти! — Де васъ подѣти?
Чи мêнѣ втопитись? — Чи зъ горя убитись?
Киги! киги!....
[4] И куликъ чайку — взявъ за чубайку.
Чайка кигиче: — згинь ты куличе!
Киги! киги!....
[5] А бугай: *бугу*! — гне чайку въ дугу:
Не кричи, чайко, — бо буде тяжко.
Киги! киги!....
[6] Якъ не кричати, — якъ не лѣтати?
Дѣтки маленьки, — а я йхъ мати!
Киги! киги!....

Примѣчаніе. Наивно изображенная въ этой пѣсни участь бѣдной чайки, выведшей дѣтенышей возлѣ дороги, есть аллегорическое подобіе Украины, находившейся въ XVI и XVII столѣтіяхъ, такъ сказать, на распутіи, между тремя сильными державами, Россіею, Польшею и Турціею, и притомъ безпрестанно колеблемой и страдавшей. — Идея эта давно существовала; она родилась въ концѣ XVI-го вѣка вмѣстѣ съ Уніею и гоненіями отъ Поляковъ. Малороссіяне были убѣждены въ невозможности имѣть политическую самостоятельность, ощущали потребность быть въ *протекціи* сосѣдней могучей державы, но не такой, какъ Польша, и мысль эту выражали просто, или иносказательно на общественныхъ радахъ. Особенно ясно она высказана въ рѣчи безсмертнаго Богдана Хмельницкаго въ присутствіи Русскихъ пословъ. По этой, вѣроятно причинѣ Князь Цертелевъ, а за нимъ и Г. Максимовичъ, приписываютъ сочине

ніе этой пѣсни Хмельницкому. Но это едва ли справедливо; доказательствъ нѣтъ, а на одно увѣреніе полагаться нельзя. Другіе писатели выставили и другихъ собственниковъ на сочиненіе этой пѣсни. Знаменитый нашъ Конискій, въ своей Исторіи Руссовъ (стр. 201), приписываетъ ее Гетману Мазепѣ. Дѣйствительно этотъ необыкновенно ловкій и умный честолюбецъ могъ бы написать что либо подобное; но Конискій объ этомъ обстоятельствѣ повѣствуетъ только съ разсказовъ Кочубей представилъ другую пѣсню: *Всѣ покою щире прагнуть*, которую, будто бы, сочинилъ Мазепа. Трудолюбивый Бантышъ-Каменскій говоритъ, что пѣсня о Чайкѣ сочинена послѣднимъ Кошевымъ Запорожскимъ Кальнашемъ, (изд. 3. Т. III. пр. 270. т. е. Атаманомъ Петромъ Кальнишевскимъ. — Запорожская Сѣчь уничтожена въ 1775 году). Но ссылки тоже нѣтъ. Впрочемъ сіе указаніе, судя по слогу пѣсни, есть самое вѣроятное. — Кто бы ни былъ сочинителемъ; но эта старинная поэтическая идея, облеченная искусно въ форму народной пѣсни, вмѣстѣ съ ея прекраснымъ меланхолическимъ напѣвомъ составляетъ ея неувядаемое достоинство.

38.

1 А дежъ тая крыниченька, — що голубка пила;
Ой дежъ тая дѣвчинонька, — що мене любила?
2 А дежъ тая крыниченька, — що голубь купався;
Ой дежъ тая дѣвчинонька, — що я женихався?
3 Огь сежъ тая крыниченька, — и ключь и вѐдро:
А вжежъ мене дѣвчинонька — забула давно!
4 Засыпалась крыниченька — жовтенькимъ пѐскомъ,
Злюбилася дѣвчинонька — зъ другимъ козакомъ.
5 Та вжежъ до той крыниченьки — стежки заросли;
Та вжежъ мою дѣвчиноньку — сватати прійшли.
6 Та вжежъ тая крыниченька — гатомъ загачена;
А вжежъ тая дѣвчинонька — зъ иньшимъ заручена.
7 Шумять вербы, що надъ тою — крыницей ростуть;
Та вжежъ мою дѣвчиноньку — до церкви ведуть.
8 Одинъ веде за рученьку, — другій за рукавъ:
Третій стоить, серце болить; — любивъ, та не взявъ!
9 А вжежъ тая крыниченька — травою заросла;
Та вжежъ тая дѣвчинонька — давно за-мужъ пошла!

Примѣчаніе. Поютъ въ Галиціи и Малороссіи. Варіантъ начала этой пѣсни есть слѣдующій:

Чи се тая крыниченька, — що я воду пивъ?
Чи сежъ тая дѣвчинонька, — що ѐѐ любивъ?
Ой жаль мѐнѣ буде, возьмуть ѐѐ люде,
Недоля моя!

39. Жôноча правда.

¹ Била жôнка мужика, — пôшла позывати;
Присудили мужику: — ще жôнки прохати.
² Сидить жôнка на припечку, — нôжки пôдобгавши;
Стоить мужикъ у порога, — шапочку изнявши.
³ Прости мене, моя мила, — що ты мене била!
Куплю тобѣ гарнець меду, — коновочку пива.
⁴ «Ой вôдъ пива болить спина, — вôдъ меду голóва,
«Купи мѣнѣ горѣлочки, — щобъ була здорова.
⁵ «Та ще, мужичище, — вчины мою волю:
«Поскачи ты гайдука, — та передо мною! —
⁶ Кричить мужичище, — взявшись за бочище:
Гойя! гойя! моя мила, — отъ и гайдучище.
⁷ Не дивитеся, Панове, — що жôнка вчинила,
Що своёго мужика — гайдука навчила.
⁸ Бо вже така пора прийшла, — що ще й не бувало:
Якій дѣдько ий побье, — то й пиши пропало!

40.

¹ По улицѣ я хожу, и не нахожуся;
Дивлюся де родина, и не надивлюся!
² Ой повѣй же, вѣтроньку, на мою свѣтлоньку,
Зъ того краю далекого, де родину маю.
³ И вѣтеръ не вѣе, сонечко не грѣе.
Тôлькô въ степу одинсенька трава зеленѣе.
⁴ Якъ приѣхавъ милый до милои въ гости,
А въ милои, любляэнои, хата на помостѣ.
⁵ Якъ узявъ вôнъ милу пôдъ бѣлыи боки,
Та й укинувъ, та й укинувъ у Дунай глыбокій.
⁶ Плыви, плыви, мила, тихо за водою;
Бо не буде вже нѣколи намъ житья зъ тобою!
⁷ Ой выплыла мила на жовтый пêсочокъ,
Стало ёё чути тихій голосочокъ:
⁸ Чи я нехороша, чи я невродлива?
Тôлькô бѣдна моя доля, та ще нещастлива!

41.

¹ Розвивайся сухій дубе — на чотырê листы!
У козака три дѣвчины, — не мае корысти.

2 Одна пошла въ восень за-мужъ, — друга у мясницѣ;
А зъ третёю женихався; — та иде въ черницѣ.
3 Пошлажъ бы я у черницѣ, — та, Боже мой милый!
Остаеться у Локоткахъ — козакъ чорнобривый.
4 Ой сёгодня у Локоткахъ, — а завтра у Клышки:
Подарую миленькому — на застёжку строчки.
5 Носижъ ты ихъ, мой миленькій, — та не выхваляйся!
Якъ не будешъ выхвалятьея, — не зможу розстаться.
6 Носижъ ты ихъ, мой миленькій, — та не выхваляйся!
Бо якъ станешъ выхвалятьея, — годѣ зо мной знаться!
7 Носивъ, носивъ козаченько, — та й ставъ выхвалятьея;
Та вжежъ ёму зъ дѣвчиною — повѣкъ не видаться.

42.

1 Що ты, милый, думаешъ, гадаешъ?
Мабуть, мене покинути маешъ!
2 Рано встаешъ, коня наповаешъ,
Зеленого сѣнця подкладаешъ.
3 Въ сѣнечки йдешь, сѣдельця пытаешь,
Въ комору йдешъ, нагайки шукаешъ.
4 Дитя плаче, а ты не колышешъ,
Все на мене важкимъ духомъ дышешъ.
5 Ой ревнула въ порога корова;
«Зоставайся, милая, здорова!»
6 Ой ревнуло ще й мале телятко;
«Зоставайся, малее дитятко!»
7 Мила зъ хаты усе выбѣгала,
Чоловѣка за стременъ хапала.
8 Ой вернися, мой милый, вернися!
Варенои горѣлки напийся!
9 «Не вернуся, мила, не вернуся;
«И въ дорозѣ сырои напьюся.
10 «Я до тебе въ недѣлю вернуся,
«Въ зеленый жупанъ приберуся.
11 Ой не ѣдь же, мой милый, ты низомъ:
Закидана дороженька хмызомъ.
12 «Ой е въ мене коникъ вороненькій;
«Перескочить той хмызокъ дробненькій.»

43. Купаловая.

1 Торóхъ, торóхъ при дорозѣ!
2 Що за гомóнъ по дубровѣ?
Ой братъ сестру вбивать хоче;
4 Сестра въ брата прохалася:
Мóй братечку, голубчику!
6 Та не вбивай у лѣсочку.
Убій мене въ чистóмъ полѣ;
8 Ой якъ убьешь, — похавай же.
Ой обсади трёма зѣльями:
10 Першимъ зѣльемъ, гвоздичками,
Другимъ зѣльемъ, васильками,
12 Третимъ зѣльемъ, стрѣлочками!
Идуть дѣвки—гвоздички рвуть,
14 Вони й мене вже зномянуть.
Молодички — васильки рвуть,
16 Воны й мене вже спомянуть;
Паробочки — стрѣлочки рвуть,
18 Воны й мене вже зномянуть!

Сравн. еще: Ой Иване, Иваненьку, № 19. А въ тóмъ борку на клинку, № 12. Летѣла Сова. № 173.

44. Пу́гачъ.

1 Ой спавъ Пу́гачъ на могилѣ, — та й крикнувъ вóнъ пу́гу!
Чи не дасть Бóгъ козаченькамъ — хоть теперъ потугу!....
2 Що день, що нóчъ усе ждемо, — поживы не маемъ;
Давно була! Хмельниченка — уже не згадаемъ.
3 Ой колись мы воювали, — та бóльше не будемъ!
Того щастья и той доли — повѣкъ не забудемъ!
4 Та вже шабли заржавѣли, — мушкеты безъ курковъ;
А ще серце козацькее — не боиться Туркóвъ.

Примѣчаніе. Согласно съ Г. М. предполагаемъ, что эта пѣсня относится, по всей вѣроятности, къ 1774 году, времени Пугачевскаго мятежа. Но эта пѣсня не есть народная, а судя по слогу и строго соблюденному вездѣ размѣру, есть произведеніе какого-то грамотѣя, принадлежавшаго къ обществу Запорожцевъ, которые въ это время—по окончаніи войны съ Турціею—скучали отъ бездѣйствія. Запорожцы, встрѣчавшіеся, внѣ своей Сѣчи, гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ Украины, узнавали другъ друга, произнося извѣстныя слова; такъ одинъ говорилъ: *Пугу*! а другой отвѣчалъ: *Козакъ зъ лугу*!

45.

1 Волы мои половыи, — чому не орете?
Лѣта мои молодыи, — чого марно йдете?
2 Якъ бы вы насъ поганяли, — такъ бы мы й орали;
Якъ бы вы насъ шановали, — такъ бы васъ слухали.
3 Ой самъ же я та не знаю, — що робити стати:
Запряжу чотырé волы, — та пóйду орати.

[4] Запряжу чотырё коний, — коний вороныи,
Та пойду я доганяти — лѣта молодыи.
[5] Ой догнавъ же лѣта свои — въ калиновомъ мостѣ:
Вернитеся, лѣта мои, — хоть до мене въ гости!
[6] Лѣтажъ мои, лѣта мои, — лѣта молоденьки,
Коли доля нещастлива, — будьте коротеньки!

46. Варіянтъ второй.

[1] Волы мои половыи, — чомъ вы не орете?
Лѣта мои молодыи, — чогожъ марно йдете?
[2] Колибъ же мы запряжений, — то мыбъ и орали.
Якъ бы лѣта у роскоши, — марно не пропали.
[3] Ой орали половыи, — вже вамъ не орати.
Пройшли лѣта молодыи; — конемъ не нагнати.
[4] Дала мене моя мати, — дала, заручила.
Якъ въ озерѣ коноплину — вона намочила.
[5] Коли тая коноплинка — въ томъ озерѣ зойде;
Тогдй уже дитя твое — въ гостиночки прійде.
[6] Не бій мене, моя мати, — нйколи, нй за що,
Побила лиха година, — велике ледащо.
[7] Не бій мене, моя мати, — тою палюгою,
Побила лиха година, — та зъ симъ пьяногою.
[8] Не бій мене, моя мати, — не роби калѣчки,
Зважи очи, темной ночи, — та веди до рѣчки.
[9] Зважи въ рядно, пусти на дно — буду потопати:
Тяжко, важко, моя мати, — роскоши збувати.

47. Загадка.

[1] Ой за гаемъ, ой за гаемъ, та вже зелененькимъ,
Тамъ орала дѣвчинонька воликомъ чорненькимъ.
[2] Ой орала дѣвчинонька, не вмѣла гукати:
Та наняла козаченька у скрыпочку грати.
[3] Козакъ въ скрыпку грае, бровами моргае,
Вража ёго мати знае, про що вонъ гадае?
[4] Чи про мои волы, чи про чорны брови,
Чи про мое бѣле личко, здатне до любови!

48. Горлиця.

¹ Ой дѣвчина горлиця
До козака горнеться.
² А козакъ якъ орелъ,. . .
Якъ побачивъ, такъ и вмеръ 2.
³ Якъ бы мѣнѣ зранку
Горѣлочки шклянку,
⁴ И тютюнъ, та люльку,
Дѣвчину Ганнульку. 2.
⁵ Горѣлочкубъ пивъ, пивъ,
И люлечкубъ я куривъ;
⁶ И дѣвчину Ганнулечку
До серденькабъ все туливъ. 2.
⁷ Колибъ мѣнѣ зранку
Кавы филижанку,
⁸ Сухарця, й до того
Хлопця молодого. 2.
⁹ Кàвонькубъ я пила,
Сухарець бы ѣла,
¹⁰ Хлопця молодого
До себе тулила. 2.

Примѣчаніе. Куплеты 7, 8, 9 и 10-й Галицкой фабрикаціи и выражаютъ желаніе женщины, впрочемъ, на Польскій манеръ; а въ предыдущихъ строфахъ изображено желаніе Малороссіянина.

49.

¹ Стоить яворъ надъ водою, — въ воду похилився;
На козака невзгóдонька, — козакъ зажурився.
² Не хилися, я́вороньку, — ще ты зелененькій;
Не журися, козаченьку, — ще ты молоденькій.
³ Не радъ яворъ хилитися, — вода корни мые;
Не радъ козакъ журитися, — та серденько ные.
⁴ Ой поѣхавъ въ Московщину — козакъ молоденькій,
Орѣхове сѣделечко — и кôнь вороненькій.
⁵ Ой поѣхавъ въ Московщину — да тамъ и загинувъ,
Свою рôдну Украину — на вѣки покинувъ.
⁶ Казавъ собѣ: насыпали — высоку могилу;
Казавъ собѣ: посадили — въ головкахъ калину.
⁷ Будуть пташки прилѣтати — калиноньку ѣсти,
Будуть мѣнѣ приносити — одъ рôдоньку вѣсти!

Примѣчаніе. Куплетъ первый въ Кіевѣ начинаютъ такъ: Ишовъ козакъ черезъ байракъ, байракъ похилився. На козака пригодонька, козакъ зажурився. — Но это безъ смысла. Куплетъ 5, здѣсь недоставало полстрофы, и потому стихъ: «Свою рôдну Украину на вѣки покинувъ,» для пополненія прибавленъ М. Максимовичемъ.

50.

¹ Голубъ сизый, голубъ сизый, — голубка сизѣйша:
Батько милый, мати мила, — дружина милѣйша.

[2] Зъ батькомъ, зъ матерью зôйдуся, — грѣха наберуся,
А зъ дружиною зôйдуся, — не наговорюся.
[3] Два голуба воду пили, — два коломутили;
Бодай же тѣмъ тяжко-важко, — що насъ розлучили!
[4] Розлучили рыбалочки — рыбоньку зъ водою;
Розлучили лихи люди — милого зо мною.
[5] Ой якъ тяжко тôй рыбоньцѣ — противъ воды плысти;
А ще тяжче кохавшися, — не мати корысти.
[6] Ой якъ тяжко былиноньцѣ, — коли вѣтеръ вѣе;
А ще тяжче безъ милого; — бо серденько млѣе.
[7] Та вжежъ мênѣ не ходити, — куды я ходила;
Ой вже мênѣ не любити, — кого я любила!
[8] Та вжежъ мênѣ не ходити — ра́нкомъ по пôдъ за́мкомъ.
Ой вже мênѣ не стояти — та зъ моимъ коханкомъ.
[9] Та вжежъ мênѣ не ходити — въ лѣски по орѣшки;
Ой вже мênѣ минулися — дѣвôцькии смѣшки.
[10] Шкодажъ моêй уродоньцѣ, — высокого росту;
Прійшлось мênѣ утопиться — зъ высокого мосту.

(Равно извѣстна въ Малороссіи, какъ и въ Галиціи).

51.

[1] Шли коровы изъ дубровы, — а овечки зъ поля;
Выплакала кары очи, — край козака стоя.
[2] Куды ѣдешъ, одъѣжжаешъ, — сизокрылый орле!
А хтожъ мене молодую — къ серденьку пригорне?
[3] Пригортайся, дѣвчинонько, — къ зеленому дубу;
Я до тебе, мое серце, — у вечорѣ буду.
[4] Вечоръ стою, свѣтомъ нужу, — тебе не видати;
Доведеться ледачому — всю правду сказати.
[5] Нема въ саду соловейка, — нема щебетанья;
Нема мого миленького, — не бере гулянья.
[6] А якъ въ саду соловейко — щебече раненько;
Ой якъ же, мôй милесенькій, — гулять веселенько!
[7] Ой поросла по слѣдочкамъ — шавлія и рута;
Нема мого миленького — ні дома, ні тута.
[8] Я шавлію перевію, — а руты не буду;
Розсердився мôй миленькій, — просити не буду.
[9] На шавлію воду ношу, — на руту не буду;
Розсердився, вражій сыну, — просити не буду.

[1] Нехай ёго тыи просять, — що перстени носять;
Нехай ёго тыи люблять, — що въ болотѣ трублять.
[11] Ой выйду я за ворота, — нема срѐбла, злота;
Тôлькô той стоить пескреба, — що мѐнѣ не треба.

Поють въ Малороссіи со множествомъ варіантовъ. См. Южнор. пѣсн., изд. Метлинскимъ, стр. 38. Срав. № 123, 2.

52. Дума. Лемерôвна.

[1] Та пила̀ все Лемѐриха на меду́,
Та пропи́ла свою до́чку молоду́.
[2] Въ недѣленьку, ранѐсенько до сонця
Ой плакала Лемѐрôвна въ вôконця.
[3] Ой загину, ма̀тѐнко, загину:
Яжъ не люблю Шканды́бенка, — покину!
[4] Коли любишъ, до́нечко, вѣнчайся;
Якъ не любишъ, дитя мое, цурайся.
[5] Ой якъ пôшла Лемерôвна горою;
А за нею Шкандыбенко другою.
[6] Ой догнавъ вôнъ Лемерôвну, та ǐ не бье;
А вонъ ёё словѐчками карае.
[7] Ой чогожъ ты, Лемерôвно, пѣшки йдешъ,
Десь вороныхъ кониковъ не маешъ?
[8] «Ой хочъ же есть вороныи, то твои;
«Та вже самъ ты не до мыслоньки мѐнѣ.»
[9] Ой чогожъ ты, Лемерôвно, боса йдешъ,
Десь у тебе черевиковъ не маешъ?
[10] «Ой хочъ же есть черевички, то твои;
«Та вже самъ ты не до мыслоньки мѐнѣ.»
[11] Ой чого ты, Лемерôвно, въ свитѣ йдешъ,
Десь у тебе та жупа̀нôвъ не маешъ?
[12] «Ой хочъ же есть тѣ жупаны, то твои;
«Та вже самъ ты не до мыслоньки мѐнѣ.»
[13] Ой якъ взявъ вôнъ Лемерôвну на коня,
Повѐзъ тую Лемерôвну по тернахъ.
[14] «Ой дай мѐнѣ, Шкандыбенку, гострый нôжъ;
«Повыймаю чорный терепъ зъ бѣлыхъ нôгъ.»
[15] Не влучила Лемерôвна въ нôженьку,
Та влучила Лемерôвна въ серденько.
[16] «Кипи, кипи, сѐрденько, на ножѣ,
«Нѐжъ у того Шканды́бенка на дворѣ»...

[17] Ой везе вôнъ Лемерôвну до двора;
Та вôдчиняй, мáтêнко, ворота!
[18] Везу тобѣ невѣсточку пьяненьку!..
Ой вôдъ чого, сы́ночку, впилася?
[19] Упилася, мáтêнко, вôдъ коня,
А заснула, матêнко, вôдъ ножа!
[10] Ой не вези, сы́ночку, та у дворъ;
Вези êê, сы́ночку, до тещи.
[21] Ой вôдчиняй, тéщенько, ворота,
Везу тобѣ дóнечку пьяненьку.
[22] Ой вôдъ чого, зя́теньку, впилася,
Ой вôдъ чого, дитя мое, впилася?
[23] Упилася, тéщенько, вôдъ коня,
А заснула, тещенько, вôдъ ножа.......

Примѣчаніе. Послѣ 12-й строфы въ Галиціи прибавляютъ, впрочемъ неудачно, еще:
Сѣдлай, хлопче, та й ще хутко, ты коня,
Привяжу я горловницю до хвоста

53.

[1] Кохавъ мене батько, — якъ бѣлу тополю:
Ой сддала мати — въ тяжкую неволю!
Ой мати, мати, — що ты гадала
Що ты за нелюба — за мýжъ отдала?
[2] Десь ты мене, мати, — въ барвинку купала,
Купаючи прок ипала, — щобъ долѣ не мала.
Ой мати....
[3] Десь ты мене, мати, — на мѣстѣ купила,
Що ты мене, мати, — на вѣки втопила!
Ой мати....
[4] Луччелъ мêнѣ, мати, — гарячъ камень ѣсти,
Якъ мêнѣ и зъ нелюбомъ — вечеряти сѣсти.
Ой мати, мати, — що ты гадала,
Що ты за нелюба — за мýжъ отдала?

54.

[1] Широкая та улиця, — та ще й подалася;
Сидѣть стыдка зъ своимъ милимъ, — та ще й обнялася!
[2] Ой на, тобѣ, стыдка, брыдка, — на станъ полотенця,
Та не сиди зъ своимъ милымъ, — не рѣжъ мого серця!

3 Ой на, тобѣ, стыдка, брыдка, — та ще й на рукава:
Та не сиди з своимъ милымъ, — ты, вѣдьмо лукава!
4 Ишла мати и зъ дочкою — оструи копати:
«Будежъ тобѣ, вражій сыну, — изъ нашои хаты.
5 «Будешъ сохнуть, будешъ чахнуть, — смертоньки бажати,
«Будешъ въ моеи матусеньки — водиций прохати:
6 Ой дай мѣнѣ, моя мати, — холодноѝ воды:
Та вжежъ мѣнѣ зъ твоей доньки — знущатися годѣ!

55.

1 По надъ моремъ Дунаемъ — Вѣтеръ яворъ хитае.
Вѣтеръ яворъ хитае. — Мати сына пытае:
3 Ой сыне мой Иване, — Дитя мое кохане.
Якъ я тебе колыхала, — Усю нôченьку не спала:
5 Якъ я тебе зрастила, — Сама себе звеселила.
Якъ я тебе оженю: — Всю родину звеселю.
7 А якъ тебе въ войско вдамъ, — Собѣ жалю вже завдамъ.
Не журися, моя мати, — Не завдай собѣ печали.
9 Исправъ мѣнѣ три трубы, — Та усѣ три мѣдяны.
А четвертую трубу — Исправъ менѣ золоту!
11 Въ першу трубу я заграю, — Якъ коника осѣдлаю;
А въ другую я заграю, — На конику сидючи.
13 А въ третюю я заграю, — Зъ твого двора ѣдучи.
А въ четверту затрублю, — Середь вôйска стоючи,
15 Середь вôйска стоючи, — И шабельку держучи.

56.

1 По за садомъ дорога
До самого порога;
2 По за садомъ стежечка
Та до мого сердечка.
3 Ой пôйду я блукати,
Свого рода шукати.
4 Та не нашла родины,
Нй вѣрной дружины.
5 Нашла въ полѣ ялину,
Матêнчину могилу.
6 Устань, нене, до мене,
Горе менѣ безъ тебе!
7 Горе мѣнѣ на чужинѣ,
Нема роду при мѣнѣ.
8 Нема роду, родины,
Нй вѣрнои дружины.
9 Соловейко маленькій,
Въ тебе голосъ тоненькій;
10 Защебечи ты мѣнѣ,
Що я въ чужôй сторонѣ.
11 Та вжежъ сіи вороги
Кругомъ хату обняли;
12 Не такъ хату, ще и сѣни
Ворôженьки обсѣли.

57.

[1] Ой раненько сонце заходить, и пôзно заходить,
А вѣрнее жениханье до лиха доводить.
[2] Иде козакъ улицею, у скрыпочку грае;
Стоить дѣвка у порога, звычаю не знае.
[3] О ты, дѣвка гордовиция; гордуешъ ты мною!
Буде тобѣ гордованье все передъ тобою.
[4] Буде твоя руса коса въ мене пôдъ ногою,
Буде твоя горда мова въ мене пôдъ полою.
[5] Шумѣтеме нагаечка по надъ головою,
Брязчатеме гостра шабля у слѣдъ за тобою!

58.

[1] Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, зайди за комору;
Нехай зъ своимъ милесенькимъ трошки поговорю!
[2] Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, свѣти, не ховайся,
Хоть поѣдешъ, мôй миленькій, хутко повертайся!
[3] Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, и ты, зоря ясна,
Та свѣтіть тамъ на подвôрью, де дѣвчина красна.
[4] Стала слава, стала слава, стали й поговоры,
Та на тую дѣвчиноньку, що чорныи брови.
[5] Ой зацвѣла макôвочка, зачала бринѣти;
Идѐ козакъ вôдъ дѣвчины, починае дииѣти.
[6] Ой зацвѣла макôвочка бѣлесенькимъ цвѣтомъ;
Иде козакъ вôдъ дѣвчины бѣлесенькимъ свѣтомъ!

(Малороссійская и Галицкая).

59. Чумаки.

[1] Ой по горамъ снѣги лежать,
По долинамъ вôды стоять,
А по шляхамъ маки цвѣтуть;
То не маки, а чумаки
Зъ Крыму идуть, рыбу везуть.
[2] Чумаченьки, козаченьки, каши наварили;
Вони, пѣсень спѣваючи, округи посѣли.
Ходить пуга по лугу, гнеться туръ-вôлъ у дугу.
Ходить пуга у гаю, кличе дѣвчину Галю.
Ходить пуга по балкахъ, кохаеться въ чумакахъ.

3 Ой калина зацвѣла, да пустила квѣтки;
Мусить чумакъ кидать жо̂нку и маленьки дѣтки.
Тамъ чумаковати добре, поки було ро̂вно;
Да вжежъ черезъ тѣ билеты и ходить нево̂льно.
Гей въ степу крыниченька, въ ѐй вода лоснитьея;
Ой вернувсь бы я до жо̂нки, нѐчѣмъ розплатиться.

60. Весѐльни чоботы.

1 Чи се тый чо̂боты, що зять давъ?
А за тый чоботы дочку взявъ!
2 Чо̂боты, чо̂боты вы мои,
Чомъ робити не хочете вы мѐнѣ?
3 На рѣчку шли чоботы, — рыпали;
А зъ рѣчки шли чоботы, — хлыпали,
4 Чоботы, чоботы изъ бычка,
Не хочете робить дѣла, якъ дочка!

Примѣчаніе. По принятому обыкновенію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, женихъ предъ сватьбою обязанъ, въ видѣ выкупа за будущую жену свою, принесть матери ея пару новыхъ сапоговъ; въ такомъ случаѣ они получаютъ для нея важное значеніе. Подгулявши на *весѐльи* мать поетъ эту пѣсню почти всегда со слезами на глазахъ.

(Сообщ. Гоголь).

61. Дума Гетмана Мазепы.

1 Всѣ покою щире прагнуть,
А не въ одинъ гужъ всѣ тягнуть;
2 Той на право, той на лѣво —
А всѣ братья: то-то диво!
3 Немашъ любви, немашъ згоды,
Одъ Жовтоя взявши Воды;
4 Презъ незгоду всѣ пропали,
Сами себе звоювали.
5 Эй, братища, пора знати,
Що не всѣмъ намъ пановати;
6 Не всѣмъ дано всее знати
И рѣчами керовати!
7 На корабель поглядимо,
Много людей полѣчимо:
8 Одинъ стирникъ самъ керуе,
Весь корабель управуе!

9 Пчулка бѣдна матку мае,
И онои послухае!.....
10 Сжалься, Боже, Украины,
Що не вкупѣ мае сыны!
11 Еденъ живе и зъ поганы,
Кличе: сюды Атаманы!
12 Идёмъ матки рятовати,
Не даймо ёй погибати!
13 Другій Ляхамъ за грошъ служить.
По Вкраинѣ и той тужить:
14 Мати моя старенькая,
Чомъ ты вельми слабенькая?
15 Рôзно тебе розшарпали,
Кгди ажъ по Днѣпръ Туркамъ дали.
16 Весь ихъ фортель щобъ зслабѣла,
И ажъ въ конець силъ не мѣла.
17 Третій Москвѣ южъ голдуе,
И ёй вѣрно услугуе.
18 Той на матку нарѣкае,
И недолю проклинае:
19 Лѣпше було не родити,
Нёжли въ такихъ бѣдахъ жити!
20 Отъ всѣхъ сторонъ ворогують —
Огнемъ, мечемъ руинують;
21 Отъ всѣхъ нема зычливости,
А нй слушной учтивости.
22 Мужиками называють,
А пôдданьствомъ нарѣкають.
23 Чомъ ты сынôвъ не учила,
Чомъ вôдъ себе ихъ пустила?..
24 Лѣпше було пробувати,
Вкупѣ лихо одбувати.
25 Я самъ бѣдный не здолаю,
Хиба тôлько заволаю:
26 Гей, Панове, Енералы,
Чому есте такъ оспалы?
27 И вы, паньство Полковники,
Безъ жаднои полйтики —
28 Возмйтеся всѣ за руки,
Не допустйть гôрькоï муки

29 Матцѣ своей больш терпѣти.
Нуте врагôвъ, нуте бити!
30 Самопалы набувайте,
Гострыхъ шабель добувайте,
31 А за вѣру хочъ умрîте,
И вольностей боронîте.
32 Нехай вѣчна буде слава,
Же презъ шаблю маемъ права!

Изъ III-й части Исторіи Малой Россіи. Бантышъ-Каменскаго., перваго изданія. Москва. 1822, стр. 296.

62.

1 Не тамъ щастье, не тамъ щастье, — де багати люде,
Поберемось по любови, — то й щастье намъ буде.
2 Ой ты доле нещастная, — яка ты зрадлива;
Дала на часъ спôзнатися, — теперъ розлучила.
3 Дай же мене годиноньку, — нехай я милую
Стисну щиро за рученьку, — хочъ разъ поцѣлую!
4 А стиснувши я волю дамъ — серденьку милому
Гôрко плакать, одъѣзжавши; — не скажу нîкому.
5 Будь здорова, дѣвчинонько, — пора одъѣжжати,
Пора мене, мое серце, — тебе покидати.
6 Коню сивый, служи щиро, — та не спотыкайся,
А найшвидше до милои — зо мною вертайся.
7 Изъ-за горы сонце зходить, — за другую зайде,
А хто кого вѣрно любить, — то и всюды найде!

63. Обое ледащо.

1 Чи якъ въ мужа не жона, — чи не господыня:
Сёмъ день хаты не мела, — смѣтья не носила!
2 Хочъ я смѣтье вымету, — та не буду нести;
Купи, мужу, вôзочокъ, — будемъ смѣтье везти.
3 Купи, мужу, вôзочокъ — и сиву кобылу,
Вывеземо смѣтьячко — на Стецькову ниву.
4 За що мене, мужу, бьешъ, — за якіи вчинки:
Хибажъ тобѣ не напряла — за рôкъ три починки?
5 Одинъ пряла до Рôздва, — другій до Миколы,
А якъ третій почала, — буде й до Покровы!

6 Та не сама пряла, — кума помогала;
Кумѣ дала мыску пшона — и три куски сала.
7 Та не сама пряла, — були помощниці,
То за хлѣбъ, то за сôль, — то за паляниці.
8 Ой ты пьешъ, мене бьешъ; — можебъ я робила:
Накупивъ веретенъ, — нема мотовила.
9 Въ печі дрова не горять, — такъ я пôдпалила;
Таки тобѣ, недовѣрку, — борщу наварила.
10 Де я зросла, де ты зрôсъ, — до купы насъ лихій звѣсъ;
А ні я, а ні ты — не вмѣемо робити.
11 Ой ты пьешъ, мене бьешъ, — розпытаймось зá що?
Охъ и я, охъ и ты: — обое ледащо!

(Примѣч. Сравн. № 122).

64.

1 Одна гора высокая, — а другая низька:
Одна мила далекая, — а другая близька.
2 Ой у тои далекои — волы та коровы,
А у сеи близенькои — тôлькô чорны брови.
3 Ой у тои далекои — волы поздыхають;
А у сеи близенькои — брôвки не злиняють.
4 Ой у тои далекои — рушникъ на кôлочку;
А у сеи близенькои — брôвки на шнурочку.
5 Ой, я тую далекую — людямъ подарую;
А до сеи близенькои — и самъ помандрую.
6 Ой, я тую далекую — метлами помечу;
А до сеи близенькои — соколомъ полечу.

(Извѣстна въ Малороссіи и Галиціи).

65.

1 Ой у полѣ снѣжокъ прошить,
Ажъ тамъ козакъ забитъ лежить,
2 На купинѣ головою,
Накрывъ очи муравою.
3 Муравою зеленою,
Червоною китайкою.
4 Въ голóвонькахъ воронъ краче,
А въ нôженькахъ коникъ плаче.
5 Або менé, пане, пускай,
Або мéнѣ заплату дай!

6 Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубровою.
7 Выѣжъ травы двѣ косарѝ,
Выпій воды два озерѝ.
8 Побѣжи, коню, пôдъ ворота,
А вдарь, коню, у копыта!
9 Выйде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька.
10 Ой знай, коню, що казати,
Якъ буде у тебе пытати:
11 Ой, коню мôй вороненькій,
А де твôй панъ молоденькій?
12 Чи ты ёго въ вôйску згубивъ,
Чи ты ёго пôдъ себе збивъ?
13 А нѝ я ёго въ вôйску згубивъ,
А нѝ я ёго пôдъ себе пôдбивъ;
14 Заслуживъ вôнъ паня́ночку —
Вѣ чистôмъ полѣ земляночку!

Примѣчаніе. Пѣсня эта очень сходна съ другою подъ № 1-мъ: Вѣтеръ гуде, трава шумить, и составляетъ ея видоизмѣненіе.

66.

1 Ой полети, галко, де мôй рôдный батько:
Нехай мене одвѣдае, коли мене жалко!
Галочки не мае, батечка не буде;
Ой, десь мене нещастную на вѣки забули!

2 Чи ихъ порубáно, чи въ полонъ запято?
Ужежъ менѣ свѣтъ немилый, нѝ въ будденъ, нѝ въ свято.
Галочки не мае и роднѝ не буде;
Ой, десь мене нещастную на вѣки забули!

3 Ой полети, орле, де мôй братѐкъ оре:
Нехай волôвъ покидае, мене одвѣдае.
И орла не мае, братѝка не буде;
Ой, десь мене нещастную на вѣки забули!

4 Ой полетѝть, синицѝ, де рôдныи сестрицѝ:
Нехай мене одвѣдають, мои жалôбницѝ.
И синиць не мае, и сестриць не буде:
Ой, десь мене нещастную на вѣки забули!

5 Плыви, плыви, утко, противъ воды прутко:
Скажи моêй матêнцѣ, що я умру хутко.
Утêнки не мае, матêнки не буде;
Ой, десь мене нещастную на вѣки забули!

6 Ой на горѣ та верба, пôдъ горою корчма;
Ой тамъ мôй рôдъ пье, гуляе, мене поминае;
Мôй рôдъ пье, та гуляе, мене поминае:
Ой, десь наша нещастная въ свѣтѣ погибае!

67. Жôнка Переяслôвка.

1 Та що се на вулицѣ? — Метелиця стружe!
Ой вôдчиняй, вôдчиняй; — бо йду пьяна дуже!
2 Та чи чуешъ, вôдчиняй, — ты своей коханьцѣ,
Якъ я пôшла изъ вéчора, — та иду ураньцѣ.
3 Вже и вчора я пила, — и сёгодня добре пью;
А якъ прійду до дôмоньку, — чоловѣка ще побью.
4 Въ мене добрый чоловѣкъ, — ой дай, Боже, ёму вѣкъ!
Вечеряти наваривъ, — та и мене розбудивъ.
5 А встань, жôнко, голубко, — моя Переяслôвко,
Ой, покоштуй же борщу, — веселая ластôвко!
6 Та колижъ ты наваривъ, — то и ѣжъ же тихо;
Бо якъ встану, покоштую, — буде тобѣ лихо!

68.

1 Нема лёду, нема лёду, — нема й переходу:
Коли тобѣ, Ганно, треба, — бреди й черезъ воду.
2 Перебрела двѣ рѣченьки — й половину ставу;
Не вводь мене, козаченьку, — въ великую славу.
3 Ой самажъ ты, дѣвчинонько, — себе въ славу вводишь,
Що позненько, нераненько — изъ улицѣ ходишъ.
4 Ой якъ менѣ, козаченьку, — да раньше ходити?
Якъ вôзьмешъ ты за рученьку, — не мусишъ пустити!

69. Вывѣдка.

1 Въ чистôмъ полѣ двѣ тополи,
А пôдъ ними крыниченька,
Въ нêй холодна водыченька.

2 Тамъ дѣвчина чорнобрива
Съ крыниченьки воду брала,
Съ козаченькомъ розмовляла:

3 «Козаченьку, бурлаченьку,
Зелененькій барвінոньку,
Сватай мене дѣвчиноньку!»
4 Дѣвчиноньно, рыбчиноньно,
Ой радъ бы я тебе сватать,
Та боюся твого брата.
5 Ой галочко, коханочко!
Огруй же ты свого брата,
Тогдй буду тебе сватать.
6 «Дежъ отруты роздобуты?
«Умеръ батько, вмерла мати,
«Не навчили чаровати.»
7 Ой дѣвчино, сиротино!
Стоять въ полѣ двѣ ялины,
На ялинѣ двѣ гадины.
8 Выйди, Ганно, въ поле рано:
Тамъ ялину сонце пече.
А зъ гадины ропа тече.
9 Пригни спину пôдъ ялину,
Пôдставъ, дѣвко, коновочку
Пôдъ гадючу головочку.
10 Братъ твôй, Марко, на ярмарку.
Навари ты ёму пива,
Щобъ имъ брата отруила.
11 Въ недѣленьку веселеньку
Братъ зъ ярмарки приѣжжае,
Сестра брата привитае.
12 Брату пива выносила:
«Напійсь, брате, того пива,
«Що я вчора наварила.»
13 Не пье Марко тыи чарки;
Напійсь, сестро, впередъ сама,
Щобъ не звела мене зъ ума!
14 Сестра, змія поблѣднѣла.
«Пила, брате, вже я сама,
«Се для тебе зоставила!»
15 Братйкъ пивця якъ напився,
За серденько ухопився
И съ коника повалився.
16 Яке диво твое пиво,
За серденько ухопило,
Зъ вороного повалило?
17 «И схватило, и звалило
«Съ кониченька вороного.
«Струишъ мене молодого!
18 «За науку зміе — суко
«Теперъ иди хочъ за ката.
«Отруила свого брата!

(Въ Полтавской Губерніи).

30.

1 Ой ты живешъ на горѣ, — а я пôдъ горою,
Ой чи тужишъ такъ за мною, — якъ я за тобою?
2 Колибъ туживъ такъ за мною, — якъ я за тобою,
Та вже жилибъ, мое серце, — якъ рыба зъ водою!
3 Рыбалочка по бережку — та рыбоньку ловить:
А милая по милому — бѣлы ручки ломить.
4 Рыбалочка по бережку — та рыбоньку удить:
А милая по милому — бѣлымъ свѣтомъ нудить.
5 Рыбалочка по бережку — рыбоньку хапае:
А милая по милому — тяженько вздыхае.
6 Рыбалочка по бережку — якъ ластôвка вьеться:
А милая по милому — якъ горлиця бьеться.

7 Ой, выйду я за ворота, судять же насъ люде:
Що зъ нашого жениханья — нічого не буде!
8 Ой, у полѣ конопельки — верхи зелененьки,
Покидае милый милу, — вороги раденьки.
9 Не тѣштеся, вороженьки, — не тѣштеся зъ того,
Коли буде Божа воля: — то я буду ёго!
10 Ишовъ милый гоіронькою, — мила пôдъ горою;
Зацвѣвъ милый рожонькою, — мила калиною.
11 Чи ты, милый, припавъ пыломъ, — чи метелицёю:
Що до мене ты не ходишъ — сею улицею?
12 Вжежъ я ходивъ, вжежъ я пудывъ, — та пôвторà року,
Докôль, докôль не дознались — вороженьки збоку.
13 Ой радъ бы я, моя мила, — до тебе хôдити:
Засѣдають вороженьки, — хотять мене вбити.

(Поютъ въ Малороссіи и Галиціи).

71.

1 Танцёвала рыба зъ ракомъ,
А петрушка зъ пустернакомъ,
2 А цибуля зъ часнôкомъ:
А дѣвчина зъ козакомъ!
3 Цибулиця дивуеться,
Якъ хороше таньцюеться!
4 Ходить гарбузъ по горôду,
Пытаетьсч своего роду:
5 Ой чи живы, чи здоровы
Всѣ родичи гарбузовы?
6 Обôзвалась жовта дыня:
Ой, я твоя господыня.
7 Обôзвались огỳрочки:
А мы твои сыны й дочки.

72.

1 Зъ Украины сюды пришла
Въ жалости бѣдненька;
Ой щастлива, що знайшла
Мого козаченька.
2 Не такіи тутъ сторôны,
Якъ у насъ любыи;
Тута хлопцй якъ вороны
Та ще й невѣрныи.
3 Гей, я родомъ зъ Украины,
Де доволѣ всего;
Дѣвки красни якъ калины,
Моторни до того.
4 И вѣрныи и хороши,
Дотрймують въ словѣ;
А тутъ дѣвки за три гроши
Продати готовы.

(Галицкая).

73.

1 Ой у полѣ крыниченька, — чумакъ наповае;
Волы ревуть, воды не пьють; — на дворѣ свѣтае.

[2] Бодай же васъ, сѣры волы, — до Крыму блудили,
Якъ вы мене, молодого, — дуже зâмутили!
[3] Померъ, померъ чумаченько — въ недѣлоньку вранцѣ;
Поховали чумаченька — въ зеленôмъ байрацѣ.
[4] Насыпали чумаченьку — высоку могилу;
Посадили на могилѣ — червону калину.
[5] Прилетѣла зозуленька, — та й сказала: ку-ку!
Подай сыну, подай орле, — хочъ правую руку!
[6] «Ой радъ бы я, моя мати, — обѣдвѣ подати;
«Та налягла сыра земля, — не можу пôдняти!»

74. Дѣвчина Переяслôвка.

[1] Дѣвчино моя, Переяслôвко,
Дай менѣ вечеряти, моя ластôвко!
[2] Яжъ не топила, яжъ не варила;
Пôшла по воду, вêдра побила.
[3] Яжъ не побила, постановила;
Зъ горы покотилисъ, да й сами побились.
[4] Дѣвчино моя, Переяслôвко,
Поцѣлуй же мене, моя ластôвко!
[5] Дакъ щожъ, дакъ нужъ, дакъ поцѣлую,
Да у тую гу́боньку, ро́жану, малую.
[6] Да у тыи брôвоньки, чорнй якъ шнурочокъ,
Да у той видо́чокъ, повенъ якъ вгу́рочокъ

(Переясловъ).

75. Журавель.

Та впадився журавель, журавель,
До бабиныхъ конопель, конопель.
Таки, таки журавель,
Таки, таки цыбатый,
Таки, таки носатый,
Таки, таки стрйбатый . . .

Прочіе куплеты неопредѣлительные, и составляютъ не только безсмыслицу, но даже неблагопристойность, происходящую отъ нетрезвости лицъ, участвующихъ въ потѣхѣ, извѣстной подъ названіемъ Журавля, водимаго послѣ весѣлья. Срав. Бантыша-Каменскаго Ист Мал. Россіи, изд. 3, т. III, пр. 268.

76.

[1] Чи ты гордый, чи ты пышный, — чи гордо несе́шся?
Чи ты вѣрно мене любишъ, — чи зъ мене смѣешся?

2 Я не гордый, я не пышный, — гордо не несуся;
Ой, я тебе вѣрно люблю, — зъ тебе не смѣюся.
3 Ой, чи прійдешъ, козаченьку, — зъ вечора до мене?
«Кажуть люди, що приходить — другій вже до тебе.»
4 Нехай ходить, нехай ходить, — абы не ледащо;
Ой хочъ буду я терпѣти, — та знатему за що.
5 «Ой, десь бы то, дѣвчинонько, — ты зъ папѣру звита,
«Що ты мене додержала — до бѣлого свѣта.
6 Ой зъ папѣру, не зъ папѣру, — зъ кучерявой мяты;
Де стояла, розмовляла — пôдковочки знати.

77.

1 Де ты ходишъ, моя доле?
Не доклúчусь я тебе!
Досѣбъ можно дике поле
Пригорнути до себе.
2 А тебе ось не вблажаю.
До якои-то поры;
Все шукаю, та пытаю
Що ажъ серденько зпуривъ!
3 Чи на морѣ межъ купцями
Лѣчишъ зъ краму барыши?
Чи въ хоромахъ зъ панянками
Ты регочешъ у ночи?
4 Чи на небѣ изъ вôконьця
Сучишъ дули бѣднякамъ;
Чи при мѣсяцѣ, безъ сонця
Чешешъ кудрѝ ты дѣвкамъ?
5 Чи край моря, на долинѣ
Дикимъ макомъ ты цвѣтешъ;
Чи у лузѣ на калинѣ
Ты зозулею куешъ?
6 Ой, змилуйся, моя нене!
Та край мене хочъ присядь,
Хочъ постôй ты биля мене,
То й тому я буду радъ!

Примѣч. Весьма хорошіе хореическіе стихи (двухстопнаго размѣра). Не смотря, однакожъ, на желаніе сочинителя написать ихъ во вкусѣ народныхъ пѣсень, онъ не достигъ своей цѣли; потому что принялъ чуждый, не силлабическій размѣръ и употребилъ много искуственности. Стихи эти очень новы.

78.

1 Ой чій же то дворъ? — Приточивъ бы свôй.
Хорошая дѣвчинонька; — я ходивъ бы къ ёй.
2 Колибъ не боявся, — тобъ поженихався;
А то лихо, що боюсь; — издалека подивлюсь.
3 Колибъ була ты моя; — чогобъ хотѣть вь свѣтѣ?
Серце, любко ты моя, — нумо жити вмѣстѣ.
4 Хожу, нужу гукаючи, — говорю зъ собою;
Чи тужишъ ты такъ за мною, — якъ я за тобою?
5 Чи ты мене вчаровала, — чи отрути дала?
Що ты мѣнѣ розумъ — зовсѣмъ вôдобрала!

6 Личко твое румяное — краснѣйше надъ рожу,
Ой я тебе, чорнобрива, — забути не можу.
7 Ой дѣвчино, дѣвчинонько, — не боишся Бога,
Заморила мого коня — у твого порога.
8 Ой дѣвчино, дѣвчинонько, — не боишся Бога,
Вôдправила добрыхъ людей — одъ свого порога.
9 Вôдправила добрыхъ людей, — чекаешъ до нынѣ;
Теперъ пôйдешъ за такого, — котрый пасе свини!

79.

1 Пусти мене, мати, — въ поле жито жати,
Буду, мати, жито жати, — доленьки шукати.
2 Ой не пущу, доню; — щобъ не заблудила;
Бо ты, доню, свою долю — на вѣкъ загубила!
3 Пусти мене, мати, — у лугъ погуляти,
Буду ходить, та гуляти, — доленьки шукати.
4 Ой не пущу, доню; — щобъ не заблудила,
Бо ты, доню, свою долю — на вѣкъ загубила!
5 Пусти мене, мати, — у ставъ ся купати,
Буду плавати, нырати, — доленьки шукати.
6 Ой не пущу, доню; — щобъ не потонула;
Та вжежъ, доню, твоя доля — на дно потонула.
7 Ой за мостомъ, мостомъ — трава зеленѣе;
За хорошимъ чоловѣкомъ — жôнка молодѣе.
8 Ой за мостомъ, мостомъ — трава посыхае;
За ледачимъ чоловѣкомъ — жôнка погибае.
9 Ой тамъ въ саду, при долинѣ, — трава по колѣна,
Ой за добрымъ человѣкомъ — жôнка якъ калина.
10 Ой тамъ въ саду, на горбочку, — трава все жовкнѣе.
Ой за лихимъ чоловѣкомъ — жôнка помарнѣе!

(Малоросiйская и Галицкая).

80. Розлука зъ Марусею.

1 Засвистали козаченьки — въ походъ зъ полунóчи;
Заплакала Марусенька — свои ясны очи.
2 Не плачъ, не плачъ, Марусенько, — не плачъ, не журися,
За своёго миленького — Богу помолися!
3 Стоитъ мѣсяцъ надъ горою, — та сонця не мае;
Мати сына въ дороженьку — слезно провожае.

4 Прощай, милый мôй сыночку, — та не забавляйся:
За чотыри недѣленьки — до дому вертайся!
5 Ой радъ бы я, матусенько, — скорѣйше вернуться;
Та вже щось мôй вороненькій, — въ воротахъ спôткнувся.
6 Ой, Бôгъ знае, коли вернусь, — въ якую годину:
Пріймижъ мою Марусеньку, — якъ рôдну дитину!
7 Пріими ее, матусенько, — все въ Божои волѣ!
Бо хто знае: чи живъ вернусь, — чи ляжу на полѣ?
8 Ой радабъ я Марусеньку — за рôдну приняти;
Та все не такъ вона мене — буде шановати.
9 Ой не плачте, не журитесь, — въ тугу не вдавайтесь.
Загравъ мôй кôнь вороненькій, — назадъ сподѣвайтесь!
10 Посѣюжъ я пшениченьку — и озиме жито;
Та вжежъ скôлько козаченькôвъ — на Вкраинѣ вбито.
11 Одъ красного Бубнóва двѣ — невелики мили;
Лежать наши козаченьки — по три, по чотыри.

Примѣч. Эта плавная, прекрасная пѣсня извѣстна и въ Галиціи. Строфы 10-я и 11-я суть новые Галицкіе наросты.

81.

1 На Вкраинѣ всёго вдоволь, — и пашни и браги;
Тôлько шкода, Ляхи й тамъ, — козацкіи враги.
2 На Вкраинѣ всёго вдоволь, — и меду й горѣлки.
Гарни дѣвки й молодыцѣ, — а все чорнобривки.
3 На Вкраинѣ молодыцѣ — все у сукнахъ ходять;
Та й полотна тамъ багацько; — бо все сами роблять.
4 Ты дѣвчино, що ты робишь? — Сорому не маешь!
Чомъ козака, а не Ляха, — вѣрно не кохаешь?
5 А щожъ? Тое лихо робить — старенькая мати:
Гнала мене вôдъ козака — до самои хаты.
6 А у Ляха вершокъ низкій — широки опушки,
Скоро вражій Ляхъ заблчавъ — приставъ мнѣ до душки.

(Галицкая).

82.

1 Ой ты дѣвчино — зарученая,
Чого ты ходишъ — засмученая?
2 Ой якъ я маю — весела бути?
Кого кохаю, — мушу забути!

3 Ой ты дѣвчино, — черныи очи,
И въ день ся журишъ, — и не спишъ въ ночи.
4 Чорныи очи — припаду дали,
Душу и тѣло — вразъ зъ житьемъ взяли.
5 Ой ты дѣвчино — мыслями блудишъ,
Сама не знаешъ, — кого ты любишъ.
6 Ой знаю, знаю, — кого кохаю;
То̂лько̂ не зилю, — зъ кѣмъ жити маю.
(Галицкая).

83. Коломыйка.

1 Славный городъ Коломыя, — ще славнѣйши Куты;
Отъ се-бь то я и женився, — якъ бы не некруты.
2 Чіи волы у дубровѣ, — мои при ставо́чку,
А хто любить на сторонѣ, — а я сусѣдочку.
3 Ой на сторону ходити, — коника трудити;
А зъ сусѣдкой постояти, — та й поговорити.
4 Було гараздъ въ Бѣловичахъ, — уже сады цвѣли,
Дуже мы ся зъ сусѣдскою — дѣвчиной любили.
5 Ой у полѣ двѣ дорозѣ, — третя поперечня;
Чи ты будешь, дѣвчинонько, — на осень безпечна?
6 Ой, щожъ тобѣ, дѣвчинонько, — що маю сказати?
Не стоявъ бы мо̂й коничокъ — коло твоей хаты!
7 Якъ бы не ты, дѣвчинонько, — и не твои очи,
Не стоявъ бы мо̂й коничокъ — до темнои ночи.
8 Бодай тобѣ, дѣвчинонько, — возивъ дѣдько дубы;
Бо якъ мене черезъ тебе — взяли люди въ зубы.
9 Ой, на тебе посварили, — мене хотять бити;
Щобъ зъ тобою не стояти — и не говорити.
10 Ой по̂йшовъ я до дѣвчины — люльки закурити,
Здерли зъ мене сердачину, — ще й хотѣли бити.
11 Бо я носивъ до дѣвчины — три разы горѣшки,
А стративъ я кониченька, — теперъ хожу пѣшки.
12 Верни мои подарунки, — верни мои гроши;
Твоя мати говорила, — що я не хороший!
13 Та вже мѐнѣ не ходити — въ лѣски погорѣшки;
Та вже мѐнѣ не любити — дѣвчины Оришки.
14 Ой, на грушѣ бѣлый цвѣтъ, — та вже опадае;
Любивъ козакъ дѣвчиноньку, — та вже покидае!
15 Нехай козакъ покидае, — якъ самъ собѣ знае,
Щастливая дороженька, — куды во̂нъ думае!

[16] Пôдъ моею кобылою — пôдковы калачуть;
Перше дѣвки мной гардили, — теперъ за мной плачуть.
[17] Ой выйду я на село, — середъ села стану;
Една мила несе пирôгъ, — а друга сметану.
[18] Якъ идéте, хлопцѝ, въ танець, — берѝть рукавицѝ:
Матки стоять якъ коровы, — дочки якъ телицѝ.
[19] Та я хлопець дуже жвавый, — все знаю и чую;
Якъ де можно жартовати, — я тамъ и ночую.
[20] Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, — а молодыць триста;
Та у Бога е надѣя, — що ще душа чиста!

Примѣч. Подъ словомъ Коломыйка въ Галиціи разумѣютъ наборъ строфъ одного размѣра и мелодіи, но безъ всякой строгой связи въ отношеніи содержанія; то есть, по извѣстной мелодіи поютъ строфы какъ попало. Тоже самое извѣстно у Поляковъ подъ словомъ Краковяки. Но тактъ, или музыкальный размѣръ (Tempo) у Краковякъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ трехъ четвертей, изъ коихъ на второй лежитъ тяжелое удареніе, отличительный признакъ Мазурки. А размѣръ Коломыйки, по свойству Малороссійскихъ пѣсень, состоитъ всегда изъ двухъ четвертей, т. е., тактъ обыкновенной Польки, гдѣ удареніе лежитъ на первой четверти. — Коломыя окружный городъ на р. Прутѣ. Куты, городокъ Коломыйскаго уѣзда, называемаго въ старину Покутьемъ. Бѣловичи, село въ Чертковскомъ уѣздѣ, или округѣ. — Ср. Ой ты горо каменная. № 36.

84. Лихій вôтчимъ.

[1] Ой, въ недѣлю дуже рано — всѣ дзвоны дзвонили,
Якъ въ вдовиному вже дому — грôмко гомонили.
[2] Лихій вôтчимъ козаченька — молодого лае.
Мати сыну, козаченьку, — слезно промовляе:
[3] Иди сыну, иди сыну, — мéжъ чужіи люде,
Чи не лучче, чи не легче — на чужинѣ буде?
[4] Нехай тебе чужій батько, — сыночку, не лае,
Щастья твого козацького — на вѣкъ не збавляе!
[5] Тяжко, важко мéнѣ тебе — зъ дому вôдправляти,
А ще тяжче бûля себе — въ незгодѣ держати.
[6] Хочъ ты пôйдешъ на чужину, — слёзы мéнѣ лити;
Хочъ зоставлю тебе, сынку, — то требажъ тужити.
[7] Вже старшая сестра ёго — коника выводить,
Середу́ща зброю усю — срéбную выносить.
[8] Що найменьшая рыдае, — да такъ промовляе:
Изъ якои, тебе брате, — стороньки ждати?

9 Чи вже, брате, тебе ждати — вôдъ чистого поля,
Чи вôдъ Чорного вже моря, — чи вôдъ Запорозья?
10 Ой возьми ты, сестро люба, — жовтого пêсочку,
Та посѣй ты при дорозѣ, — та на камêнечку.
11 Коли зôйде жовтый пêсокъ, — буде выростати,
И зеленымъ барвѝнонькомъ — камень устилати:
12 Въ той часъ, сестро, буду до васъ, — буду прибувати;
Бо вже тяжко безрôдному — въ чужѣ проживати!
13 Та вôнъ тее мовляючи — на коня сѣдае;
Смутно зъ двора отцёвского — козакъ выѣжжае.
14 Довго вони на могилѣ — край села стояли;
Довго, довго козаченька — вôчьми провожали.
15 Хочъ же довго ёго ненька — вôчьми провожала,
Та ще довше ёго вона — дома оплакала!

85. Лѣкарство на оспале коханье.

1 Пôйду я вже у лѣсочокъ,
Вырву кленовый листочокъ:
Чи прикрыю я своеи милои слѣдочокъ?
Ой козаче, ой небоже!
И листочокъ не поможе:
Якъ я не любила, — не буду й любити,
И зъ тобою говорити!

2 Ой пôйди ты, малый хлопче,
Выведь вороного коня:
Чи промовить хочъ словечко до мене вже вона?
Ой козаче, ой небоже,
И коничокъ не поможе! и проч.

3 Ой пôйди вже, малый хлопче,
Вынесь дороге сѣдельце:
Чи промовить, заговорить словце, мое серце?
Ой козаче, ой небоже,
И сѣдельце не поможе! и проч.

4 Ой пôйди ще, малый хлопче,
Вынесь дорогѝ яктáны:
Чи промовить, заговорить словце, моя панѝ?
Ой козаче, ой небоже,
И яктанъ твôй не поможе! и проч.

5 А пойдижъ бо, малый хлопче,
Вынесь нагайку — дротянку:
Чи промовить хочъ словечко, моя мила зранку?
Ой козаче, ой небоже!
Та дротяночка поможе:
Якъ тебе любила — и буду любити,
И зъ тобою добре жити!

Примѣч. Есть этой пѣсни и Галицкій варіянтъ, но оный далеко уступаетъ здѣсь помѣщенному. Начинается такъ: Сижу, думáю, що чинити маю, и проч. См. Pieśni. Wacława z Oleśka.

86.

1 Хилилися густы лозы, — вôдкôль вѣтерь вѣе;
Дивилися кары очи, — вôдкôль милый ѣде.
2 Хилилися густы лозы, — та вже й перестали;
Дивилися кары очи, — та й плакати стали.
3 Въ концѣ гребли шумять вербы, — що я насадила;
Немажъ мого козаченька, — що я полюбила!
4 Ой не мае козаченька, — поѣхавъ за Дéсну:
Рости, рости, дѣвчинонько, — на другую вéсну.
5 Росла, росла дѣвчинонька, — та й на порѣ стала;
Ждала, ждала козаченька, — та й плакати стала.
6 Ой не плачте кары очи, — така ваша доля;
Полюбила козаченька — при мѣсяцю стоя.
7 Зеленыи огурóчки, — жовтеньки квѣтóчки:
Нема мого миленького, — плачуть кары очки.
8 Болять, болять мои очи, — серденько понылo,
Не бачу я миленького; — и дѣло не мило!

87.

1 Гнеться, гнеться калинонька,
Десь тамъ моя дѣвчинонька!
2 Вона гнеться, погинае,
Десь тамъ мене поминае!
3 Ой нема тамъ нигде добра,
Де дѣвчина любить по два;
4 Ой не мае и не буде,
Поки по двохъ любить буде.
5 «А я тее повѣдаю,
«Що я того не слухаю.
6 «Умру, умру не забуду,
«Таки по двохъ любить буду!»

88. Запорозьска справа.

1 Ой на горѣ та женьцѝ жнуть,
А по-пôдъ горою,
По-пôдъ зеленою
Козаки йдуть.
2 А по переду Дорошенко,
Веде свое вôйско,
Веде Запорôзьске
Хорошенько.
3 По серéдинѣ панъ Хорунжій:
Пôдъ нимъ коничéнько,
Пôдъ нимъ вороненькій,
Сильне дужій.
4 А позаду Сагайдачный,
Що промѣнявъ жôнку,
На тютюнъ та люльку,
Необачный.
5 Ой вернися, Сагайдачный;
Вôзьми свою жôнку,
Оддай мою люльку,
Необачный!
6 Мéнѣ зъ жôнкой не возиться,
А тютюнъ та люлька
Козаку въ дорозѣ
Знадобиться.
7 Гей, хто въ лѣсѣ, обозвися!
Та выкрешемъ огню,
Та потягнемъ люльки,
Не журися!

Примѣч. Г. Максимовичъ замѣчаетъ при этомъ, что въ сей пѣснѣ совершенно выраженъ характеръ Запорожцевъ относительно женскаго пола. Подъ именемъ Сагайдачнаго должно разумѣть какого-нибудь изъ числа чиновниковъ куреня, а не того славнаго, неустрашимаго Гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, который былъ и дѣйствовалъ лѣтъ за 60 до предпріимчиваго Дорошенка, и въ память коего существуетъ еще и нынѣ въ Южной Россіи Сагайдачный шляхъ (дорога). Къ этому мы прибавимъ, что великій знатокъ обычаевъ и нравовъ Малороссіянъ, поэтъ И. П. Котляревскій, въ своей Енеидѣ о Запорожцахъ, выражается такъ: Ось-якъ богинь я укараю:

Пошлю васъ въ Запорожську Сѣчь;
Тамъ вашихъ каверзъ не вважають,
Жôнокъ тамъ на тютюнъ мѣняють,
Въ день пьяни сплять, а крадуть въ нôчь.

89.

1 Я сéгодня тута, — а завтра поѣду:
Будешъ мила припадати, — та до мого слѣду.
2 Ой не буду, милый, — далебй не буду:
Горювала я зъ тобою, — и безъ тебе буду.
3 Ой на горѣ просо, — пôдъ горою жито:
Прійшла звѣстка до милои, — що милого вбито.
4 Ой убито, вбито; — та й кинуто въ жито;
Червоною китайкою — личенько накрыто.

5 Прійшла ёго мила, — китайку одкрыла,
Дивилася пильно, — та й заголосила:
6 Чи ты, милый, впився, — чи зъ коника вбився?
Чи зъ иншими звеличався, — мене одцурався?
7 Я, мила, не впився, — ни зъ коника вбився;
Смерть мене постигла, — тѣмъ я похилився.
8 Прилетѣла пташка, — биля его впала.
Таки очи, таки бровы, — якъ у мого папа.
9 Прилетѣла пташка, — малёваны крыльця:
Таки очи, таки бровы, — якъ у мого Грыця!

90. Весѐлье.

1 Ой Щиголь гадае, — громаду збирае:
Що не мае вонъ зъ кѣмъ жити; — женитися мае!
2 Посватавъ Синицю — горобцёву сестрицю;
Хорошую, прибраную, — потѣшную птицю.
3 Що рано устáе, — порады збирáе:
Горобець зъ Снигиремъ — коники сѣдлае.
4 Соколъ бувъ за дрýжка, — Ястребъ за подружка;
Старостою Орелъ, — подстаростой Журавель.
5 Сорока свѣтилка, — сваха Перепёлка,
Гусакъ краче, Цапля скаче, — прибрана музыка.
6 Чорный Крукъ упився, — чуть не ввередився,
Танцёвавъ вонъ зъ Чорногузомъ, — Чорногузъ втомився.
7 И Сова тутъ танцёвала, — що ажъ запѣни́лась,
Не хотѣла меду пити, — та бражки напи́лась.
8 Але Щиголь зажурився, — вонъ взявъ та й думáе:
Оженився, утрати́вся, — а жонки чортъ - мае.
9 Соловейко каже, — и зъ нимъ розмовляе:
Шукай жонки на кропивѣ, — тамъ вона сѣдае.
10 Задрипався Щиголь — по сами колѣна:
Шукаючи на Синицю — доброго полѣна.

(Галицкая).

91.

1 Ой плавала сѣра утка по водѣ,
Та кликнула вона матинку къ собѣ:
2 Прибудь, моя матиночко, ты ко мнѣ,
Ой дай мѣнѣ порадоньку, сиротѣ!

3 «Ой радабъ я, дитя, прійти та къ тобѣ,
«Насыпано сырой земли на грудй.
4 «Склепилися чорны очи якъ въ ночи,
«Закипѣли уста кровью — не промовлю.
5 «Ой корися чужôй, чужôй сторонѣ,
Та Бôгъ дае порадоньку сиротѣ.
6 Корилась я не разъ, не разъ и не два;
Та не дае порадоньки чужбина!

Примѣч. Размѣръ этой пѣсни одинаковъ съ другими, какъ то: Ой у полѣ крыниченька, видно дно, № 148; Добрывечôръ, дѣвчино, куды йдешъ? № 180: Та пила все Лемериха на меду, № 52.

92.

1 Ой ты, дѣвчино, горда та пышна!
Чомъ ты до мене зъ вечора не вышла?
2 «Ой якъ я буду до тебе ходити;
Бо вже насъ будуть вороги судити».
3 Ой нехай судять, якъ розумѣють;
Прийде пора, година, вони понѣмѣють.
4 «Поки понѣмѣють, а славы убавлять;
Вони мене, молодую, плакати заставлять».
5 Ой нехай судять на свое лихо;
Мы зъ тобою, дѣвчино, любимося тихо!
6 Росла калина близько озера;
Чому моя мила смутна, невесела?
7 «Ой якъ я маю веселою бути?
Полюбила козаченька, не можу забути!»
8 Ой ты, дѣвчино, червона калино,
Якъ же мѣнѣ на тебе дивитися мило!
9 Ой ты, дѣвчино, повная роже,
Якъ же мѣнѣ на тебе дивитися гоже!
10 Якъ щуцѣ рыбѣ та безъ воды трудно;
Ой такъ мѣнѣ, дѣвчино, та безъ тебе нудно!
11 Якъ щуцѣ рыбѣ та безъ воды тяжко;
Такъ и мѣнѣ, серце, та безъ тебе важко!
12 Ой ты, дѣвчино, моя заморока,
Не стели, серденько, постельку широко.
13 Постели, дѣвчино, постельку узенько;
А сама присунься къ серденьку близенько!

[14] Ой ты, дѣвчино, думаешъ, гадаешъ;
Сама ты не знаешъ, кого ты кохаешъ!
[15] «Якъ я не знаю, кого я кохаю? —
Тôлько не знаю, съ кѣмъ я жити маю!»

Примѣч. Пѣсня эта, со множествомъ варіантовъ, извѣстна какъ въ Малороссіи, такъ равно и въ Галиціи.

93. Морозенко.

[1] Ой Морозе, Морозенку, ты славный козаче!
За тобою, Морозенку, Украина плаче.
[2] Не такъ тая Украина, якъ те горле вôйско,
Заплакала Морозиха, идучи на мѣсто.
[3] Годѣ, годѣ, Морозихо, по сынѣ тужити,
Ходимъ зъ нами, козаками, меду-вина пити!
[4] Чого-сь мене, милы братья, медъ-вино не пьеться:
Ой де-сь то мôй Морозенко, та вже зъ Ляхомъ бьеться!
[5] Изъ-за горы, изъ за кручи вôйско выступае,
По самъ передъ Морозенко конемъ выгравае.
[6] А въ нашого Морозенка червоная стрôчка;
Де проѣде Морозенко — кровавая рѣчка.
[7] За рѣчкою, за Лиманомъ покопаны шанцѣ;
Взяли, взяли Морозенка въ недѣленьку враньцѣ.
[8] Посадили Морозенка на тесовôмъ стольцѣ;
Та и зняли зъ Морозенка зъ черешôвъ червоньцѣ.
[9] Посадили Морозенка на жовтôмъ пêсочку:
Зняли Ляхи зъ Морозенка кроваву сорочку.

94 Вербунокъ.

[1] Въ Бердичовѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцôвъ двѣстѝ.
[2] А чѣмъ же ихъ вербовали?
Злотыхъ грошей надавали.
[3] Пристань, Юрку, до вербунку,
Будешъ ѣсти зъ масломъ курку.
[4] Будешъ ѣсти, будешъ пити,
Будешъ якъ панокъ ходити.
[5] Забудь тата, забудь мамы,
А самъ пристань ты въ уланы;
[6] Теперъ маешъ горêвати;
Лучче въ вôйску пановати.
[7] А въ уланахъ дають грошѝ,
Будешъ якъ панокъ хорошій.
[8] Будешъ ѣсти, будешъ пити;
И хороше въ чѣмъ ходити.
[9] И хороше въ чѣмъ ходити, —
Довбешкою воши бити.
[10] И острôги побиланѝ,
И чоботы ваксованѝ.
[11] Китель бѣлый, киверъ чорный;
Хлопець гарный и моторный.
[12] И чикчиры гаптованѝ,
Самы паны прибиранѝ.

95. Пересторога.

1 Ой густый очеретъ, та й лепе́ховатый;
Чи тыжъ мене не пôзнавъ, пришелеповатый?
2 Ты думаешъ, дурню, що я тебе люблю?
А я тебе тôлькô словами голублю!
3 Ты думаешъ, дурню, що я жениХаться?
А я зъ тебе тôлькô, абы посмѣяться!
4 Я такихъ дурнёвъ зъ роду не любила;
Я такими дурнями тыны городила!
5 Ой ты думавъ, хлопче, що вже я кохаю;
Я такими хлопцями плоты пôдпираю!
6 Ой ты думавъ, дурню, що за тебе пôйду;
Кину роскôшъ по-пôдъ ноги, собѣ куплю бѣду?
7 Ой ты, дурный, дававъ, дававъ; я, розумна, брала;
Якъ ты выйшовъ за воро́та, зъ тебе глузовала.
8 У горо́дѣ бузина — перерýбленая:
Одступися, ты плюгавый, я полюбленая!
9 У городѣ бузина, на ей листу нема;
Не ходи и не люби, коли проку нема!

(Малороссийская и Галицкая).

96.

1 Ой ты, ковалю, ковале́ньку,
Чомъ ты не куешъ рано поране́ньку;
2 Чомъ челядоньки ты жалѣешъ,
Чомъ ты залѣзъ та не грѣешъ?
3 Ковалёва дочка, Катерина,
Вона собѣ сына породила,
4 Въ колодязѣ ёго потопила,
Та й за ворота выходила,
5 Зъ буйнымъ вѣтромъ розмовляла,
Що на серцѣ — те й казала:
6 Та не вѣй вѣтре, та тихенькій,
Та повѣй вѣтре, та буйненькій.
7 Та нгжени хмару чорне́сеньку,
Та зпусти дощикъ дрôбнесенькій,
8 Та залѣй стежки й доріжечки;
Щобъ не знали ні́й трошечки.
9 Щобъ туды люди не ходили,
Зъ колодязя воды не носили;
10 Щобъ мого сына не ворушили,
Щобъ мого серця не сушили!

97. Надъ колыскою.

1 А, а, котино! — Засни, мала дитино!
2 Ой, на кота воркота; — На дитину дрёмота.
Пойшовъ котокъ на торжокъ, — купивъ собѣ кожушокъ.
4 Треба зъ кота зняти, — да дитинцѣ дати.
А, а, котку! — Не лѣзь на колодку;
6 Бо забьешъ головку.
Да буде болѣти, — Нѣчѣмъ завертѣти.
8 Одна була хустына, — Якъ та паутина,
Да й ту дѣти вкрали, — На ляльки подрали.
10 Лялёкъ наробили, — Кутокъ засадили.
Ой люлй, люлй, — Чужимъ дѣтямъ дулй;
12 А нашому калачи, — Щобъ спало у ночи.

98. Мандрюха.

1 Не противъ дня, противъ нôчки,
Пôдмовляе козакъ прôчки
Молодую дѣвчиноньку.
2 Чи тыжъ тыи шляхи знаешъ,
Що ты мене пôдмовляешъ,
Молоденькій козаченьку?
3 «Колибъ же я шляхôвъ не знавъ,
«То ябъ тебе й не пôдмовлявъ,
«Молодую дѣвчиноньку.»
4 Не противъ дня, противъ нôчки,
Помандровавъ козакъ прôчки
Зъ молодою дѣвчиною.
5 Пытаеться дѣвчинонька
Въ молодого козаченька:
Де будемо нôчь ночовати?
6 «Ой де будемъ жито жати,
«То тамъ будемъ ночовати,
«Молодая дѣвчинонько»
7 Пытаеться дѣвчинонька
Въ молодого козаченька:
Що будемо постилати?
8 «Ой у тебе запасчина,
«А у мене сѣрячина,
«То те будемъ постилати.»
9 Пытаеться дѣвчинонька
Въ молодого козаченька:
Чѣмъ будемо укрыватися?
10 «Якъ наступить чорна хмара,
«То вона насъ покрывае,
«Молодая дѣвчинонько.»
11 Пытаеться дѣвчинонька
Въ молодого козаченька:
Ой чѣмъ будемъ умыватися?
12 «Я вмыюся рôсоньками,
«Ты вмыешся слёзоньками,
«Молодая дѣвчинонько.»
13 Пытаеться дѣвчинонька
Въ молодого козаченька:
Чѣмъ будемо утиратися?
14 «Ой я утрусь китайкою,
«Тебе утру нагайкою,
«Молодая дѣвчинонько!»

Примѣч. Пѣсня эта замѣчательна по своему изложенію и содержанію. Подъ видомъ простоты и шутки въ ней заключается глубокая нравственная мысль, что всякій легкомысленный поступокъ влечетъ за собою печальныя послѣдствія.

99.

1 Котилися возы зъ горы, — та въ долинѣ стали;
Любилися, кохалися, — та вже перестали.
2 Котилися возы зъ горы, — поламали шпицѣ;
А вжежъ мѣнѣ не ходити — бо̂льшь на вечорницѣ.
3 Кохалися, любилися, — що мати не знала.
Не дай, Боже, розо̂йтися, якъ чорная хмара.
4 Чорна хмара розо̂йдеться — и дощу не буде:
Мы зъ тобою розо̂йдемось, — коханья не буде!
5 Повѣй, вѣтре, буйнесенькій, — во̂дко̂ль тебе прошу,
Розвѣй тугу, нудьгу мою, — що на серцѣ ношу.
6 Повѣй, вѣтре, изъ-за горы, — во̂дко̂ль я жадаю,
Та зъ то̂еи сторононьки, — де милого маю.
7 Сѣю гречку за греблею; — вже зелена сходить.
Ой великее коханье — до бѣды доводить.
8 Ой у полѣ коноцельки, — вже зазеленѣли:
Карымъ очамъ спанья нема, — но̂женьки зомлѣли.
9 Ой вы, чорныи бровоньки, — горежъ менѣ зъ вами!
Не хочете ночовати — нѝ ноченьки сами.
10 Хочъ хочете, не хочете; — требажъ привыкати.
Милый милу покидае, — йде другу шукати.
11 Милый милу покидае, — самъ во̂нъ одъѣжжае;
Ой, у тузѣ сердечную — саму оставляе.
12 Летить пѣвень на сѣдало, — каже *кукурику*.
Зоставайся, моя мила, — здорова до вѣку.

(Малороссійская и Галицкая).

100. Дума. Игнатко-Братко.

1 Та йшовъ Гнатко, та йшовъ братко — тихесенькимъ шляхомъ;
За тымъ Гнаткомъ, за тымъ браткомъ — учепились Ляхи.
2 Поставали стороженьку — навхрестъ шабельками;
Втѣкавъ Гнатко, втѣкавъ братко — по-по̂дъ рученьками.
3 Скидавъ Гнатко, скидавъ братко — зъ себе сѣрячину;
Кидавъ Гнатко, кидавъ братко — чорну кожушину.
4 Втѣкавъ Гнатко, втѣкавъ братко — ажъ на Запорожжа,
Та не дае проѣхати — та быстра сторожа.
5 Прибѣгъ Гнатко, прибѣгъ братко — до бабино̂й хаты,
Пусти мене, бабусенько, — та у свою хату!

[6] Зховай мене, бабусенько, — вôдъ сихъ Ляхôвъ вражихъ!
«Та влѣзь же ты въ погребину — та тамъ пересидишь.»
[7] Якъ набѣгли вражи Ляхи — до тôеи хаты,
Пытаються въ бабусеньки: — чи бачила Гната?
[8] «Ой якъ бо вамъ, паны Ляхи — не скажу о Гнатѣ;
«Бо я ёго не бачила — та у своёй хатѣ.
[9] Стали Ляхи скрôзь шукати — въ хатѣ й на горiнѣ,
Та й злапали того Гнатка — у тôй погребiнѣ.
[10] Порубали Игнатковй — усю головину,
Порубали козаченька — на мêлку дробину.
[11] А чому ты, стара бабо, — правды не сказала,
Що ты сёго Игнатика — въ погребѣ сховала?
[12] Отъ и старôй бабусеньцй — голову зрубали:
Отъ се за те, що бабуся — козака ховала.

Примѣч. Гоненiя Поляковъ описываются еще и въ другой думѣ «Бондарôвна»:
Ой, у мѣстѣ Немировѣ дѣвокъ танокъ ходить, № 151.

101.

[1] Ой сама я, ой сама — пшеничепьку жала;
Ой прiйду я до дóмоньку: — нема мого пана!
[2] Челядонька у дому, — ой щожъ мêнѣ по тому?
Далажъ бы я бѣлы ручки, — та не мае кому!
[3] Ой пôйду я до компаты — постêлоньки слати:
Постêль бѣла, стѣна нѣма, — нê съ кѣмъ розмовляти.
[4] Ой постêль моя бѣлéнька, — а стѣна нѣменька:
Сжалься, сжалься, милый Боже, — що я молоденька!
[5] Ой выйду я, ой выйду я — на крутую гору;
Ой стану я, погляну я — на быстреньку воду.
[6] Щука рыба у водѣ — доволй гуляе:
А я стою, та думаю, — що пары не маю.
[7] Ой у мене тôлькô пары, — що оченьки кары;
Тôлькôжъ мêнѣ всей любови, що чорныи бровй.
[8] Очижъ мои, очи кары, — бѣда мêнѣ зъ вами:
Не хочете привыкати — безъ милого сами.
[9] Хочъ хочете, не хочете, — треба привыкати.
Ужежъ бо вамъ миленького — повѣкъ не видати!

102.

[1] И шумить, и гуде, — дрôбный дощикъ иде;
Д хтожъ мене молодую — до домоньку доведе? 2.

2 Обôзвався козакъ — на солодкôмъ меду,
Гуляй, гуляй, чорнобрива, — я до дому доведу! 2.
3 Не ведижъ ты мене, — не прошужъ я тебе;
Бо я маю злого мужа, — буде бити мене. 2.
4 На бôкъ, хлопцû, на бôкъ, хлопцû, — чоловѣка чортъ несе,
Якъ побачить мене зъ вами, — ёго трясця затрясе. 2.
5 Ой нехай имъ трясе, — якъ вѣтеръ лугами,
А ты собѣ, молодая, — погуляешъ зъ нами. 2.
6 И шумить, и гуде, — скрыпка грае, басъ реве.
Козакъ мовчить, а все знае; — вôнъ до дому проведе. 2.

(Такъ поютъ въ Кіевѣ, и въ Галиціи около Жолкова).

103.

1 Та йшовъ козакъ зъ Дону, — та зъ Дону до дому,
Та зъ Дону до дому, — та й сѣвъ надъ водою.
2 Сѣвши надъ водою, — проклинае долю:
Ой доле ты, доле, — доле моя злая!
3 Доле моя злая, — чомъ ты не такая,
Чомъ ты не такая, — якъ доля чужая?
4 Другимъ даешъ лишне, — менежъ обижаешъ,
И що мѣнѣ мило, — и те однимаешъ!
5 Що люди нû роблять, — да хороше ходять;
А я роблю, дбаю, — и свиты не маю.
6 Другіи гуляють, — и роскоши мають;
А я роблю, дбаю, — нûчого не маю.
7 Ой доле людьская, — доля есть слѣпая,
Бо служить негôднымъ, и ûмъ помогае.
8 Добрû терплять нужду, — по міру товчуться,
Та все не въ ладъ прійде, — за що нû вôзьмуться.
9 До когожъ ласкава — ся доля лукава,
Такій живе якъ сыръ въ маслѣ, — спустивши рукава.
10 Безъ розума люди — въ свѣтѣ живуть гарно;
А зъ розумомъ часто — вѣкъ проходить марно.
11 Ой доле людьская, — чомъ ты неправдива;
Що до ûншихъ гречна, — до мене спесива?
12 Якъ-ось до козака, — що плаче вôнъ зъ горя,
Обôзвалась доля, — по тôмъ боцѣ моря:
13 Ой козаче, бурлаче, — дурный розумъ маешъ,
Що ты свою долю — марне проклинаешъ.

14 Що ты заробляешъ, то те й пропиваешъ,
А якъ загуляешъ, — музыки наймаешъ.
15 Та й грають музыки — одъ двора до двора,
Та щобь не журилась — вже мати стара.
16 Та вже поки грали, — тебе люди знали;
А якъ перестали, — то й лаяти стали.
17 Та пôйшовъ бы въ Крымъ, — та нанявся въ сапетки;
А въ сапеткахъ добре, — тамъ хлѣба доволй.

Примѣч. При множествѣ варіантовъ это самая любимая пѣсня Малороссійскаго мужика, когда онъ, по какой либо причинѣ, предается горю: особенно, если притомъ воодушевленъ горѣлкою. — Силлабическій размѣръ сей пѣсни одинаковъ со слѣдующими: а) Горежъ мêнѣ, горе, нещастлива доля. б) Якъ бы мêнѣ зранку горѣлочки шклянку. — Первая тоже печальнаго содержанія, а вторая веселаго; тактъ другаго размѣра (въ двѣ четверти) и мелодія плясовая.

104.

1 Мêнѣ мати наказала,
Щобъ я мужа шановала;
2 А я ёго шановала,
До отавы припинала.
3 Оть ѣжъ, мужу, траву тую,
Закôль борщу я зготую.
4 Поки борщу зготовала,
Сêмъ разъ Ляшка цѣловала.
5 Якъ я сѣно громадила,
Ляшка къ собѣ принадила.
6 Ище буду громадити,
Щобъ другого принадити.
7 И въ копыцѝ посклада̀ю,
На третёго поморгаю.
8 Ляшокъ любый, Ляшокъ милый.
Пойду зъ Ляшкомъ до могилы.
9 Бувай, мужу, здоровенькій.
Для другои ты миленькій.

(Галицкая).

105.

1 Болить моя головонька — вôдъ самого чола,
Не бачила миленького — сёгодня и вчора.
2 Ой бачиться не журюся, — въ тугу не вдаюся;
А якъ выйду за вороты, — одъ вѣтру валюся.
3 Ой бачиться, що не плачу, — сами слёзы льються;
Одъ милого нема людей, — одъ нелюба шлються.
4 Немажъ мого миленького, — нема мого сонця;
Нѐ съ кѣмъ мêнѣ розмовляти — сидя у вôконьця.
5 Немажъ мого миленького, — що карыи очи;
Нѐ съ кѣмъ мêнѣ размовляти — въ темненькіи ночи.
6 Нема мого миленького, — нема ёго тута;
Позходила по слѣдонькамъ — шавлія и рута.

7 Я шавлію пересѣю, — руту пересáжу;
Таки свого миленького — къ собѣ перенажу.
8 Я шавлію пересѣю, — руту пересмычу;
Та до себе миленького — таки переклычу.
9 На шавлію воду грѣю, — на руту не буду;
Кого люблю и жалѣю — по вѣкъ не забуду!
10 Зелененькій, барвйночку, — стелися низенько;
А ты милый, чорнобривый, — присунься низенько.
11 Зелененькій барвйночку — стелися ще низче;
А ты милый, чорнобривый, — присунься ще близче!
(Поютъ и въ Галиціи).

106. Нисенитница.

1 Ишли дѣвки зъ Санжарôвки
А за ними два парубки;
А собака зъ Макôвокъ,
Гавъ, гавъ на дѣвокъ.
2 Ой дѣвчина кумина,
Поѣхала до млина.
Зачепила въ сухій пень,
Та й стояла цѣлый день.
3 Продай, мамо, двѣ коровы,
Купи мêнѣ чорны брови,
На колодцѣ стояти,
Та на хлопцѣвъ моргати.
4 Продай, мати, двѣ телицѝ;
Купи мêнѣ шнуровицѝ;
Въ мене цѝцѝ трясуться,
Зъ мене хлопцѝ смѣються.
5 Ой смѣхъ, та й публйка,
Била жôнка чоловѣка;
А матйнка боронила,
Ажъ кочергу изломила
6 Чомъ, чомъ боса ходишъ?
Чому чобôтъ не заробишъ?
Ой не жалуй дурнички,
Купи новѝ черевички!
7 Ой ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ,
Чомъ до мене не заѣхавъ;
Въ мене сѣни, въ мене й хата,
Въ мене й курка волохата.
8 На дорозѣ да калюжа
Бо робити я недужа;
Якъ бы скрыпки да цимбалы,
То бы нôжки все скакали.
9 Ой сѣвъ, зажурився,
Що зъ малою оженився;
Не журися, мôй Андрêю,
Пôдросту я за недѣлю.

Примѣч. Санжарôвка, деревня близь Полтавы. Еще съ XV-го столѣтія существовали Санжары; потомъ Старые и Новые Санжары. Малороссійская Нйсенйтница, или наборъ строфъ, есть тоже, что Галицкая Коломыйка, или что у Поляковъ Краковякъ.

107. Жôнка Катеринка.

1 Та орê Семенъ, оре — чорными волами;
Ёго жôнка Катеринка — гуля зъ Москалями.

2 Та оре Семенъ, оре, — на сонце поглядае;
Его жо̂нки Катѐринки — зъ обѣдомъ не мае.

3 Доорався той Семенъ — до нового лану,
Пустивъ воло̂въ до дубровы — и по̂йшовъ до дому.

4 Якъ прійшовъ же той Семенъ — до новои хаты;
Пытаеться во̂нъ дѣтей: — а де ваша мати?

5 Ой по̂йшла вже наша мати — та въ лугъ по теляты,
Забожилась, заклялася, — що не ваша мати!

6 Ой, якъ кинеться Семенъ — до новои скрыньки:
Нема добра, нема ѝ скрыньки, — а нѝ Катеринки.

7 Якъ удариться Семенъ — объ полы руками:
«Дѣтки мои, квѣтки мои, — пропавъ же я зъ вами!»

8 Ой ударьте морозы — на тѣ густы лозы;
Побѝй, Боже, Катерину — за Семеновы слёзы!

9 А Семеновы слёзы — марне не пропали:
На каменѝ вже зпадали — камнѝ розбивали.

108.

1 И живъ, не любила,
И вмеръ не тужила!

2 Тогдѝ трошки потужила,
Якъ на лавцѣ положила.

3 А якъ въ яму опустила,
И журба тогдѝ простыла.

4 Засыпала, закопала,
Но̂женьками притоптала.

5 Но̂женьками тупъ, тупъ:
Лежи старый тутъ, тутъ.

6 А я молоденька
Гуляти раденька!

109.

1 Гей, зо̂йди, зо̂йди — мѣсяцю ясный,
Зо̂йди высоко — та надъ горою.
Ой выйди, выйди, — дѣвчино, серце,
Та ѝ поговоримъ, — рыбко, зъ тобою!

2 Ой якъ же можно, — мое серденько,
Мѣнѣ до тебе — вже выходити?
Насъ люди знають — та ѝ осуждають,
Щобъ тебе, милый, — бо̂льшъ не любити.

3 Нехай же судять, — нехай говорють,
Якъ вони хочуть — по всёму свѣту,
Яжъ тебе люблю — и любитему,
Ты мо̂й червоный, — маковый цвѣту!

110.

¹ Изъ-за горы вѣтеръ вѣе, — жито половѣе:
На козака худа слава, — що робить не вмѣе.
² А робити не прибити, — а жать, не нагнеться;
До дѣвчины, що вечора — зъ старостами шлеться.
³ Ой хочъ шлися, хочъ не шлися, — а пойди наймися.
Та зароби пару коней, — та пару жупановъ.
⁴ Тогди сядешъ край чорныхъ бровъ, — край шитыхъ рукавовъ;
Шиты, шиты рукавчата, — а станы глыбоки!

111. Козацька линѣя.

¹ У Глуховѣ, у городѣ — во всѣ дзвоны дзвонять;
Та вже нашихъ козаченьковъ — на линѣю гонять.
² У Глуховѣ, у городѣ — стрѣльнули за гарматы;
Не по одномъ козаченьку — заплакала мати.
³ У Глуховѣ, у городѣ — стрѣльнули зъ ружницѣ;
Не по одномъ козаченьку — плакали сестрицѣ.
⁴ У Глуховѣ, у городѣ — поплетены сѣтки;
Не по одномъ козаченьку — заплакали дѣтки.
⁵ На быстрому на озерѣ — геть, плавала качка;
Не по одномъ козаченьку — плакала козачка.
⁶ У Грицьковѣ огни горять, — а въ Полтавѣ дымно;
На могилѣ Гетманъ сидить, — геть тамъ, ёго видно.
⁷ Допевняйсяжъ, нашъ Гетмане, — допевняйся платы!
Якъ не будешъ допевняться, — будемъ утѣкати.
⁸ Ой идѣть же вы, панове, — до Петра, до свата —
Ой тамъ буде вамъ, панове, — велика заплата;
⁹ Отъ така вже ласка буде, — велика заплата:
По заступу у рученьки, — та ще и лопата!
¹⁰ Сидить козакъ на могилѣ, — сорочку латае;
Вонъ кинувся до черешка, — копѣйки чортъ-мае!
¹¹ Ѣхавъ козакъ на линѣю, — та й вельми надувся;
Иде козакъ изъ линѣи, якъ лихо зогнувся!

Примѣч. Въ первый разъ Малороссійскіе Козаки были Петромъ Великимъ употреблены для проведенія линіи противъ орды Кубанской въ 1716 году; но собственно такъ называемая линія (Линѣя), Козацкая сторожевая черта находилась между рѣками Днѣпромъ и Донцомъ, на границѣ Полтавской и Екатеринославской губерн., по рѣкамъ Орлу и Сухому Тореду. Императоръ Петръ I-й начерталъ планъ симъ линіямъ, для воспрепятствованія Татарамъ

дѣлать набѣги. Послѣ кончины сего Государя планъ оставался неисполненнымъ до 1731 года, въ которомъ начались работы; линіи были окончены въ 1732, а крѣпости приведены къ окончанію въ 1738 году. Правое крыло линіи упиралось въ Днѣпръ, а лѣвое въ Донецъ; линіи имѣли до 400 верстъ (100 льё) длины. Число крѣпостей, здѣсь находившихся, простиралось до 15-ти. Крѣпости эти имѣли валъ значительной вышины, ровъ, наполненный водою, гласисъ и полисадъ у контръ-эскарпа. Между крѣпостями были устроены прочные редуты и реданты. (Изъ записокъ Манштейна). — Съ 1708 года, или со временъ Ивана Скоропадскаго, Гетманы имѣли мѣстопребываніе свое въ Глуховѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ Черниговской губерніи. — Изъ всего вышеписаннаго должно заключить, что пѣсня эта сочинена не раньше 1732—38 г.

112.

1 Да чи я въ лузѣ не калина,
Да чи я въ лузѣ не червона?
На що мене поламано
И въ пучечки повязано?
Нещастье мое! — Недоля моя!

2 Да чи я въ батька не дитина.
Да чи я въ батька не кохана?
На щожъ мене засватано,
И свѣтъ мѣнѣ завязано?
Нещастье мое! — Недоля моя!

3 Ой якъ выйду за ворота,
Сама сяду якъ сирота:
Усѣ дѣвки въ танка грають,
Мене къ собѣ не пріймають;
Нещастье мое! — Недоля моя!

4 Ой пôйду я до Дунаю,
Сама собѣ подумаю:
Щука рыба въ морѣ грае,
И та собѣ пару мае;
Нещастье мое! — Недоля моя!

5 Ой пôйду я въ глыбоки яры,
Чи не зъѣдять лютыи звѣрй:
Звѣрье грае, звѣрье грае,
Воно мене на займае,
Нещастье мое! — Недоля моя!

6 Чи не було рѣчки, утопиться,
Чи не було кращого, полюбиться?
Були рѣчки, — позтекали,
Були кращй, позъѣжжали.
Нещастье мое! — Недоля моя!

113. Козацьке житье.

1 Житье наше Козацкее; — мы не пропадаемъ.
Хочь гуляемъ и пьемô, — а нужды не знаемъ.
2 Мы въ гуляньцѣ, въ вечеръ, въ ранцѣ — въ полудень и въ нôчи,
Тôлькôбъ грати, та спѣвати; — до сёго охочи.
3 Гей, козакъ собѣ таньцюе, — бряжчать въ ёго гроши.
Самъ маторный, волосъ чорный, — и лицемъ хорошій.
4 Крутить усы, кунтушъ куцый — вôдкидавъ велёты.
Вôнъ гуляе и гукае, — додае охоты.
5 Нуте, нуте, молодыцй, — нуте погуляйте!
Одни грайте, други скачте, — а третй спѣвайте.

6 Нуте живо, та й на диво, — козаченьки жвавы!
Той въ присядки до сусѣдки — ажъ порвавъ халявы.
7 Молоденькій козаченьку, — гуляй разомъ зъ нами,
То тропака, то въ присядку — выкидай ногами.
8 Нехай знають, що гуляють — зъ дѣвчатами парнй;
И жартують и спѣвають — молодыцѣ гарнй.
9 Ой ластôвка прилетѣла, — стала щебетати;
Нарай, нарай, пане брате, — де дѣвчину взяти.
10 Ой пораю, пане брате: — у нашого вôйта;
Хорошая, розумная, — тôлькô неробôтна.
11 Не уважай, пане брате, — що дѣвчина гладка;
Пытай людей и самъ гляди, — чи метена хатка.
12 Не уважай, пане брате, — що коралôвъ густо;
Пытай людей и самъ гляди, — щобъ въ хатѣ не пусто.

114. Дума. Мандрованье Кіянки.

1 У Кіевѣ, на рыночку,
Пьють Ляшеньки горѣлочку.
2 Пилижъ вони, та гуляли,
Галю ѣхать пôдмовляли.
3 Сѣдай, Галю, моя нене!
Поѣдемо въ нашу землю.
4 У насъ добре поживають:
Въ буддень плахты надѣвають.
5 Въ празникъ мягки паляницй,
Пьють горѣлку изъ барильця.
6 На хрестыны медъ купують,
И жôнокъ своихъ шанують.
7 Отъ-такъ Галѣ говорили,
И въ кибитку посадили.
8 Везуть бѣдную дитину
На безрôдную чужину.
9 Ой кинулась матусенька,
Де подѣлась Ганнусенька?
10 Нема въ пущѣ, нема ї дома,
Стоить навстежъ и комора.
11 Нема въ кумы, и на полѣ:
Ой голосить мать по донѣ!
12 Стала плакать, жалковатись,
На сыночкôвъ сподѣватись.
13 Сыныжъ мои молодыи,
Берйть конй вороныи.
14 Поспѣшайте у погоню
За сестрою молодою.
15 Доженете у Прилуки,
Не робйть сестрѣ вы муки.
16 Доженете у Полтавы,
Не робить великой славы.
17 Да вонажъ у мене одна,
Якъ у цѣломъ году весна.
18 Вона дитя молодее,
Треба имя золотее.
19 Ѣдьте швидче, не баритесь,
Мою Галю привезите!
20 Приѣжжають у Полтаву,
Бачуть сестру гарно вбрану;
21 На єй плахточка парчова,
Галя, якъ вода здорова.
22 Що ты, сестро, изробила?
Нашу матеръ зпечалила!
23 Вона тебе проклинае,
Сама зъ туги умирае.
24 Ой велѣла тобѣ мати
Недовѣрка покидати.

25 Мы тебе къ собѣ прiймаемъ;
А Ляшка твого зрубаемъ.
26 Отъ-тутъ Галя не зтямилась,
Мовъ изъ мосту провалилась.
27 Пала къ землѣ, якъ листочокъ:
Тôлькô чули голосочокъ:
28 «Що хочете, вы робíте,
«Тôлькô Ляшка не рубите!
29 Братья Галю не слухáли,
Та Ляшенька зарубáли.
30 А якъ Ляшка зарубали:
Срéбло-злото все побрали.

Примѣчанiе. Въ XVI, особенно въ XVII, вѣкѣ многiе Польскiе паны и Русскiе, принявшiе Католическое исповѣданiе, владѣли обширными помѣстьями въ теперешнихъ губернiяхъ Черниговской и Полтавской. *Полтава,* какъ помѣстье Глинскихъ, упоминается въ первый разъ въ концѣ XIV-го, а *Прилуки*, нынѣ уѣздный городъ Полтавской губернiи, стали извѣстны въ XV-мъ столѣтiи.

115.

1 Прошу тебе, отамане, — прошу тя на пиво,
Не бiй моей дѣвчиноньки, — якъ выйде на жниво!
2 За щожъ маю ёё бити; — бо ёй удаеться;
Якъ до мене снопы несе, — не разъ засмѣеться.
3 Ой вже вечоръ вечерѣе, — вже сонечко низко;
Пусти мене, отамане, — до милой не близко.
4 Возми собѣ, отамане, — коня вороного;
Пусти мене до дôмоньку, — до коханья могo!
5 Бодай тобѣ, отамане — дѣдько очи выдравъ:
Що ты мене вôдъ дѣвчины — на паньщину выгнавъ.
6 Тожъ-то мене зъ свѣта жене, — тожъ-то мене губить:
Та що мою дѣвчиноньку — лада-дурень любить.
7 Тожъ- то мене зъ свѣта губить, — тожъ-то мене рѣже:
Що до моей дѣвчиноньки — лада-дурень лѣзе!

(Галицкая).

116. Дума на побѣду Корсунскую.

1 Ой, обôзветься панъ Хмѣльницкiй,
Отаманъ, батько Чигиринскiй:
2 Гей, друзѝ-молодцѝ!
Братья, Козаки Запорозьцѝ!
3 Добре знайте, барзо гадайте,
Зъ Ляхами пиво варити затирайте!
4 Лядьскiй солодъ, Козацька вода,
Лядьски дрова, Козацьки труда.
5 Ой за тее пиво,
Зробили Козаки зъ Ляхами великее диво.

6 Ой за тый пивный молотъ
Зробили Козаки зъ Ляхами великій колотъ.
7 Ой не вербижъ то шумѣли, и нй галки закричали;
Тожъ-то Козаки зъ Ляхами пиво варить зачинали.
8 Ой, обôзветься перва панй Ляшка:
Нема мого пана Гриця!
9 Десь поѣхавъ дивиться,
Якъ буде козацькее пиво варйться!
10 Ой обôзветься друга панй Ляшка:
Нема мого пана Яна;
Десь звязали Козаки ёго якъ барана!
11 Ой обôзветься третя панй Ляшка:
Нема мого пана Якуба. Ой Якубе!
Десь тебе зъ Жовтои Воды до вѣку не буде!
12 Ой, не чорна хмара надъ Польщою встала:
Тожъ-то не одна Ляшка удовою стала.
13 Бо на праву середу
Гнали Козаки Ляхôвъ, якъ бы череду
14 Ой, которыхъ гнали до Прута,
Була дороженька барзо крута.
15 Которыхъ до Бузька,
Була дороженька грузька.
16 А которыхъ до Хотины,
То бѣжучи попотѣли.
17 Кидали Козаки Ляхôвъ у воду
Къ чортовои матерй на прохолоду!..
18 Ой, вей-мйръ! обôзветься первый Жидъ Ѣцько:
Ужежъ, пакъ изъ-за горы Козацька корогвы видко!
Побѣгъ до школы швидко.
19 Ой, школожъ моя, школо!
Чи тебе продати, чи въ карманъ забрати,
20 Чи пану Хмѣльницкому,
Отаману Чигиринському,
На срачъ подаровати?
21 Ой, обôзветься другій Жидъ Абрамъ:
Ой, я маю вельми дорогій крамъ:
Шпильки й голки, кремѣнья й люльки.
22 Ой я свôй крамъ у коробочку склавъ,
А самъ пьятами накивавъ!

23 Ой обозветься третій Жидъ Шлёма:
Ой, яжъ, пакъ не буду на шабасъ дома!
24 Гей, обозветься панъ Хмѣльницкій,
Отаманъ, батько Чигириньскій:
25 Гей, друзй-молодцй,
Братья, Козаки Запорозьцй!
26 Добре знайте, барзо гадайте,
Одъ села Ситниковъ до города Корсуня
Шляхъ канавою перекопайте.
27 Потоцького поймайте,
Мѣнѣ въ руки подайте.
28 Гей, Потоцькій, Потоцькій,
Маешь розумъ жôноцькій!
29 Не годишсяжъ ты воювати,
Луччежъ тебе до пана Хмѣльницкого одлати,
30 Сырои кобылины жовати,
Або житнёи соломахи
Бузиновымъ молокомъ запивати.

Примѣчаніе. Слава побѣдъ Хмельницкаго надъ Поляками, первой при *Желтыхъ Водахъ* 7-го Мая, а другой подъ *Корсунемъ* 16-го Мая, того же 1648 года и доселѣ живетъ въ воспоминаніяхъ Украинскаго народа. Бандуристы наши составляли на этотъ предметъ думы. Малоросіяне, страдавшіе долго отъ гоненій Поляковъ, и отъ грабительства Жидовскихъ арендаторовъ, при извѣстіи о первыхъ торжествахъ безсмертнаго Хмельницкаго, приходили въ неописанную радость. Настоящая дума есть отпечатокъ чувствъ тогдашняго Православнаго народонаселенія Украины. Подробнѣе о семъ см. Кониского и Бантыша-Каменскаго.

117.

1 Дѣвчино, кохана, здорова була!
Чи щежъ ты на мене та не забула?
2 Приѣхавъ до тебе, — Бôгъ тебе знае,
Чи твое серденько мене кохае?
3 «Козаче коханый, чого пытаешь?
«Хибажъ ты мене та ще не знаешь!
4 «Скорѣйше, козаче, въ могилѣ буду,
«Нéжъ тебе, серденько, та позабуду!»
5 Спасибô, дѣвчино, за добрее слово,
А може ты любишь кого другого?

6 Коли вже правдива мовонька твоя,
Такъ будешъ, серденько, на вѣкъ ты моя.
7 «Ты добре те знаешъ, що я сирота,
«Не маю я срѐбла, не маю злота;
8 «Окроме любовй, що къ тобѣ маю,
«Зовсѣмъ я убога, — того не таю!»
9 Не треба мнѣ злота; я й самъ придбаю;
А треба дѣвчины, що я кохаю.
10 Ходѝмо до церкви, зважѝмо мы руки,
Нехай же не буде на серцѣ въ насъ муки!

Примѣчаніе. Размѣръ (Tempo) Польской Мазурки, или Краковяка.

118.

1 Та булажъ въ мене жȏнка, — та булажъ въ мене любка,
Ой послала вона мене — та у лѣсъ по дрȏва.
2 Та далажъ мѐнѣ сокиру, — та далажъ мѐнѣ тупую;
Щобъ я утомився, — въ лѣсу забарився.
3 Мене рȏкъ погодивъ, — чортъ сокиру ухопивъ,
И я не втомився, — въ лѣсу не барився.
4 Ой булажъ въ мене жȏнка, — ой булажъ въ мене любка,
Та послала вона мене — та въ поле орати.
5 Ой далажъ мѐнѣ та шкапу — ой далажъ мѐнѣ погану,
Щобъ я утомився, — въ полѣ забарився.
6 Мене рȏкъ погодивъ, — злодій шкапу ухопивъ,
И я не втомився, — въ полѣ не барився.
7 Та булажъ въ мене жȏнка, — та булажъ въ мене любка,
Та послала вона мене, — та у млинъ молоти.
8 Та далажъ мѐнѣ хлѣба, — та далажъ мѐнѣ чорствого;
Щобъ я утомився, — хлѣбомъ подавився.
9 Мене рȏкъ погодивъ, — цуцыкъ хлѣбъ ухопивъ,
Яжъ не подавився, — и не забарився!

(Поютъ и въ Галиціи).

119. Сусѣдъ.

1 У сусѣда хата бѣла,
У сусѣда жȏнка мила;
А у мене нй хатыньки,
А нй щастья, а нй жȏнки! 2.

² За сусѣдомъ молодыцѣ,
За сусѣдомъ и вдовицѣ;
И дѣвчата поглядають,
Всѣ сусѣда полюбляють. 2.
³ Сусѣдъ уже жито сѣе,
У сусѣда зеленѣе;
А у мене не орано,
И нѣчого не сѣяно.
⁴ Всѣ сусѣда выхваляють,
Всѣ сусѣда поважають,
А я марно часы трачу.
Одинъ въ свѣтѣ тôлькô плачу. 2.
⁵ Одна, було, полюбила,
И рученьку заручила;
И та потôмъ такъ сказала:
Що я тебе не кохала! 2.
⁶ Чи безъ щастья уродився,
Чи безъ щастья охрестився?
Чи такіи кумы брали —
Щастья, доли не вгадали! 2.
⁷ Ой на ставу, на ставочку,
Тамъ плавають чирипочки:
Одна другу догоняе,
Кожна собѣ пару мае. 2.
⁸ Ой на ставу, на ставинѣ,
Тамъ плавають та два линѣ;
Одинъ другого догоняе
Кожный собѣ пару мае. 2.
⁹ Чи то, Небо! твоя воля?
Чи нещастна моя доля?
Що я живу якъ въ пустынѣ,
Лѣта трачу безъ дружины? 2.
¹⁰ Нема щастья, нема доли,
Треба жити, якъ въ неволѣ.
Хиба пôйду утоплюся,
Або въ камень розôбьюся 2.
¹¹ Треба, бачу, свѣтъ кидати,
Прійде зъ жалю умêрати;
Люди мене не злюбили;
Нѣкому вже я немилый 2.

12 Пойду межи лѣса, горы,
Пойду межи темны боры.
Я тамъ буду смерти ждати,
На недолю нарѣкати! 2.

(Малороссійская и Галицкая).

120. Гаданье.

1 Прилетѣла зозуленька — зъ темного лѣсочку;
Сѣла, пала, заковала — въ зеленôмъ садочку.
2 Ой якъ вышла Марусенька — въ неи запытати,
Скажи мѣнѣ: чи довго ще — суженого ждати?
3 А зозуля куе, куе — коло ѣѣ двора,
Будешъ, мила, ждати тôлькô — сей день до вечора!
4 Бодай же ты, зозуленько, — сѣмъ лѣтъ не ковала;
Що ты мѣнѣ, молоденькôй, — правды не сказала.

121.

1 Вôдкôль ѣдешъ? — Вôдъ Дунаю.
А що чувавъ про Михайлу?
2 Эге, чувавъ! — Я самъ видавъ:
Ишли Ляхи на три шляхи,
3 Козаченьки на чотыри,
А Татаре поле вкрыли.
4 А въ тôмъ вôйску козацькому
Ѣхавъ вôзокъ та й покрытый
5 Червоною китайкою,
Заслугою козацькою.
6 А въ тôмъ вôзку було тѣло
Порубане, почорнѣле.
7 За тымъ вôзкомъ кôнь лыцарскій,
Веде коня хлопъ козацькій.
8 Держить въ руцѣ списъ довгенькій,
А у другôй мечъ ясненькій.
9 Ой ще зъ меча и кровъ тече....
По Михайлѣ мати плаче.
10 Не барзо вôнъ порубаный:
Головонька на три части,
11 Бѣле тѣло на чотыри!
На що, мати, страву дбати?

[12] Треба дощо́къ добувати,
Хоромину будовати;
[13] Дай три доски кленовыи,
Четвертую сосновую;
[14] Безъ две̂ръ хата, безъ во̂конець,
Бо вже пріи̂шовъ ёму конець!

122. Бугай.

[1] Бѣду собѣ купила, — та за свои гроши;
Кажуть люди любити, — а во̂нъ нехорошій.
[2] И кривый во̂нъ и слѣпый, — та ще и горбатый,
Якъ стане турбовати, — треба утё́кати.
[3] Я въ недѣлю пьяна була, — въ понедѣлокъ спала;
А въ во̂второкъ снопо̂въ сорокъ — пшениці нажала.
[4] У середу сушила, — въ четверъ молотила,
А въ пятницу продала, — въ суботу пропила.
[5] Ходила я по селу, — бугая по̂ймала;
Та вже одъ ледачого — я не здоброваа!
[6] Бо сей бугай неробочій, — самее ледащо;
Коло корчмы пасеться, — извё́вся ні на що.
[7] Запряжу я бугая; — куды люди, туды й я!

Примѣчаніе. Въ Малороссіи и Галиціи эту пѣсню смѣшиваютъ съ другою: Чи яжъ въ мужа не жона, № 63.

123.

[1] Иде Козакъ въ Украи́ну, — мушкетъ за плечами;
За нимъ плаче дѣвчинонька — зъ чорными бровами.
[2] «Посто̂й, посто̂й, Козаченьку, — мо̂й сизенькій орле;
«Ой хтожъ тебе на чужинѣ, — серденько, пригорне!
[3] По то̂мъ боцѣ за Дунаемъ — Козакъ сѣно косить;
По се̂мъ боцѣ дѣвчи́нонька — Пана Бога просить:
[4] «Бодай сѣно огнемъ по̂йшло — и коса зломилась,
«Щобъ я бо̂льше по милому — тута не журилась!»
[5] Ой надъ быстрымъ надъ Дунаемъ — чорный воронъ краче:
Не едина дѣвчинонька — по Козаку плаче.
[6] Не плачъ, не плачъ, дѣвчинонько, — не плачъ, не журися:
Ще ты, мила, за му́жъ не йшла, — ще я не женився.
[7] «Пріи̂дижъ, пріи̂ди, Козаченьку, — що карыи очи,
«Буду ждати тебе, милый, — до темнои ночи!»

(Галицкая. Срав. № 51. 2.).

124. Чумандра.

1 А хто любить гарбузъ, гарбузъ, — а я люблю дыню;
А хто любить господара, — а я господыню.
Гопъ, чукъ, чумандра, — чумандриха молода! 2.
2 А хто любить губы, губы, — а я печерицѣ;
А хто любить тôлькô дѣвокъ, — а я молодыцѣ.
Гопъ, чукъ, чумандра, — чумандриха молода! 2.
3 Хотѣвъ Сава женитися, — та що ѐму зъ того?
Бо не стае десять грошей — до пôвзолотого!
Гопъ, чукъ, чумандра, — чумандриха молода! 2.
4 Недавно й я оженився; — буде рôкъ въ Петрôвку;
Ой заберу дѣтей въ торбу, — пôйду на мандрôвку.
Гопъ, чукъ, чумандра, — чумандриха молода! 2.
5 Та й выйду я на село, — и стану на горбѣ:
Ѳглянуся назадъ себе, — чи всѣ дѣти въ торбѣ?
Гопъ, чукъ, чумандра, — чумандриха молода! 2.

(Малороссійская и Галицкая).

125. Сповидôвцѣ.

1 Гей, орлята, соколята, — все поле покрыли,
Сповидôвскихъ выбранчикôвъ — до вôйска змусили.
2 Ой, орлята, соколята, — пôймиться пôдъ гору;
Сповидôвски парубочки, — верниться до дому!
3 Ой мы бы ся пôдыймали, — туманъ налягае;
Ой мы бы ся повертали, — Цезаръ не пускае.
4 Не такъ Цезаръ, не такъ Цезаръ, — якъ Цезарска мати,
Хоче нами мужиками — Турка звоевати.
5 Допоможи, милый Боже, — Турка перебити!
Ще ся вернемъ въ свои края, — щобъ дѣвчатъ любити.

Примѣчаніе. Сповидовъ, село въ округѣ Станиславовскомъ при рѣкѣ Днѣстрѣ, въ Галиціи. Цезарь, т. е. Императоръ Іосифъ II; Цезарска мати — Императрица Марія Терезія. И такъ время упоминаемаго въ пѣсни обстоятельства должно быть отъ 1772 года — присоединенія Галиціи къ Австріи, — по 1780 годъ, въ которомъ скончалась Марія Терезія. (Wacław z Oleśka).

126. Гандзя.

1 А хто хоче Гандзю знати,
Прошу мене запытати.
2 А я скажу правду щиру;
Тôлькô прошу: дайте вѣру.
3 Така люба, якъ бы рожа;
Якъ тополя, така гожа.
4 А въ румянцю така сила,
Що всѣ кваты погасила.

5 Тамъ-то брови, тамъ-то очи,
Цѣлуй, цѣлуй, ще ся хоче,
6 Тамъ-то Гандзя, тамъ-то зухъ;
А щочечки якъ пампухъ.
7 Зубы, буцѣмъ перлы чисты,
Губки рожаны, спритисты,
8 Саме личко, якъ день бѣло,
Коли глянешъ, то все мило.
Очи въ Гандзѣ, якъ терночокъ,
Брови ёе, якъ шнурочокъ.
10 Уста ёе, якъ калина,
Солодкіи, якъ малина.
11 Якъ я Гандзю не побачу,
То я тужу, то я плачу.
12 Якъ на мене Гандзя гляне,
То вся туга перестане!
13 Хто дѣвчину вѣрно любить,
Свого щастя той не згубить;
14 Хто дѣвчины не кохае,
Той щастливый не бувае!

(Галицкая. Wacław z Oleśka).

127. Дзюба.

1 Козакъ коня напоювавъ, — Дзюба воду брала.
Козакъ собѣ заспѣвавъ, — Дзюба заплакала.
2 Не плачъ, Дзюбо, моя люба, — доколь я съ тобою:
Якъ поѣду на Вкраину, — заплачешъ за мною.
3 Хмара иде, дощикъ буде, — ходімо до хаты,
Та тамъ будемъ, Дзюбо люба, — собѣ розмовляти.
4 А що кому до того, — що я Дзюбу люблю;
А я своёй Дзюбѣ любой — черевички куплю.
5 Черевички зъ китаечки, — панчôшка едвабна;
Якъ же Дзюбу не любити, — коли вона ладна!
6 Черевички зъ китаечки, — панчôшки зъ атласу,
Ходи, Дзюбо, моя люба; — бо не маю часу.
7 Скажи, Дзюбо, моя люба, — чи ты любишь мене?
А я пôйду до матінки — просити о тебе.
8 А я тебе, Дзюбо, люблю, — самъ Бôгъ тее знае.
Проси мамы, проси тата, — нехай насъ злучае.
9 Коло млина яворъ стоить, — яворъ похилився;
Якъ ся зъ Дзюбой не оженю, — не буду жениться.
10 А тамъ въ лѣсѣ на голузѣ — сорока скрегоче:
Охъ, Боже мôй литостивый, — якъ ся тебе хоче!
11 Бодай тебе, Дзюба люба, — твои чорны очи;
Не стоявъ бы мôй коничокъ — до темнои ночи.
12 Мати каже про Козака, — що вôнъ люльку курить:
Не вѣрь, Дзюбо, що тя вôзьме; — а вôнъ тебе дурить.
13 Не вѣрь, Дзюбо, Козакові, — що вôнъ огонь креше;
Бо вôнъ пôйде до другои, — а на тебе бреше.

14 Козаченькожъ одмовляе: — твоя Дзюба ладна;
Отъ, я Дзюбу поцѣлую, — и на коня гайда!
15 «Ой выйду я на гороньку, — махну я рукою:
«Завернися, Козаченьку, — згину за тобою!»

(Галицкая).

128. Бандура.

1 Гей, пôдъ горою, пôдъ перевозомъ,
Стояла дѣвчина зъ своимъ обозомъ.
2 Якъ-ось Козаченько шовъ дорогою,
Та й зустрѣвъ дѣвчицу вôнъ зъ бандурою.
3 Добры-день, Гапко! — Якъ собѣ маешъ?
Позычъ ты бандуры, — що сама граешъ.
4 Ходижъ, Козаче, до моей хаты,
Дамъ тобѣ бандуры увесь день грати!
5 Козакъ послухавъ, пôйшовъ до хаты,
Та й почавъ зъ Гапкою вôнъ жартовати.
6 «Ой мати, мати, Козакъ у хатѣ,
Пустуе, жартуе, не дае спати!»
7 Гей доню, доню, не будь дурною,
Бій його, голубко, хочъ кочергою.
8 «Боюся, мати, щобъ не плакати,
Ой звелижъ, матїнко, поцѣловати!»
9 Отъ, ся бандура що наробила:
Дѣвчина козака та й полюбила!

Примѣчаніе. Поютъ въ Кіевѣ, Галичѣ и Львовѣ. Въ Кіевѣ начинаютъ часто шестымъ куплетомъ: Ой мати, мати, Козакъ у хатѣ.

129. Отрута.

1 Гей у полѣ, на роздольи — шовкова травиця;
Середъ поля, край тополѣ — чистая крыниця.
2 Тôлькô туды кониченька — мěнѣ не водити;
Изъ тôей крыниченьки — водыцѣ не пити.
3 Травка звьяне, травка зсохне — коню вороному,
Отрутою вода стане — мěнѣ молодому!
4 На тôй шовковôй травицѣ — багато отруты;
Бо зъ тôеи крыниченьки — пивъ мôй ворогъ лютый!

(А. Чужбинскій.)

130. Галицка калина.

1 Гей хороша молодычка — моргала на мене:
«Покинь, покинь молотити, та ходи до мене!»

2 Ой не пôйду, бо ся бою, — маешъ чоловѣка;
Якъ мя зловить, буде бити, — збавить зъ мене вѣка.
3 «Прійди, прійди, гожій хлопче, — хотя на годину;
Я старого бородача — пôшлю по калину.»
4 Пôйди, старый бородачу, — мѣнѣ по калину;
Бо я такій кашель маю, — що трохи не згину.
5 Пôйшовъ старый, бородатый, — калину ламати;
Ой привела молодого — изъ сѣней до хаты.
6 Сѣвъ вôнъ собѣ въ концѣ стола, — курку обірае,
Хорошую молодычку — къ собѣ пригортае.
7 «Выйди, доню, на улицю — тата вызирати;
А якъ буде вже близенько, — давай мѣнѣ знати!»
8 Выйшла доня на улицю, въ бѣлы руки плеще:
«Гуляй, гуляй, моя мати, — не йде тато еще.»
9 Погляну я въ кватироньку, — вже старого видко:
«Увивайся, жвавый хлопче, — коло курки швидко!»
10 Погляну я въ кватироньку, — старый вже близенько:
«Охъ, дежъ я тебе подѣю, — ты мое серденько?
11 «Сховаю тя, мôй миленькій, — пôдъ мягку перину,
Сама ляжу на постелѣ, — та й скажу, що гину.»
12 Прійшовъ старый, бородатый, — зъ калиной до хаты,
Якъ стояла, такъ упала, — почала стогнати.
13 «Ой йди, старый, бородатый, — купи мѣнѣ меду;
Бо щось мѣнѣ тяжко, нудно, — головки не зведу.»
14 Пôйшовъ старый, бородатый, — меду куповати;
Гей вывела молодого — до сѣней изъ хаты.
15 А я хлопець зуховатый, — въ свого батька вдався;
Низомъ, низомъ, по-пôдъ плотомъ — въ конопли зховався.
16 Шли дѣвчата молодыи — конопельки брати,
Не дали мнѣ молодому — и тамъ погибати.
17 Прійшовъ старый, бородатый, — та й руками треплє:
«Якій дѣдько тута бувъ? — ище мѣсце теплє!» —
18 «А ты, старый, бородатый, — не вчися брехати:
Коли якій дѣдько бувъ: — то буложъ пôймати.»

131.

1 Не жаль мѣнѣ на галоньку, — а жаль мѣнѣ на ворононьку:
Завѣвъ мене мôй миленькій, — на чужую сторононьку.
2 А на чужôй сторононьцѣ — зовуть мене заволокою;
Кажуть плысты черезъ рѣчку — быстренькую, глыбокую.

3 Чи мнѣ плысти, чи вже брести, — чи мнѣ въ неи утопитись?
Бѣдажъ мѣнѣ на чужинѣ: — нѣ до кого прихилитись.
4 Прихилюся до дубонька. — Мнѣ дубонько не батѣнко;
Вѣтеръ вѣе, гôлья мае; — а вôнъ стоить, не мовляе.
5 Усе горы, усе лѣсы, — нѣгде воды напитися.
Бѣда мѣнѣ безъ матӥнки: — нѣ до кого прихилитись.
6 Прихилюся до липоньки. — Мнѣ липонька не матинка;
Вѣтеръ вѣе, гôлья мае; — вона стоить, не мовляе.
7 Усе горы, усе лѣсы, — нѣгде воды напитися.
Бѣда мѣнѣ безъ братӥка; — нѣ до кого прихилитись.
8 Прихилюся до явора. — Мѣнѣ яворъ не братӥчокъ;
Вѣтеръ вѣе, гôлья мае: — стоить и не промовляе.
9 Усе горы, усе лѣсы, — нѣгде воды напитися.
Бѣда мѣнѣ безъ сестрицӣ: — нѣ до кого прихилитись.
10 Прихилюся до березоньки. — Березонька не сестронька;
Вѣтеръ вѣе, гôлья мае; — стоить и не промовляе.
11 Усе горы, усе лѣсы, — нѣгде воды напитися.
Бѣда мѣнѣ безъ родины, — нѣ до кого прихилитись.
12 Прихилюсь я до ялины. — Мнѣ ялина не родина;
Стоить и не промовляе. — Бѣдна душа пропадае!

132. Чары.

1 Приѣхали три Козаки, — та всѣ три однаки;
Пытаються Марусеньки — у которôй хатѣ?
2 Одинъ стоить пôдъ оконцемъ, — другїй коня вяже,
Третїй стоить пôдъ дверима: — Добривечоръ! каже.
3 Добривечоръ, стара̀ мати! — Дай воды напиться:
Пусти дочку на вулицю, — ой хочъ подивиться!
4 «Стоить вода у кубочку, — коли хочъ, напїйся,
«Сидить дочка край вôконьця, — коли хочъ, дивися.»
5 Непогожа въ ставу̂ вода, — пôйду до крыницӣ;
Незвычайна дочка твоя, — пôйду до вдовицӣ.
6 У вдовицӣ двѣ свѣтлицӣ, — а третя кôмната;
А въ дѣвчины одна хата, — та й та неприбрата.
7 У вдовицӣ двѣ свѣтлицӣ, — гарны вечерницӣ.
Стоять чары запразля́ны — въ горшку на полицѣ.

133. Тройзѐлье.

1 Гей ѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ въ концѣ перевозу.

2 Стали собѣ гадоньки гадати:
Дежъ будемо нôчку почовати?
3 Единъ каже: се быстрая рѣчка.
Другій каже: ѣдьмо, невеличка.
4 Третій каже: тута заночуймо,
И здоровья даремно не псуймо.
5 Чи не выйде Марусина мама;
Не такъ мама, якъ Маруся сама.
6 Та не вышлажъ Марусенька зъ хаты:
Ино вышла Марусина мати.
7 Не почуйте, козаки, на дворѣ,
Не забудьте Марусѣ въ коморѣ.
8 Марусенька въ недузѣ лежала,
Чорнымъ шовкомъ головку звязала,
9 А хто мёнѣ тройзёлья достане,
Той зо мною та до шлюбу стане!
10 Ажъ приступивъ Козаченько зъ боку,
И розваживъ Марусѣ мороку.
11 «Гей есть въ мене три коники въ станѣ,
«Я Марусѣ тройзёлья достанѣ.
12 «Единъ коникъ якъ воронъ чорненькій.
«Другій коникъ якъ голубь сивенькій.
13 «Третій коникъ якъ лебёдь бѣленькій.
«А всѣ трое якъ вѣтеръ скореньки.
14 «Тымъ воронымъ до моря доѣду,
«Тымъ сивенькимъ море переѣду,
15 «Тымъ бѣленькимъ тройзёлья достану,
«Зъ Марусею до шлюбу я стану!
16 Зачавъ Козакъ тройзёлья копати,
Стала надъ нимъ зозуля ковати.
17 Ой не копай, Козаче, тройзёлья;
Бо вже иде Маруся зъ весёлья.
18 Козакъ годѣ тройзёлья копати,
Вôнъ вернувся Марусю шукати.
19 Лѣвой ручкой старосту вітае,
А правою меча добувае!
20 Ой у полѣ могилка бринѣла,
Тамъ Марусѣ головка злетѣла.
21 Огь-тожъ тобѣ, Марусю, тройзёлья;
Не зачинай безъ мене весёлья!

(Поютъ въ Галиціи около Теребовли (Trembowla) въ Тарнопольскомъ округѣ).

134.

1 Зашумѣли густы лозы,
Козакові при дорозѣ.
2 Сюды блудить, туты блудить.
Пôдъ собою коня нудить.
3 Приблудився ажъ до гаю,
До широкого Лиману;
4 Ставъ коника наповати,
Ставъ плакати и рыдати;
5 Бо вже нікого пытати.
Стала зозуля ковати,
6 Зозуленько, моя ненько,
Закуй мѣнѣ жалôбненько.
7 Якъ у саду соловейко,
Соловейко малесенькій.
8 Скажи мѣнѣ сю дорогу,
Куды ѣхати до роду?
9 Ой до роду, до родины,
До вѣрненькои дружины?
10 Выкличъ мѣнѣ дѣвку зъ хаты,
Щось я маю ѣй сказати:
11 Чи не била ѣѣ мати?
Хочу ѣѣ рятовати.
12 Билажъ ѣѣ матусенька,
За Козака Андрусенька;
13 Щобъ зъ Козакомъ не стояла,
Ёму вѣры не доймала.
14 А въ Козака стôлькô вѣры,
Якъ на синѣмъ морѣ пѣны;
15 А въ дѣвчины стôлькô ласки,
Якъ на синѣмъ морѣ ряски.

135.

1 Ой тамъ въ борѣ два яворы, — третій зелененькій;
Не женися, мôй сыночку; — бо ще молоденькій.
2 «Ой якъ бы ты, мати, знала, — що коханье може;
Сама бы ты мнѣ сказала: — женися, небоже!»
3 Ой тамъ въ полѣ двѣ тополи, — третя зелененька;
Не йди за мужъ, моя доню; — бо ще молоденька.
4 «Ой якъ бы ты, мати, знала, — що я вже кохалась;
Самабъ ты мѣнѣ сказала: — щобъ вже я вѣнчалась!»
5 Стоить верба надъ водою, — хитае собою:
Молодая дѣвчинонько, — жаль мнѣ за тобою.
6 Стоить верба надъ водою, — а пôдъ нею яма:
Ой не тужи, мôй миленькій: — бо я тужу сама!

(Галицкая).

136.

1 При березѣ, при морѣ,
Гулявъ Козакъ доволі.
2 Ой пье Козакъ, гуляе,
На молодцôвъ гукае:
3 Ой вы, хлопцѣ, молодцѣ,
Накажите дѣвоньцѣ,
4 Нехай мене не любить,
Свого вѣку не губить.
5 Бо я хлопець убогій:
Сѣмсотъ волôвъ въ оборѣ.
6 Сотня коней на станѣ,
А самъ въ синѣмъ жупанѣ.
7 Яловнику безъ лѣку,
А дѣвчина въ лѣтнику.
8 Скоро дѣвка учула,
Та й до гаю махнула;

9 Накопала корѣнья
Съ пôдъ бѣлого камѣнья.
10 Сполоскала въ рѣченьцѣ,
Намочила въ горѣльцѣ.
11 Приставила до жару,
Кипить корень помалу.
12 Ище корень не вскипѣвъ,
А вже козакъ прилетѣвъ.
13 «Ой пощожъ ты прилетѣвъ,
Коли мене не схотѣвъ?»
14 Якъ же мѣнѣ не лѣтать,
Коли вмѣешъ чаровать?
15 «Ой, е въ мене чароньки:
Бѣле личко, брôвоньки!»

(Поютъ въ Волынской губерніи около Дубка).

137. Гомôнъ.

1 Гомôнъ, гомôнъ по дубровѣ. — Туманъ поле покрывае,
Мати сына проганяе: — Пôйди, сыну, геть одъ мéне,
Нехай тебе Турки вôзьмуть!
Мене, нéне, Турки знають. — Мене кôньми знадѣляють.
2 Гомôнъ, гомôнъ по дубровѣ. — Туманъ поле покрывае,
Мати сына проганяе: — Пйди, сыну, прôчъ вôдъ мене,
Нехай тебе Орда вôзьме!
Мене, нéне, Орда знае. — Срѣбломъ, злотомъ надѣляе!
3 Старша сестра коня веде̂, — А пôдстарша збрую несе,
А меньшая выпытуе: — Коли, брате, зъ вôйска прійдешъ?
4 Возьми, сестро пѣску жменю, — Посѣй ёго на каменю,
Ходи къ ему зôронькамн, — Поливай ёго слѣзоньками;
Коли, сестро, пѣсокъ зыйде —
Тогдй братъ твôй зъ вôйська прійде!
5 Гомôнъ, гомôнъ по дубровѣ. — Туманъ поле покрывае,
Мати сына призывае, — Мати сына призывае:
Вернись сынку до домоньку,
Змыю тобѣ головоньку!
6 Мене, нéне, змыють дощи,
А розчешуть густы терны,
А высушуть буйны вѣтры!....

Примѣчаніе. У. Максимовича и Павловскаго почти одинаково. Въ третьей строфѣ не достаетъ стиха.

138. Варіянтъ второй.

1 Гомôнъ, гомôнъ, гомôнъ, гомôнъ по дубровѣ.
Туманъ поле покрывае, — мати сына выганяе.
2 Иди сыну, иди сыну прôчъ одъ мене.
Нехай тебе орда вôзьме; — нехай тебе орда вôзьме!

³ Мене мати, мене мати, орда знае:
Въ чистôмъ полѣ объѣжжае, въ чистôмъ полѣ объѣжжае.
⁴ Иди сыну, иди сыну, прôчь одъ мене:
Нехай тебе Ляхи вôзьмуть! (2)
⁵ Мене мати, мене мати, Ляхи знають,
Пивомъ, медомъ наповають. (2)
⁶ Иди сыну, иди сыну, прôчь одъ мене,
Нехай тебе Турчинъ вôзьме! (2)
⁷ Мене мати, мене мати, Турчинъ знае,
Срiбломъ-злôтомъ надѣляе. (2)
⁸ Иди сыну, иди сыну, прôчь одъ мене,
Нехай тебе Москаль вôзьме! (2)
⁹ Пйду, мати! — Москаль мене добре знае,
Давно уже пôдмовляе, давно уже пôдмовляе.
¹⁰ У Москаля, у Москаля добре жити:
Будемъ Татаръ, Турковъ бити! Будемъ Татаръ, Турковъ бити!

Примѣчанiе. Изъ Оперы Наталка-Полтавка, Ив. П. Котляревскаго. Подобная сей выразительной пѣсни есть и между Русскими: «Отецъ на сына прогнѣвался».

139. Хата зъ лободы.

¹ Гей на ставку, на ставку,
Злапавъ орелъ ластôвку;
² Злапавъ ѐѐ за крыльце,
Повѣвъ ѐѐ на сельце.
³ Чи ты мене не знаешъ?
Що хатыну минаешъ!
⁴ Моя хата край воды,
Зъ высокои лободы.
⁵ Чорны очи, якъ теренъ,
Колижъ мы ся поберемъ?
⁶ «Маю въ Бозѣ надѣю,
Поберемось въ недѣлю.»
⁷ Дежъ ты мене поведешъ,
Такую маленьку?
⁸ Мене мати згодовала,
Якъ курку рябеньку!
⁹ Дежъ ты мене поведешъ,
Таку невеличку?
¹⁰ Мене мати згодовала,
Якъ перепеличку.
¹¹ Дежъ ты мене поведешъ,
Коли хаты не маешъ?
¹² «Поведу тя въ чужую;
Заколь свою збудую.»
¹³ Збудуй менѣ зъ лободы;
А въ чужую не веди;
¹⁴ Бо чужая не така,
И сусѣдка лиха!

(Извѣстна въ Малороссiи и Галицiи).

140. Варiянтъ второй.

¹ Ой, дѣвчино небого!
Люби мене голого;
² Бо я хаты не маю;
Женитися думаю.
³ «Ой гультяю, гультяю,
Та яжъ тебе спытаю:
⁴ На щожъ мене сватаешъ,
Коли хаты не маешъ?»

[5] Ходи́мъ, серце, въ чужую,
Поки свою збудую.
[6] Зроблю тобѣ хатину
Зъ рожового цвѣтину.
[7] «Збудуй хату зъ лободы,
Та въ чужую не веди;
[8] Чужа хата такая,
Якъ свекруха лихая.»

(Гадячъ).

141. Своя воля.

[1] Туманъ яромъ, туманъ яромъ, туманъ и горою,
Снѣжокъ выпавъ бѣлесенькій, та взявся водою.
[2] «Ой пій, мати, тую воду, що я наносила:
«Зови, мати, того зятемъ, що я полюбила!
[3] Не хочу я воды пити; стану проливати,
Нелюбого зятя маю; буду проклинати!
[4] Не по правдѣ, дитя мое, живе вôнъ зъ тобою;
Ты до ёго зъ щирымъ серцемъ, а вôнъ зъ неправдою.
[5] Буде тобѣ, моя доню, лихая година,
Що ты того Козаченька щиро полюбила.
[6] «Хочъ пій, мати, хочъ лій, мати; воды не розлити:
«Нелюбого зятя маешъ, тобѣ зъ нимъ не жити.
[7] «Хочъ бій, мати, хотъ лай, мати; то вже не научишъ,
«Нелюбого зятя маешъ, повѣкъ не розлучишъ!
[8] Донькожъ моя, коханочко, така твоя доля,
Полюбила Козаченька: була твоя воля.
[9] Живижъ, доню, въ свою волю, такъ якъ полюбила;
Не жалкуй на свою матку, що тебе згубила.
[10] «Ой не буду жалковати, моя рôдна мати;
Яку мênѣ Бôгъ давъ долю, буду горювати!

Примѣчаніе. Другіе эту пѣсню начинаютъ такъ:

Ой дѣвчина сѣни мела, та й заскѣлалася;
Выйшла мати воду брати, та й догадалася.
Ой пій, мати, и проч.

142.

[1] Пôдъ горою крыниченька, тамъ джерело все бье;
Тамъ молодый Козаченько зъ неи воду вôнъ пье.
[2] Чомъ ты мене, моя мати, рано не збудила,
Ой якъ тая компанія зъ села выходила?
[3] «Тѣмъ я тебе, моя доню, рано не збудила;
«Що твôй милый впередъ ишовъ; щобъ ты не тужила.»
[4] Ой ты кажешъ, моя мати, що я не журюся;
А якъ выйду на улоньку, одъ вѣтру валюся.

5 Ой ты кажешъ, моя мати, що я да не плачу:
За дрôбными слêзоньками я свêта не бачу.
6 Ой ты кажешъ, моя мати, що я нехороша;
А я, мати, такъ хороша, якъ повная рожа.
7 Ой ты кажешъ, моя мати, що я невродлива:
А я, мати, такъ вродлива, якъ въ лузê калина.
8 Купи мати, купи мати, за копêйку голку,
За чотырê золотыи червоного шовку.
9 А вже тая въ свêтê слава давно зъ того стала,
Що дêвчина Козаковй вышила рукава.

143. Гайдамаки.

1 Горежъ мêнê, горе, — нещаслива доля!
Выорала вдовонька — мысленьками поле.
2 А чорными оченьками — та заволочила,
А дрôбными слêзоньками — все поле змочила.
3 Наêхали Козаки, — та й стали пытати:
Марусенько, паней, — чи твôй панъ у хатê?
4 Колижъ нема дома, — выйди до насъ сама.
Вона не пôзнала; — въ черевыкахъ выйшла.
5 Есте вы Козаки, — есте Гайдамаки!
Ой по чôмъ ты знаешъ, — що мы Гайдамаки?
6 «Я вже догадалась,» — Маруся сказала:
«Що я свого пана — коника пôзнала.»
7 Марусенько паней, — правду тобê мовимъ:
Що мы Гайдамаки, — добре дêло робимъ.
8 Мы у твого пана — коника купили,
Въ зеленôй дубровê — гроши получили,
9 Въ холоднôй крыницê — могоричъ запили,
Пôдъ гнилу колоду — пана пôдкотили.

144.

1 На бережку у ставка,
На дощечцê у млинка,
2 Хвартухъ прала дêвчина,
Полоскалась рыбчина.
3 Та й упала, въ ставъ небога,
Гей, не мае туть никого?
4 Ой нêкому пôдбêгти,
Щобъ дêвчину вытягти.
5 Кричить пробй ёё мати,
Щобъ дêвчину ратовати.
6 Каже: що за працю тую,
И дêвчину подарую.
7 Гей, дêвчина уродлива,
Румяная, чорнобрива:
8 Оченьки, якъ ясоньки,
Губоньки, якъ рожоньки,

9 Рученьки мякесеньки,
Ноженьки малесеньки,
10 Гарная, якъ кве̂точка,
Любая, якъ рыбочка.
11 Та й уме̂е танцёвати,
Зъ Козаками жартовати.
12 А Козакъ тутъ изгодився,
Заразъ въ ставокъ опустився:
13 Знайшовъ швидко во̂нъ де̂вчину,
Та и вытягъ, якъ рыбчину.
14 Гей, Козаче уродливый,
Молоденькій, та жартливый:
15 Усоньки чорнявыи,
Зубоньки перловыи,
16 Чубчикъ тво̂й круглесенькій,
Та й жупанъ тонесенькій,
17 Червоная шапочка,
Тая огулярочка.
18 Сапьяновы чобо̂тці,
Та й шабелька при боце̂.
19 Стережися, де̂вчино,
Моя люба рыбчино;
20 Одна къ млину не ходи,
Та й въ ставочокъ не впади.
21 Ой я дуже працёвавъ,
Якъ я тебе вытягавъ.
22 Для гарного твого стану;
Чи якъ тебе не достану?
23 Якъ въ вечоръ буду близенько,
Выйди до мене, серденько.
24 «Колижъ доля то моя,
Нехай буду я твоя!»

(Равно известна въ Галиціи, какъ и въ Малороссіи; въ Русскихъ пе̂сенникахъ весьма испорчена въ отношеніи языка.

145.

1 Ой де̂вчино, де̂вчинонько, — такъ ме̂не̂ миленька,
Якъ у ле̂се̂, при ставочку – верба зелененька.
2 Ой хлопчино, хлопчинонько — такъ ме̂не̂ миленькій,
Якъ у ле̂се̂, при дорозе̂ — яворъ зелененькій.
3 Туды лозы хилилися, — куды имъ похило:
Туды очи дивилися, — куды серцю мило.
4 Ой не видко того села, — то̂лько̂ видко хресты;
Туды ме̂не̂ любо, мило — очами повести.
5 Ой невидко того села, — то̂лько̂ видко пе̂ньки,
Туды ме̂не̂ дороженька — до моей миленько̂й.
6 Ой не видко того села, — то̂лько̂ видко грушу;
Туды въ мене помыкае — рано й вечеръ душу.
7 Коло млина яворина, — коло млина кладка;
Я зъ немилымъ говорила, — а за милымъ гадка.
8 Якъ бы була така красна, якъ зоря та ясна;
Све̂тилабъ я знаю кому, — ни̂колибъ не згасла.

(Галицкая).

146. Де̂дько.

1 Е̂хавъ де̂дько зъ Коломыи, — та загубивъ лучню;
Оглянувся позадъ себе, — та й трохи не луснувъ.

² Скоро поспѣшавъ до Гвоздя, — та й пôшовъ до школы;
Ажъ тамъ повно старыхъ Жидôвъ, — Мошко розклавъ полы.
³ Мошко глянувъ дѣдьку въ очи, — крикнувъ зъ страху: Мельхимесъ!
Стуливъ бороду въ долонѣ, — та й зогнувся въ дугу весь.
⁴ А Мельхимесъ приближився, — хапъ Мошка за пейсы;
Штурхнувъ рогомъ однимъ, другимъ; — ходимъ, Жидъ, до Лейсы!
⁵ Бачуть Жиды, що не жарты, — побѣгли изъ школы;
А Мельхимесъ Мошка догнавъ, — бере ёго въ полы.
⁶ Жида чортъ пôднявъ до себе, — и зачавъ тулити;
Поки ёго не вдушивъ; — не ставъ го любити.

Примѣчаніе. Коломыя обводовый-(уѣздный) городъ, а Гвоздь (Gwozdiec) мѣстечко Коломыйскаго уѣзда въ Галиціи.

147.

¹ Да йде чумакъ, да дорогою, — медъ-вино кружае,
Да оглянеться, да чумакъ назадъ, — ажъ волôвъ немае!
² Да бѣжи, хлопку, да бѣжи малый, — давай панамъ знати:
Да нехай паны, да нехай вони — шлють волôвъ шукати.
³ Ой у Кіевѣ, да на рыночку — у всѣ дзвоны дзвонять,
Да оглянеться, да чумакъ назадъ, — ажъ воликôвъ гонять.
⁴ Да оглянеться, да чумакъ назадъ, — ажъ воликôвъ женуть,
А за волами, да за возами — бусурмена ведуть.
⁵ Да ведуть, ведуть, да бусурмена — на круту могилу;
Да дивись, дивись, да бусурмене — на свою країну.
⁶ Да теперъ мѣнѣ, да милы братья, — країна не мила;
Що розсердився батько й мати — и вѣрна дружина.

148.

¹ Ой у полѣ крыниченька, — видно дно;
Чомусь мого миленького невидно.
² Ой стояла край крыницѣ цѣлый день,
Не бачила миленького и зъ тыждень.
³ А я тую крыниченьку загачу:
Чи я мого миленького забачу.
⁴ Ой дежъ бо ся мôй миленькій забавивъ?
Що вôнъ мене вечероньки позбавивъ.

Примѣчаніе. Поють въ Галиціи. — Одинаковаго размѣра: Та пила все Лемериха на меду. № 52. Ой плавала сѣра утка по водѣ. № 91; Добрывечоръ, дѣвчино, куды йдешъ? № 180.

149.

1 Ой израда, кары очѝ, зрада!
Чому въ тебе не вся щира правда?
2 Казавъ еси, що любити буду;
А вже бачу, що не твоя буду!
3 Ой ты, милый, думаешъ, гадаешъ:
Мабуть менѐ покинути маешъ!
4 Покинь, милый, коня ворогого,
Споминати тебе молодого.
5 Покинь, милый, свій жупоночокъ,
Споминати, якій твôй станочокъ!
6 «На що, мила, жупанъ покидати?
«Будешъ мене и такъ споминати.
7 Зроби, милый, золотыи пута,
Щобъ я коня наповала тута.
8 Зроби, милый, золотѝ удила,
Щобъ я ёго до воды водила! —
9 «На що, мила, золото збавляти?
«Буду коня и самъ納повати!

150.

1 Та оравъ мужикъ при дорозѣ;
Гей, гей, при дорозѣ.
Въ ёгожъ волы крутороги;
Гей, гей, крутороги.
2 Торбажъ лежить мѣжъ дровами;
Гей, гей, межъ дровами.
Зъ пшеничными пирогами,
И проч.
3 Ой тамъ дѣвки грибки брали,
Да тужъ торбу вони вкрали,
4 Пôдъ кустикомъ заховали,
Та листочкомъ прикрывали.
5 Отъ сежъ дѣвка, та Ненила
Одна въ лѣсу заблудила.
6 Ёй мати спытовала:
Дежъ ты, доню, ночовала?
7 Ночовала зъ комарами,
Пôдъ чорными соболями.
8 Ой тамъ було спать тепленько,
Та болить мое серденько.

151. Дума Бондарôвна.

1 Ой у мѣстѣ Немировѣ — дѣвокъ танокъ ходить;
Молодая Бандарôвна — всѣхъ передомъ водить.
2 Ой приѣхавъ Панъ Каневскій — зъ великого двору;
Вôнъ злѣзъ зъ коня, та й до корчмы, — не дбае говору.
3 Ой сказавъ вôнъ: Добры-день, — вôйшовши до хаты;
Та и взявъ вôнъ Бондарôвну къ собѣ пригортати.
4 Не дивився Панъ Каневскій — нѝ на яки люди,
Поцѣловавъ Бондарôвну — у самыи губы.

5 А молода ся дѣвчина — ще жартôвъ не знала,
Замахнула рученькою, — та й по лицю втяла,
6 Говорили стари люди, — говорили стиха:
Втêкай, втêкай, Бондарôвно, — буде тобѣ лихо! —
7 Утêкала Бондарôвна, — та по мêжъ дворами,
А за нею та гайдуки — зъ голыми шаблями.
8 Ой пôймали Бондарôвну — за бѣлую руку,
Ой повели Бондарôвну — на велику муку.
9 Посадили Бондарôвну — на тêсовôмъ стóлѣ;
Казавъ дати Бондарôвнѣ — и хлѣба и солй.
10 Чи ты хочешъ, Бондарôвно, — меду, вина пити?
Або хочешъ, Бондарôвно, — въ сырôй землѣ гнити!?
11 Не хочу я, Панъ Канêвскій, — меду, вина пити;
Луччежъ мêнѣ бездольнои — въ сырôй земли гнити!
12 Якъ ударивъ Панъ Канêвскій — изъ тугого лука,
Учинилась Бондарôвна — нѣмая и глуха.
13 Ой лежала Бондарôвна — зъ вечора до ранку,
Поки сказавъ Панъ Канêвскій: — выкопали ямку.
14 Ой сказавъ же Панъ Канêвскій: — музыки позвали;
Молодой Бондарôвнѣ — до гробу заграли.
15 У нашои Банрôвны — смолянныи лавки:
Тамъ ѣдали, тамъ пивали — препышныи панки;
16 Ой у тои Бондарôвны — въ долинѣ мережка:
Куды несли Бондарôвну, — кровавая стежка!

Примѣчаніе. Эта превосходная дума равно извѣстна въ Галиціи, какъ и въ Малороссіи. Въ сборникѣ Вацлава Олеськаго прибавлены слѣдующія двѣ строфы.

17 А вдарився старый Бондарь — по полахъ руками;
Бѣдна моя головонька — зъ моими доньками.
18 А вдарився старый Бондарь — по полахъ рукою:
Заплатила за всѣ жарты — доня головою.

Стихи эти напоминаютъ подобный варіантъ въ Думѣ: Козакъ Савва Чалый. № 5, и обличаютъ недавнее происхожденіе.

Извѣстно, что западная Малороссія, то есть, находящаяся по правую сторону Днѣпра, до 1793 года зависѣла отъ Польши. Въ Историческомъ обозрѣніи городовъ Кіевской губерніи, при описаніи Канева, упомянуто слѣдующее обстоятельство, что городомъ этимъ съ окрестностями въ прошедшемъ вѣкѣ владѣлъ одинъ изъ Потоцкихъ, замѣтный своею разгульною жизнію и называвшійся Паномъ Канêвскимъ. (Кіевскія губернск. вѣдомости. 1846 г. № 2). — Слѣдовательно дума эта сочинена не раньше половины XVIII го

столѣтія. Другая дума: «Игнатко-Братко: Та йшовъ Гнатко, та йшовъ братко, тихесенькимъ шляхомъ. № 100, кажется гораздо старѣе. Бывшее нѣкогда отношеніе Украинцевъ къ Польскимъ панамъ разсмотрѣно здѣсь въ особомъ прибавленіи.

152.

1 Переходомъ въ чистôмъ полѣ — зацвѣли волошки:
Полюбивъ тебе дѣвчино, — що румяна трошки.
2 «Перестань же ты до мене, — Козаче, ходити:
«Перестань же молодую — зъ розуму зводити!»
3 Якъ я маю перестати, — коли люблю тебе;
Пусти мене, мое серце, — та пусти до себе.
4 Буду ходить, дѣвчинонько, — поки не достану
Твого лица румяного, — хорошого стану.
5 «Ой якъ мêнѣ пустить тебе? — Мати ключи мае,
«Сама двери дубовыи — замкомъ замыкае.»
6 Вкрала ключи дѣвчинонька, — мати й не почула;
Вонажъ свого миленького — до себе кликнула.

153. Дума о походѣ Хмѣльницкого въ Молдавію.

1 Зъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ — вѣе, повѣвае;
Отъ же вôйско козацкее — въ походъ выступае.
2 Тôлькô Бôгъ Святый знае,
Що Хмѣльницкій думае, гадае!
3 Объ тôмъ не знали нй Сотники,
Нй Атаманы Курѣнныи, нй Полковники:
4 Тôлькô Бôгъ Святый знае,
Що Хмѣльницкій думае, гадае!...
5 Якъ до Днѣстра прибували,
Черезъ три перевозы переправу мали;
6 Самъ Хмѣльницкій напередъ всѣхъ рушâвъ.
До Хотін прибувавъ.
7 У старшого Копитана на кватирѣ ставъ.
До Василя Молдавського листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
8 Що ты зо мною будешъ гадати: —
Чи будешъ биться; чи будешъ мириться?
9 Чи на примирье будешъ пріймати;
Чи славнои Волощины половину отдавати? —
10 Якъ Василій Молдавській тее зачувавъ,
До Потоцького листы посылавъ, словами промовлявъ:

11 Гетмане Потоцькій,
Що въ тебе розумъ жôноцькій!
12 Ты за дорогими напитками, бенкетами уганяешъ....
Чомъ ты Хмѣльницкого не еднаешъ?
13 Вже почавъ вôнъ землю кôньскими копытами орати,
Кровью Молдавськoю поливати.
14 Тогдй Ляхи зъ города зъ Сучавы утѣкали,
Василю Молдавському знати давали.
15 То Василій Молдавській до Ясь прибувае,
Словами промовляе:
16 Ой вы, Ясы мои, Ясы!
Були есте барзо красы —
17 Та не будете таки,
Якъ вже прійдуть Козаки!....
18 То панъ Хмѣльницкій добре учинивъ: Польщу засмутивъ,
Волощину побѣдивъ, Гетьманщину звеселивъ!
19 Въ тôй часъ була честь и слава!
Вôйсковая справа —
20 Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пôдъ ноги топтала.

Примѣчаніе. Очевидно, что дума эта есть произведеніе нашихъ Украинскихъ рапсодовъ, то есть, Слѣпцовъ-Бандуристовъ, сложенная безъискуственно, по отрывочнымъ народнымъ преданіямъ, и распѣваемая Бандуристами въ память славнаго Хмельницкаго. Дума эта относится къ происшествію въ 1650 году съ Молдавскимъ Господаремъ Василіемъ Лупулою, у котораго Малороссійскій Гетманъ требовалъ руку его дочери, Розанды, для своего сына, Тимофея, пожертвовавшаго въ послѣдствіи жизнію, защищая семейство своего тестя. Сравн. Б. Каменскаго, изд. 3. Т. I. стр. 244, 280, 290. *Хотін* — Хотинъ, *Волощина* — Валахія.

154. Прудіусъ.

1 Ой поѣхавъ мôй миленькій до млина, до млина:
А я собѣ Прудіуса привела, привела.
Цуръ тобѣ, Прудіусе,
Пекъ тобѣ, Прудіусе,
Сама собѣ дивуюся,
Зъ Прудіусомъ цѣлуюся!
2 Якъ же мене Прудіуса не любить, не любить?
Обѣщавъ мнѣ черевички та купить, та купить.
Цуръ тобѣ, Прудіусе. . . .

5 Ой приѣхавъ мôй миленькій та въ ночи, та въ ночи:
Заставъ мене зъ Прудіусомъ на печѣ, на печѣ!
Цуръ тобѣ, Прудіусе. . . .

(Малороссійская и Галицкая).

155.

1 Летѣвъ орелъ по-надъ моремъ, — по высокôй высокостй;
Плаче Козакъ, та журиться — по своêи молодости.
2 Лѣтажъ мои молодыи — де ся вы подѣли?
Чи вы въ луги, чи въ байраки — геть то полетѣли?
3 Не тѣштеся, вороженьки, — моей невзгодоньцѣ,
Пошли лѣта марне зъ свѣта, — якъ листъ по водоньцѣ.
4 Половина лѣтъ минае, — я щастья не маю;
Также то минѣ Бôгъ назначивъ; — щожъ чинити маю?
5 Нй я ѣсти, нй я пити, — нѣ съ кѣмъ говорити:
Иде думка за думкою, — якъ на свѣтѣ жити?
6 Козацькая здобыченька — марне пропадае:
Тыждень Козакъ заробляе, — за день пропивае.
7 Хожу блужу, хожу нужу, — вѣкъ свôй проклинаю;
Що милого, пріязнаго — досѣ я не маю.
8 Летѣвъ орелъ по-надъ моремъ, — та й ставъ голосити:
Ой якъ тяжко убогому — багату любити.
9 Летѣвъ орелъ по надъ моремъ — и впавъ на долину.
Немашъ, немашъ нйцъ мильшого — надъ мою дѣвчину!
10 Не тамъ щастье, не тамъ доля, — де багати люде;
Хто ся злучить по любови, — тому гораздъ буде.
11 Е у мене миленькая, — вся мй въ ней родина;
Якъ бы прибула до мене, — щаслива година!
12 Е у мене братъ и сестра, — е у мене мати;
За що же я, нещасливый, — маю пропадати?
13 Иду въ степу, всюды видно, — милои не бачу;
Якъ згадаю слова ѐѐ, — ревненько заплачу!
14 О Боже мôй милостивый, — яка твоя сила!
Чи е въ свѣтѣ така друга, — якъ ты мѐнѣ мила?
15 Полюбивъ я дѣвчиноньку — высокого стану,
Трудножъ мѐнѣ ѐѐ взяти, — не мавши достатку.
16 Ростулайся сйне море — въ своей широкостй;
Нехай же я житье зкончу — въ твоêй глыбокостй!

(Галицкая).

156.

1 Ой ишла не берегомъ, — лýгомъ;
Зустрѣлася не зъ суженымъ другомъ.
Здоровъ, здоровъ, темный луже,
Несуженый, вѣрный друже,
Несужена дружино моя!
2 Не сама я по садоньку хóжу,
Миленького за рученьку вóжу;
Всѣ ягодки обôрвáла,
Миленького годовала,
Я казала, що мôй буде!
3 Черезъ гору орелъ воду нóсить;
Дѣвчиночька Козаченька просить:
Козаченьку, мôй собóлю,
Вôзьми мене и зъ собою,
Помандрую я зъ тобою!
4 Дѣвчи́нонько, сухóтонько мóя,
Кажуть люди: не будешъ ты мóя,
Кажуть люди, и самъ бачу;
Я по тобѣ тяжко плачу,
По тобѣ, дружино моя!
5 Куды ѣдешъ, зовсѣмъ одъѣжжаешъ?
На що мене, милый, покидаешъ?
Жалю серцю завдаваешъ,
И твоёму и моёму
Несужена дружино моя!

Примѣчаніе. Силлабическая эта пѣсня отличается отъ прочихъ своимъ размѣромъ, о которомъ обстоятельнѣе будетъ упомянуто въ Грамматикѣ.

157.

1 Цыгáночка та Волóшечка — шатéръ булова́ла;
Дѣвчинонька до Цыганочки — дорожку топтала.
2 Цыганочко та Волошечко, — вволи мою волю!
Ой зроби такъ Козаченьку, — щобъ ходивъ за мною!
3 Цыганочка та Волошечка — воленьку вволила;
Одрѣзала русу косу, — та й перепалила.
4 Цыганочка та Волошечка — воленьку вволила:
Изпаливши русу косу — Козака поила.
5 Чого вода да така руда, — чи хвиленька збила?
Чого дѣвка да така смутна, — чи мати побила?

6 Ой хочъ била, хочъ не била, — а ще буде бити.
Прійди, прійди, вражій сыну, — хоть оборонити!
7 Ой ты луже, не шуми дуже, — зеленый барайче:
Не зводь зъ ума дѣвчиноньки — молодый Козаче.
8 Буду шумѣть, буду густи, — закôль розôвьюся;
Буду дѣвку зъ ума зводить, — закôль оженюся!

158. Грицъ.

1 Не ходи, Грицю, — на вечорницѣ;
На вечерницяхъ — дѣвки чарôвницѣ. 2.
2 Одна дѣвчина — чорнобривая,
Та чарôвниця — справедливая. 2.
3 Хочъ и казала, — що чарôвъ не знала,
Та вонажъ Грицяня — причаровала. 2.
4 Въ недѣлю рано — зѣлье копала;
А въ понедѣлокъ — пополоскала. 2.
5 Прійшовъ вôвторокъ — зѣлье зварила,
Въ середу рано — Грицяня отруила. 2.
6 Прійшовъ четверъ, — Гриценько вмеръ,
Прійшла пьятниця, — поховали Гриця. 2.
7 Въ суботу рано — мати дочку била:
На що ты, суко, — Гриця отруила? 2.
8 Ой, жаль уваги, — мати, не мае;
Нехай же Гриценько — двохъ не кохае. 2.
9 Нехай не буде — ни тôй, ни мѣнѣ;
Нехай лежить вôнъ — въ сырôй земли! 2.
10 Отъ, тобѣ, Грицю — я наробила.
Що черезъ тебе — мене мати била. 2.
11 Отъ, тобѣ, Грицю, — така заплата,
Зъ чотырохъ дощокъ — темная хата! 2.

Примѣчаніе. Гораздо пространнѣйшій варіантъ сей пѣсни поютъ и въ Галиціи; варіантъ этотъ помѣщенъ въ сборникѣ Олеськаго (Wacław z Oleska). Впрочемъ изъ сравненія видно, что первоначальный текстъ сочиненъ въ Малороссіи; онъ проще, естественнѣе и гораздо лучше. Перешедши къ Карпато-Россамъ, пѣсня эта подверглась новой редакціи; изъ дополненій явствуетъ, что не народъ, но Галицкіе грамотѣи, желая украсить, растянули ее; но этимъ она ничего не выиграла, напротивъ стоитъ гораздо ниже своего первообраза. Такъ было нѣкогда и съ нашими Лѣтописями; потому что дѣло заключается не въ многословіи.

159. Журба.

1 Пресучая та жарба мене изсушила,
Вона мене молодого изъ нôгъ извалила.
2 А вже я отъ сей журбѣ да й не пôддаюся;
Ой пôйду я до шинкарки, горѣлки напьюся.
3 Ой хто хоче меду пити, ходимъ до Жидôвки;
А въ Жидôвки чорны брôвки, высоки пôдкôвки.
4 И юпочка рябенька, сама молоденька,
Да якаяжъ хорошая, яка чепурненька!
5 Шинкарочко ты моя, насыпъ меду и вина,
Да щобъ моя головонька веселенькая була!
6 «Ой колижъ ты жонатый, то иди до дому;
А якъ нежонатый, то ночуй зо мною.»
7 Да вже въ мене жôнка е, и дѣточокъ двое;
Да не пригортаються, серденько мое.

Примѣчаніе. Пѣсня эта съ различными передѣлками и нынѣ любима въ народѣ. Сочиненіе оной Г. Максимовичъ приписываетъ Карпу Полтора-Кожуха, который былъ Гетманомъ послѣ Остряницы съ 1639 г. Этотъ щирый Запорожецъ, послѣ неудавшихся предпріятій противъ Поляковъ, производилъ нападенія на Крымскихъ Татаръ; во время этихъ походовъ кончилъ онъ разгульную жизнь свою въ степяхъ и похороненъ, за неимѣніемъ гроба, въ горѣлочной бочкѣ. (Конискій). Предлагаемъ здѣсь одинъ изъ варіантовъ предъидущей пѣсни:

1 Журба мене сушить, журба мене валить;
Да вже вона, пресучая, скоро изъ нôгъ звалить.
2 А вжежъ той журбѣ я не пôддаюся,
Пôйду до шинкарки, горѣлки напьюся.
3 Чомусь мêнѣ, брате, горѣлка не пьеться,
Журба коло серця, якъ гадина вьется.
4 Були въ мене луги, стали жито жати,
А теперъ вже нêкому порадоньки дати!
5 Були въ мене луги, высокіи вôльхи,
А теперъ я порадоньки не маю нѝ звôдкôль!
6 Були въ мене луги, були и копыцѝ —
А теперъ вже нêкому подать и водицѝ!

160.

1 Свѣти, зоре, на все поле, — закôль мѣсяць зôйде,
Закôль миленькій до мене — вечеряти прійде.

[2] Ой чи прійде, чи не прійде — на вечерю тую;
А я ёму ранесенько — снѣдати зготую.
[3] Цвѣли лозы при дорозѣ — синесенькимъ цвѣтомъ,
Ишовъ Козакъ изъ улицй — бѣлесенькимъ свѣтомъ.
[4] Не жаль тому Козаченьку — посињдати дати,
Що вôнъ иде изъ улицй — якъ стане свѣтати.

161.

[1] Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ войско оддала.
[2] Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середуща хустку качала,
[3] А наймолодша выпроважала,
А мати ёго выпытовала:
[4] Сыну мôй, коли приѣдешъ до насъ?
— Тогдй я, нене, приѣду до васъ,
[5] Якъ павине пѐрье на спôдъ потоне,
А млиновый камѐнь на верхъ выплыне!
[6] Вжежъ млиновый камѐнь на верхъ выплынувъ,
Вже й павине пѐрье на спôдъ потонуло;
[7] А ще мого сына зъ гостины невидно!
[8] Выйшла на гору: ой всѣ полки йдуть,
Та мого сына коника ведуть.
[9] Пыталася вона всеи Старшины:
Чи не бачили сына сокола? —
[10] Чи не той твôй сынъ, що сѐмъ полкôвъ вбивъ?
За вôсьмимъ полкомъ головку зхиливъ!
[11] Зозуля лѐтала надъ нимъ куючи,
А коники ржали ёго везучи,
[12] Колесы скрыпѣли пôдъ нимъ котючись,
Служеньки плакали за нимъ вдучи!

Примљчаніе. Въ седьмомъ куплетѣ недостаетъ строки Слово *гостина*, употребляемое въ Галиціи съ Польскаго gościna, означаетъ пребываніе у кого, какъ гость, и въ Русск. *гостить*. У Максимовича вмѣсто *зъ гостины* стоитъ *зъ гостина*, какъ будьто именительный *гостинъ* (!); въ другомъ же мѣстѣ (Сборн. Укр. пѣс.) *въ гостину*; едва ли правильно?

162.

[1] Сидить соколъ на тополѣ,
Спѣва пѣсню по неволѣ.

[2] Ой орлоньку, соколоньку,
—Не журь мою головоньку.

3 Бо я сама зжурилася,
Що одъ роду одбилася.
4 Ой одъ роду, одъ родины,
Одъ вѣрненькои дружины.
5 Чини, Боже, мою волю,
Зоставъ мене та вдовою.
6 Нехай, нехай погуляю,
Якъ та рыба по Дунаю.
7 Якъ та рыба зъ окуньцями,
Я молода зъ молодцями.
8 Якъ та рыба зъ плотицями,
Я молода зъ молодьцями.
9 Ой пôдъ лѣсомъ дубиною
Косивъ ячмêнь сокирою;
10 А вдовиця громадила,
Козаченька принадила.
11 Ой Козаче чорноусый,
Чому въ тебе жупанъ куцый?
12 Мене дѣвки пôдпоили,
Жупанъ мêнѣ пôдкроили.
(Галицкая и Малороссійская).

163.

1 Ой у лузѣ да калина — весь лугъ изкрасила,
Породила стара мати — жовнѣронька сына:
2 Породилажъ вона ёго — темненькôи ночи,
Дала ёму бѣле личко — и карыи очи.
3 Буложъ мêнѣ бѣленького — личка не давати:
Було мêнѣ, моя мати, — щастье й долю дати!
4 Плаче жовнѣръ, плаче вôнъ — карыми очима:
Вечеронька на столѣ, — а смерть за плечима.
5 Ой не дай же, не дай Боже — въ походѣ умерти:
Тамъ нѣкому доглянути — жовнѣрськои смерти,
6 Воронъ прилѣтае, — въ вôчи заглядае,
Охъ, объѣвъ вôнъ бѣле тѣло, — кости покидае.

164.

1 Ой у хатѣ, у кôмнатѣ — сидить стара мати;
Порадь мêнѣ, моя мати, — якъ нелюба звати?
2 Ой сядь, доню моя люба, — за своимъ столочкомъ,
Та й назови ты нелюба — яснымъ сокôлочкомъ.
3 Луччежъ мêнѣ, моя мати, — гôрькій полынь ѣсти,
А нêжъ мêнѣ та зъ нелюбомъ — за тымъ столомъ сѣсти.
4 Луччежъ мêнѣ, моя мати, — гору роскопати,
А нêжъ мêнѣ нелюбого — соколикомъ звати.
5 Круту гору роскопаю, — сяду, одпочину,
А якъ пôйду за нелюба, — то й на вѣкъ загину!

165.

1 Тече рѣчка невеличка, — поставлю я ятêръ:
А хто мене не полюбить, — трясця ёго матêръ!

² Тече рѣчка невеличка, — зхочу перескочу;
Олдай мене, моя мати, — за кого я хочу!
³ Ой у полѣ цвѣте нивка, — на нѣй материнка;
Тамъ дѣвчина жито жала, — сама чорнобривка.
⁴ Ишовъ Козакъ дорогою: — помогай Богъ, женче!
Вона ему одвѣчала: здоровъ бувай, серце!
⁵ Та вжежъ таки тая слава — по всѣмъ свѣту стала,
Що дѣвчина Козаченька — серденькомъ назвала!

Примѣчаніе. Галицкій варіянтъ:

⁴ Ѣхавъ Козакъ дорогою: — помогай Богъ, женьце!
Вона ёму вôдповѣла: — Бодай здоровъ, серце!
⁵ Але тая довго слава — по всемъ свѣтѣ пала,
Же дѣвчина Козаченька — серденькомъ назвала!

166.

¹ Якъ звелѣла мѣнѣ мати,
Та ячмѣню вже нажати.
Ой жни, ой жни, моя донечко,
Ой жни, ой жни, мое серденько!
² Я ячменю не нажала:
На межѣ усе лежала.
Лежи, лежи, и проч.
³ Якъ снопочокъ я нажала,
Все къ серденьку прижимала.
Прижми, прижми, и пр.
⁴ Ой ячмѣнное зерночко
Пололо мнѣ сердечко.
Терпи, терпи, и пр.
⁵ Довго, довго я терпѣла;
Але затѣмъ и зомлѣла.
Ой млѣй, ой млѣй, и пр.
⁶ Та щобъ серце залѣчити,
Треба Козака любити.
Люби, люби, и пр.
⁷ Ой чи можно, моя мати,
Та зъ Козакомъ погуляти?
Гуляй, гуляй, моя донечко,
Та не вѣрь, не вѣрь, мое серденько!

167. Кармель.

¹ Ка́рмелю, серце! по́ свѣту ходишъ,
Не едну дѣвчину зъ розуму зводишъ.
² Ганнусю, серце! щожъ ты мнѣ дала,
Що мене до себе причаровала?
³ А въ мене чары, чары готови:
Бѣлее личенько, чорныи брови.
⁴ А въ мене хата снопками вшита;
Кармелю, прійди, хочъ буду бита.
⁵ Хочъ буду бита, да знать за кого;
Пристало серденько мое до твого!

(Галицкая, но извѣстна и въ Кіевск. г.).

168. Удова.

1 Ой нікому жить не гôрько, такъ якъ вдовѣ бѣднôй,
Лежить нивка не орана, ѐй плугъ негôдный.
2 Ой наймужъ я ведмедика за плугомъ ходити,
А вовчика сѣренького волы погонити,
3 Та зайчика маленького передни водити,
Сама пôйду до господы обѣдать варити.
4 Розсердивсяжъ ведмедичокъ, вôнъ плугъ поламавши,
А вовчичокъ сѣресенькій волы розôгнавши,
5 А зайчичокъ малесенькій зовсѣмъ излякався,
Въ темны луги, въ густы кущи, пôдъ кôчуръ зховався.
6 Иде, иде бѣдна вдова, вона озирае;
Лежить ведмѐдь надъ горою, нù на що не дбае.
7 Взяла вдова та ключечку, отъ и выорала,
Взяла вона пшениченьки, отъ и посѣяла,
8 Взяла вона та грабельки, и заволочила,
А дрôбными слѐзоньками та и примочила.

(Въ Полтавск. г.).

169. Козакъ Нечай.

1 Крикнувъ Козакъ, крикнувъ Нечай одъ гаю до гаю;
Ой крикнули Козаченьки: Втѐкаймо, Нечаю!
2 Козакъ Нечай молодъ бувавъ — на те не вважае,
И зъ панѐю Хмѐльницкою медъ-вино кружае.
3 Не вспѣвъ Козакъ, не вспѣвъ Нечай конець стола сѣсти;
Подивиться въ кватирочку, ажъ Ляшеньки въ мѣстѣ.
4 Не вспѣвъ Козакъ, не вспѣвъ Нечай на коника пасти.
Якъ взявъ Ляшкôвъ, якъ ставъ панкôвъ, якъ снопики класти.
5 Не вспѣвъ Козакъ, не вспѣвъ Нечай на коника сѣсти,
Якъ взявъ Ляшкôвъ, якъ ставъ панкôвъ, якъ капусту сѣкти.
6 Обернувся Козакъ Нечай одъ брамы до брамы,
Выклавъ Ляшкôвъ, выклавъ панкôвъ у чотыри лавы.
7 Оглянувся Козакъ Нечай на правую руку,
Не выскочить кôнь Козацькій изъ Ляцкого трупу.
8 Оглянувся Козакъ Нечай на лѣвее плече;
За нимъ рѣчка кровавая, що й конемъ не втече.

Примѣчаніе. Нѣсколько варіантовъ этой пѣсни извѣстны въ Малороссіи и Галиціи. (См. Украинск. народн. пѣсни. стр. 97). — Даніилъ Нечай, Брацлавскій Полковникъ, былъ женатъ на дочери Хмельницкаго. Въ 1651 году произвелъ онъ опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ.

170.

[1] Усѣ куры на сѣдалѣ, пѣвень на сторожѣ;
Всѣ хлопьята на улицѣ, мôй милый въ дорозѣ.
[2] Плыве човенъ воды повенъ, а за нимъ весельце;
Люби мене, мой миленькій, якъ я тебе, серце.
[3] На долинѣ яворина, хоче похилиться;
Якъ не вôзьму яку люблю, не буду жениться.
[4] Чіи бджолы на долинѣ, мои въ деревенькѣ;
А хто любить чорны очи, а я голубеньки.
[5] Очи мои голубеньки, якъ я вамъ дивлюся!
Хочъ на мене люди брешуть, а я имъ смѣюся.
[6] Нехай брешуть, нехай брешуть, добрешуться лиха;
А мы двое, серце мое, любимося стиха.
[7] Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, не свѣти нікому,
Тôлькô мому миленькому, якъ иде до дому!
[8] Заскрыпѣли ворôтоньки; бо були заперты;
Кого люблю, не забуду до самои смерти.

(Малороссійская и Галицкая).

171. Гриць.

[1] Грицю, Грицю, до роботы!
Въ Грица порвани чоботы.
[2] Грицю, Грицю, до телятъ!
Въ Грица нôженьки болять.
[3] Грицю, Грицю, молотити!
Гриць не здужае робити.
[4] Грицю, Грицю, врубай дровъ!
А Гриць щось-то нездоровъ.
[5] Грицю, Грицю, роби хлѣбъ!
А Гриць: кахи, щось охрипъ.
[6] Грицю, Грицю, до Марусѣ!
«Заразъ, заразъ, уберуся.»
[7] Грицю, Грицю, хочъ жениться?
«Не можу одговориться! —
[8] Грицю, Грицю, кого взяти?
«Краще Галѣ не зыськати!» —

(Въ Харьковск. губ.).

172.

[1] Чи всѣмъ людямъ изъ коханья такъ ся дѣе?
Очи не сплять, серце стогне, душа млѣе!
Ой Боже мôй, Боже, яке мѣнѣ горе;
Пôйду утоплюся у синее море!
[2] Мене мати на забаву не пускае;
Якъ я схочу, перескочу, то й не знае.
Съ кѣмъ вѣрно люблюся, не наговорюся,
Прійду я до дому, заплачу — утруся.

3 Чи ты мене вѣрно любишъ, чи лишаешъ?
А я лѣта марне трачу, ты ѝ не знаешъ.
Ой Боже мôй, Боже, яке мêнѣ горе;
Пôйду утоплюся у синее море!
4 Не топися, глянь на мене очельками,
Розвесели серце свое мысленьками.
А я тебе люблю, якъ свою душу,
Яжъ передъ тобою признатися мушу.

(Радомыслъ.)

173. Купаловая.

1 Лѣтѣла сова изъ чужого села,
Окропомъ очи завѣшала,
3 Соломою уши позатыкала.
Та тому люди дивовалися.
5 Не дивуйтесяжъ вы сёму, люди!
Бо я бачила ще и дивнѣйшее:
7 Що щука рыба сукно ткала,
А ракъ неборакъ цѣвки сукавъ.
9 Муха горюха ѣсти варила,
А комаръ пищить,
11 Та въ воду тащить.

(Поютъ около Гадяча, Радомысла. — Срав. еще № 12, 19 и 43)

174.

1 Ой чи будешъ, дѣвчинонько, по мêнѣ журиться,
Якъ пôйду я у Крымъ по сôль, та буду бариться?
2 Ой не буду, Козаченьку, далебй не буду;
Не выѣдешъ за ворота, якъ тебе забуду.
3 Не выѣхавъ Козакъ ище за густыи лозы,
Ой узяли дѣвчиноньку дрôбненькіи слёзы.
4 Не выѣхавъ Козакъ ище за бѣлыи хаты,
Требажъ було дѣвчиноньку на вѣтеръ пôдняти.
5 Не выѣхавъ Козаченько та ще за могилу:
Вертайсь, вертайсь, Козаченьку, роби домовину!

175. Удовецъ.

1 Плыви, плыви, селезеню, противъ воды тихо:
Не йди, дѣвко, за удовця; буде тобѣ лихо.
2 Що удовець, — не молодець; вôнъ жартôвъ не знае,
Ой вôнъ твое бѣле лице зъ своимъ порôвняе.
3 Рôвняй, рôвняй, вражій сыну, коли довелося;
Коли мêнѣ молоденькôй на горе пришлося!
4 Ой у броду беру воду, не перехилюся;
Ты не знаешъ, моя мати, за кѣмъ я журюся.

5 Ой у броду беру воду, не выберу до дна;
Жила въ батька не рôкъ, не два, не выжила добра.
6 Ой изъ броду несу воду, коромыселъ гнеться;
Ты не знаешъ, моя мати, за кѣмъ серце бьется.

(Конотопъ).

176. Удова.

1 Ой не лѣтай, сѣра утко, до озера пити;
Засѣдають два стрѣльчики, хочуть тебе вбити.
2 Ой якъ мênѣ не лѣтати до озера пити?
Е у мене на озерѣ маленькіи дѣти.
3 Въ мене дѣтки маленькіи, дуже малолѣты,
Не здужають ище воны та у степъ лѣтѣти.
4 Ой не ходи, удовонько, на цвинтаръ тужити:
Засѣдають два дѣверки, хочуть тебе вбити.
5 Ой якъ мênѣ не ходити на цвинтаръ тужити:
Поховала миленького, зосталися дѣти,
6 Мали дѣти, малолѣты; нê съ кѣмъ въ свѣтѣ жити.

177. Вража баба.

1 Захотѣла вража баба молодою бути:
Натыкала за намѣтку зеленои руты.
2 Руто моя, руто моя, руто зелененька,
Я думала, що я стара; а я молоденька!
3 Посадила вража баба на трохъ яйцяхъ гусака;
Сама выйшла на улицю, та вдарила тропака.
4 Сиди, сиди, гусаченьку, та высиди гусы;
А я пôйду подивлюся на чорныи усы!

(Поютъ въ Кіевск. губ.).

178.

1 Ѣде Козакъ дорогою,
Широкою стовбовою.
2 Да приѣхавъ до долины,
Вяже коня до ялины,
3 До червонои калины,
А самъ иде до дѣвчины,
4 До дѣвчины, до Марины
На пуховыи перины.
5 Чи Козаче вѣрно любишъ,
Що ты мене рано будишъ?
6 Коли любишъ, люби дуже;
А не любишъ, не жартуй же.
7 Коли любишъ, люби гараздъ;
А не любишъ, кажи заразъ.
8 Коли любишъ, такъ любись;
А не любишъ, не горнись.
9 Коли любишъ, люби двичи;
А не любишъ, кажи въ вôчи!

(Гадячъ).

179.

1 Ой безщасный Чумаченько, що въ корчмѣ ночуе,
Рано встае, вино бере, всѣхъ людей частуе,
2 Одну кварту выпивае, другу наливае:
Ой хто прийде у жупанѣ, братомъ называе.
3 За ёго вже наѣдяться, за ёго й напьются;
А якъ Жидъ ёго грабуе, зъ ёго й насмѣються.
4 Да беруть въ ёго худобу, самъ не знае за що;
Кажуть люде и говорять, що Чумакъ ледащо.
5 Ой пôйду вже я до моря, — сине море грае.
Ой радъ бы я утопитись, море не приймае!

(Кіевъ).

180.

1 Добрывечôръ, дѣвчино, куды йдешъ?
Скажи мêнѣ правдоньку, де живешъ?
2 «Ой тамъ моя хатонька край воды,
«Зъ высокого дерева — лободы!»
3 Ой дѣвчино, серденько, чія ты?
Ой чи выйдешъ на улицю гуляти?
4 «Ой не пытай, Козаченьку, чія я,
«Коли выйдешъ на улицю, выйду и я.»
5 Прийшовъ Козакъ до дѣвчины вечêркомъ;
Да й проситься до дѣвчины потайкомъ:
6 Ой дѣвчино, серденько, вôдчини,
Собѣ худой славоньки не чини! —
7 «Ой не буду, Козаченьку, вôдчинять;
«Бо ты будешъ нôченьку ночувать»
8 Ой не буду, дѣвчино, не буду;
Пожартую трôшечки, да й пôйду.
9 Жартовала дѣвчина до зорй,
Поки стало видненько на дворѣ.
10 «Иди, иди, Козаченьку, до дому;
«Да не кажи, що робилось, нйкому!» —

Примѣчаніе. Поютъ въ Кіевѣ, Гадячѣ. Сравн. еще пѣсни одинаковаго размѣра, но различной мелодіи № 52, 91 и 148.

181. Косарй.

1 Выйшли въ поле косари, — Косить ранкомъ на зорѣ.
Эй нуте, косарй, що нерано почали;
Хочъ нерано почали, та багато утяли!

2 До обѣда покосили, — Гостры косы притупили.
Эй нуте, косари, и проч.
3 По обѣдѣ отдыхали, — Потомъ косы поклепали.
Эй нуте, косари, и пр.
4 О полудни гребли сѣно, — И въ валочки клали щильно.
Эй нуте, косари, и пр.
5 А въ вечерѣ холодкомъ — Клали въ копычки рядкомъ.
Эй нуте, косари, и пр.
6 Завтра треба рано встати, — У стôжечки щобъ покласти.
Эй нуте, косари, и проч.
7 Якъ стôжечки покôньчаемъ, — По-козацьки погуляемъ.
Эй нуте, косари, що нерано почали;
Хочъ нерано почали, та багацько утяли.

(Малороссійская).

182 Щире кохапье.

1 Ой мати, мати, серце не вважае:
Кого разъ полюбить, зъ тымъ и померае!
2 Луччежъ умерти, нѣжъ зъ немилымъ жити,
Сохнуть зъ печали, що-дня слёзы лити.
3 Бѣдность, багатьство есть то Божа воля,
А зъ немилымъ жити — нещасная доля.
4 Ой хибажъ я, мати, не твоя дитина?
Коли моя мука тобѣ буде мила!

(И. П. Котляревскій).

183. Борода.

1 Журилася попадя своею бѣдою:
Бѣднажъ моя головонька, що пôпъ зъ бородою!
Охъ мѣнѣ тяжко, охъ мѣнѣ нудно,
Що зъ бородатымъ жити мѣнѣ трудно!
2 Хочай ся вôнъ убере въ хороши шаты:
Що погляну на ёго, а вôнъ бородатый!
Охъ мѣнѣ тяжко. . . .
3 Хочъ пôйду я до церкви Богу ся молити:
Що погляну на бороду, то не могу жити!
Охъ мѣнѣ тяжко. . . .
4 Чи пôйду я на хрестины, просять мене сѣсти,
Якъ поглянужъ на бороду, то не зможу ѣсти!
Охъ мѣнѣ тяжко. . . .

5 Чи пôйду я на весêлье, просять мене пити,
Якъ погляну на бороду, то не мушу жити!
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

6 Та прійшовши до домоньку, зачала просити:
Чи не зможешъ, паноче, бороду зголити?
Охъ мêнѣ тяжко. . . . .

7 Ой неможно, попаде, того учинити;
Дознається Владыка, буде мене бити.
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

8 Докôль буду терпѣти, та такую бѣду?
Випрягай, хлопче, коні въ вôзокъ, до Владыки ѣду!
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

9 Ой пôйдужъ я до Владыки, щобъ ёго просити:
Чи не зволить вôнъ попові бороду зголити?
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

10 Та й забрала попадя гусй та индики,
Прибралася чепурненько — гайда до Владыки!
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

11 Приѣхавши до Владыки, стала при порозѣ,
Вклонилася низесенько, ажъ въ самыи нозѣ.
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

12 Отъ, Владыка и выйшовъ, ставъ ёё пытати:
«Що жадаешъ, попаде, нехай буду знати.»
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

13 Прошужъ тебе, Владыко! Змилуйся надъ нами!
Хай не ходять наши попы зъ тыми бородами!
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

14 Кажижъ, кажи, Владыко! Що маёмъ платити?
Якъ ся зволишъ нашимъ попамъ бороду голити?
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

15 «Не зможужъ я, попаде, того учинити;
«Бо такъ кожній мусить въ насъ бороду носити.»
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

16 «Подивися, попаде, хочъ я и Владыка,
«Якажъ въ мене борода чесна та велика!»
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

17 «Ходи сюди, попаде, до моёй кôмнаты,
«Подивися: що тамъ попôвъ, та всѣхъ бородаты!»
Охъ мêнѣ тяжко. . . .

18 Шкодажъ моей уродоньки, шкодажъ мого зросту!
Хибажъ пойду та втоплюся зъ высокого мосту!
Охъ мене тяжко. . . .
19 Ой пойшовъ же Владыка до своей комнаты:
«Требажъ твоёму попови карту написати.»
Охъ мене тяжко. . . .
20 Писавъ карту Владыка дробными словами.
Залиласяжъ попадя горкими слёзами!
Охъ мене тяжко. . .
21 «Якъ не зхоче попадя попонька кохати:
«То ей треба въ сёмь плетень кропила завдати.»
Охъ мене тяжко. . . .
22 Якъ почалижъ попадй кропила давати:
Вона впала, та й почала попонька прохати:
Охъ мене тяжко. . . .
23 Теперъ мене уже легче, и гарно и мило:
Бо попове кропило кохати навчило!
Охъ мене тяжко. . . .
24 Упадала, прикладала, на пальцяхъ ставала:
Взялажъ попа за бороду — та й поцеловала.
Теперъ мене уже легче, и любо, и мило, —
Бо попове кропило кохати навчило!

Примњчаніе. Судя по содержанію этой пѣсни и соображаясь съ ходомъ событій въ исторіи Малороссіи, мы съ достовѣрностію можемъ предположить, что это есть одна изъ старинныхъ пѣсень, и притомъ произведеніе начала XVII вѣка, то есть, того времени, когда Унія уже довольно распространилась въ Малороссіи, когда Уніатское духовенство имѣло вездѣ вѣсъ и пользовалось преимуществами, а Православное томилось въ бѣдности, имѣло удѣломъ отъ Польскихъ пановъ презрѣніе и при всякомъ случаѣ было тѣснимо. По примѣру Католическихъ ксендзовъ, изъ многихъ наружныхъ отличій Уніатскаго духовенства отъ Православнаго, было и бритіе бороды; поэтому и неудивительно, что слабая сторона нашего рода соблазнялась преимуществами и предпочтеніемъ, и что соблазнъ этотъ производилъ даже нѣкоторое броженіе умовъ и въ нѣжномъ полѣ. Вотъ вѣроятное происхожденіе нерасположенія *попадьи* къ бородѣ своего супруга, и желаніе видѣть ее сбритою. Но Православное духовенство, борясь съ упорными Уніатами, въ тоже время *умњло* укрощать и домашнія неприличныя воззрѣнія, что изъ текста этой пѣсни весьма легко усмотрѣть можно. Намъ могутъ возразить: «что языкъ этой пѣсни очень новъ, современный, размѣръ правиленъ и плавенъ, текстъ отличается тщательною обработкою и проч.» — Такъ! Изъ нѣсколькихъ варіантовъ мы выбрали, по

нашему мнѣнію, лучшій. Однако обстоятельство это доказываетъ только то, что подобнаго рода желаніе женщинъ всегда казалось смѣшнымъ и забавнымъ; посему и пѣсня эта подвергалась весьма частымъ повтореніямъ и передѣлкамъ, изъ коихъ дошли до насъ только позднѣйшія. Прежде всѣхъ напечаталъ ее Wacław z Oleška.

184. Помиркуй.

1 Кукурику, пѣвнику, на току;
Чекай мене, дѣвчино, до року!
2 «Хибажъ мѣнѣ розуму не мати,
«Та щобъ тебе до року чекати?
3 «Чекала я, голубе, вдоволі,
«Кохалася, парубче, по волѣ;
4 Та вже мои норовы покажу:
Нехай буде такъ воно, якъ скажу!»
5 Ой дѣвчино, серденько, не жартуй,
Та недовго гаятись, — помиркуй:
6 Якъ матемо Божого Василя,
Зробимъ, серце, гарненьке весѣлья!

(Таращa).

185. Щирость.

1 Ой бувъ, та й нема, — поѣхавъ на рѣчку;
Колибъ ёго чорты взяли, — поставилабъ свѣчку!
2 Ой вôнъ знавъ, на що бравъ. — Яжъ ёму нерôвня!
Бо вôнъ швець, вражій мнець, — а я бондарôвна!
3 Якій бѣсъ чоловѣкъ, — такажъ ёго й жôнка;
Намочила штаны въ рѣцй, — та ще зъ понедѣлка.
4 Колибъ не пивъ, мене не бывъ: — то можебъ кохала:
Тогдйбъ ёму що недѣли — въ головоньцйськала!

(Умань).

186. Козача смерть.

1 Ой три лѣта, й три недѣли,
Минулося на Вкраинѣ,
2 Якъ Козака Турки вбили,
Пôдъ яворомъ положили;
3 Пôдъ яворомъ зелененькимъ
Лежавъ Козакъ молоденькій.

4 Его тѣло — почорнѣло,
А одъ вѣтру — пострупѣло.
5 Надъ нимъ коникъ зажурився,
По колѣна въ землю вбився.
6 «Не стôй, коню, надо мною,
«Бачужъ я щирôньку твою!
7 «Бѣжи степомъ, та гаями,
«Долинами, байраками,
8 «До моеи родиноньки,
«До вѣрнои дружиноньки!
9 «Стукни въ браму копытами,
«Та забрячи поводами.
10 «Ой выйде братъ — понуриться,
«Выйде мати — зажуриться,
11 «Выйдежъ мила — порадѣе,
«Стане, гляне, та й зомлѣе!...»
12 Ой, десь, коню, пана скинувъ?
Кажижъ, коню: чи не згинувъ?
13 «Мене Турки наздôгнали,
«Пана мого зъ мене стяли,
14 «Пострѣляли, порубали,
«Тамъ — надъ Днѣстромъ лиховали!
15 «Ой цыть, мати, не журися!
«Вжежъ бо твôй сынъ оженився:
16 «Вôнъ взявъ собѣ за жôночку
«Та крутую могилочку....
17 «Вôзьми, мати, пѣску жменю,
«Посѣй ёго на каменю:
18 «Колижъ отъ той пѣсокъ зôйде,
«Тогдй твôй сынъ зъ вôйска прійде!»

Примѣчаніе. Да не упрекнутъ насъ незнакомые съ Малороссійскимъ нарѣчіемъ въ увлеченіи своимъ предметомъ, или въ преувеличиваніи достоинствъ онаго, если мы скажемъ, что эта простонародная пѣсня принадлежитъ къ небольшому числу лучшихъ произведеній поэзіи лирической. Да не покажется дерзостію, если мы замѣтимъ, что знаменитые писатели, *въ подобномъ случаѣ*, не представляютъ ничего ни нѣжнѣе, ни возвышеннѣе; не смотря на то, что первоклассные геніи извѣстны всему образованному свѣту, а Малороссійскія пѣсни извѣстны очень немногимъ людямъ, которые были бы въ состояніи сличить ихъ, на примѣръ, съ твореніями Шиллера, Гёте, или Шекспира. — Что можетъ быть выразительнѣе и трогательнѣе слѣдующаго мѣста: *«Ой выйде*

братъ — понуриться, выйде мати — зажуриться, выйдежъ мила — порадње; стане, гляне, та й зомлње!» Какая картина! достойная кисти только избранныхъ, а между тѣмъ, какъ это просто, естественно, безъискуственно. Мы заимствовали эту превосходную пѣсню изъ сборника Г. Н. Куцаго, подъ названіемъ *Ужинокъ*. Подобную помѣстили мы здѣсь подъ № 1. *Вњтеръ гуде, трава шумить,* и подъ № 65. *Ой у полњ снњжокъ прошить.*

187. Бѣдный Лавро.

1 Чуешъ, Лавро! Геть-но зъ хаты!
Хиба стану ще прохати?

2 Хутчій, мерщій, вражій сыну!
А не зхочешъ? — за чупрыну!

3 Пйдвжъ, пйди! — Геть бо зъ хаты,
Згинь, недовѣрку проклятый!

4 Мѣнѣ душно коло тебе,
Не вертися передъ мене!

5 Геть! На ласку не змагайся,
Згинь зъ очей! Не навертайся!

6 Хутчій, мерщій! — Бо отрута
Тебе згубить заразъ тута!

7 Пойшовъ Лавро бѣдный зъ хаты;
Бо вже нѣчого тамъ ждати!

188. Вычванка.

1 По дорозѣ жукъ, жукъ, — по дорозѣ чорный:
Подивися, дѣвчино, — якій я моторный!

2 Якій я моторный, — и въ кого я вдався?
Хиба даси копу грошей, — щобъ поженихався?

3 «По дорозѣ галка, — по дорозѣ чорна:
«Подивися, Козаченьку, — якажъ я моторна!

4 «Якажъ я моторна, — гнучка, чорнобрива,
«Якъ побачишъ, ажъ заплачишъ, — що я вередлива!

(Кіевъ).

189. Шкода.

1 Якъ бы тыи не тыны, — та не перетыники,
Ходивъ бы я до дѣвчины — що дня, що годиники!

2 Якъ бы тыи не тыны, — та не перелазы,
Ходивъ бы я до дѣвчины — у день по три разы!

3 Перелазивъ черезъ тынъ, — черезъ огороды,
Заплутався въ гарбузину, — та й наробивъ школы.
4 Добрывечоръ, стары люде! — А що зъ того буде?
Выплутайте зъ гарбузины, — то й шкоды не буде.

(Чигиринъ).

190. Навчився.

1 Ой якъ мене моя мама — та дала до школы,
Ой зазнавъ я, бѣдный, тамъ — тяжкои неволи!
2 Казавъ мѣнѣ бакалярь — промовити: «Азъ, Азъ!»
А якъ же я не вымовывъ, — вôнъ по пыцѝ: разъ, разъ!
3 Крикнувъ же вôнъ у друге: — «А ну, кажи: Буки!»
Ой щежъ бо я не вымовивъ, — попавъ въ ёго руки.
4 Крикнувъ далѣ въ третій разъ, — щобъ вымовивъ: «Вѣде!»
А вжежъ ёго жвава рука — по чупринѣ ѣде.
5 Ой, якъ сказавъ у четверте: — «вымовляй: Живѣте!»
«Нутежъ, хлопцѝ, заразъ ёго — на лаву кладйте!...»
6 И просився, и молився, — а ще бôльшъ злякався;
Бо таку задали хлосту, — що й свѣта цурався!
7 Пôйшовъ же я до домоньку, — та й татовй кажу:
Ой якъ мене свѣчникъ збивъ, — що я теперъ зляжу.
8 Побѣгъ ще я и до мамы, — та ще й до сусѣда;
Ой, кудыжъ я навертався, — скрôзь за мною бѣда!
9 Пôйшовъ же я до корчмоньки — позбитый и глухій,
Лыгнувъ собѣ горѣлоньки, — махайлыкъ и другій.
10 Вôдъ квартоньки горѣлочки, — доброи сивухи,
Стався мѣнѣ свѣтъ якъ банька, — а люде, якъ мухи!

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

О БЫВШЕМЪ НѢКОГДА ОТНОШЕНІИ МАЛОЙ РОССІИ КЪ ПОЛЬШѢ.

Въ Думѣ, подъ названіемъ Бондарôвна (№ 151), изображена страдальческая кончина Малороссійской дѣвушки отъ рукъ Пана Канёвскаго, который почелъ за оскорбленіе своей особы, что Малороссіянка осмѣлилась не удовлетворить вожделѣнію вельможнаго пана. Въ Украинѣ, зависѣвшей отъ Польши, таковыя сцены были обыкновенны. (Срав. еще Думу № 100). Чтобы уяснить этотъ фактъ, мы должны обратиться къ исторіи.

Сначала въ Польшѣ верховная власть была наслѣдственная; если же прямаго наслѣдника не было, то избирали члена изъ владѣтельнаго дома. Но по смерти Короля Сигизмунда II Августа, (въ 1572 году), которымъ прекратился родъ Ягайловъ, Польскіе вельможи, по непонятному ослѣпленію ума, учредили у себя правленіе чисто избирательное. Это значитъ, что посредствомъ такого оборота каждому сильному аристократу и велеможному честолюбцу была открыта дорога къ престолу. Искателей естественно было много; всѣ они употребляли золото, происки, а въ случаѣ нужды и оружіе. Изъ угожденія частному, суетному тщеславію, ясневельможные безпрестанными конституціями болѣе и болѣе ограничивали власть верховнаго лица, наконецъ оставили ему одинъ королевскій титулъ. Многіе изъ сильныхъ Ляховъ оказывали Королю неповиновеніе, противились его мѣрамъ, спорили съ нимъ; въ Государствѣ владычествовалъ безпорядокъ. Нельзя предполагать, чтобы это происходило по злобѣ, но единственно изъ тщеславія, или говоря проще, задать тонъ въ обществѣ. Дурные примѣры также заразительны. Это вошло въ моду. Необходимымъ слѣдствіемъ сего безумія былъ упадокъ власти верховнаго лица, а затѣмъ и недостатокъ уваженія къ нему; потянулся безконечный рядъ происковъ, крамолъ, неустройствъ. Государство стало разстроиваться; что и естественно! Никакое человѣческое общество не можетъ долго существовать, если въ немъ нѣтъ порядка (дисциплины). И такъ, изъ угожденія своему тщеславію Ляхи святотатственно сорвали лучи величія съ короны Государей своихъ и безпрестанными безпорядками разстроили отечество. Гдѣ же тутъ патріотизмъ, которымъ они, какъ бы въ насмѣшку, велегласно хвастались на пирахъ своихъ? — Вотъ первая причина упадка Польши.

Кромѣ одного зла, то есть избирательнаго правленія, паны учредили у себя въ 1652 году конституціею, или актомъ, другое, въ силу котораго всѣ важныя узаконенія и мѣры государственныя должны быть издаваемы на сеймахъ съ общаго и безусловнаго согласія, то есть единомысленно. Развѣ единомысліе бываетъ возможно въ такомъ огромномъ собраніи? Не уже ли они не знали этого ни изъ Исторіи, ни по опыту? Да, если и знали, то здѣсь скрывается другая причина, которая для каждаго изъ нихъ въ частности была ближе, чѣмъ любовь къ отечеству. Въ упомянутомъ выше актѣ тщеславіе ихъ заготовило для себя возможность, при удобномъ случаѣ тѣмъ съ большимъ блескомъ высказаться. Представимъ себѣ многочисленное и блестящее собраніе дворянства и духовенства, такъ сказать цвѣтъ націи. Въ ономъ отбираютъ голоса въ пользу какого либо постановленія, которое обѣщаетъ много выгодъ для отечества, и кажется, что всѣ уже согласны. Но вдругъ, среди этого общества, среди важныхъ сановниковъ и пышныхъ пановъ, по праву конституціоннаго равенства, выходитъ на средину бѣдный шляхтичъ и кричитъ: *не позволяю* (nie pozwalam; veto). Какое упоительное наслажденіе для спеси, какой ѳиміамъ для тщеславія, какое обворожительное право для, такъ называемой, свободы, что эта единица, микроскопическая, ничтожная, однимъ словомъ своимъ останавливаетъ важную мѣру въ государствѣ; что предъ его магическимъ *нѣ позвалямъ* безмолвствуетъ Король и вся нація! — Какая нелѣпость! Оттого въ Рѣчи Посполитой почти никогда не состоялись сеймы, никакая благодѣтельная мѣра не могла быть приведена въ дѣйство. Это вторая причина упадка Польши. Конечно были между ними люди благомыслящіе и благонамѣренные, которые не могли ничего добраго отъ такихъ мѣръ предсказать. Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Къ единомыслію естественно присовокупилось и единовѣріе! — Кажется нѣтъ ничего основательнѣе и честнѣе, какъ желать другому того, что самъ почитаешь за лучшее. Но подъ эгидою этого предлога скрывалась совсѣмъ другая причина. Поляки, подобно Испанцамъ, были до того ослѣплены, что почитали Христіанами однихъ только Католиковъ. Время доказало всѣмъ Западнымъ народамъ, что идея эта основана на самолюбіи и на незрѣлости мыслей. Какъ бы то ни было, но Польскіе паны устроивали такъ, что только Католики могли быть дворянами, владѣть въ Польскихъ областяхъ помѣстьями, имѣть крестьянъ, занимать должности, получать чины, званія и достигать высшихъ степеней. Диссидентамъ же, то есть, разномыслящимъ, или иновѣрцамъ безпрестанно обѣщали равенство и — только. Въ актѣ Люблинскаго сейма 1569 года о соединеніи Литовскаго Княжества съ Королевствомъ Поль-

скимъ ясно и опредѣленно выражено, что оба государства соединяются въ одно, какъ равное съ равнымъ, слѣдственно, и Литовскіе чины должны имѣть одинаковыя права съ Польскими. Но какъ въ Литвѣ и Малороссіи большинство народонаселенія было Греческаго вѣроисповѣданія, то фанатическими поступками своими Поляки поставили себя между двухъ огней, тѣмъ болѣе, что охотниковъ до Католичества въ Литвѣ, особенно въ Малороссіи, не смотря на всѣ приманки, было крайне мало; дѣло шло чрезвычайно медленно, что для пылкаго характера Ляховъ было несносно. Русскіе въ Литвѣ и Украинѣ указывали на свои права, выраженныя въ договорахъ и опирались на нихъ; Поляки упорно старались поддержать богоугодное, по ихъ мнѣнію, желаніе свое, видѣть всѣхъ Католиками. Въ этой крайности дѣятельное духовенство, особенно изворотливые Езуиты, столь страстно заботившіеся о спасеніи душъ Малороссіянъ, изобрѣли Унію, — тоже единство, только на другой ладъ! — Что это такое было, мы отвѣтимъ словами Преосвященнаго Георгія Конискаго: «Это эпоха ужаса и губительства для обоихъ народовъ, Польскаго и Русскаго, которая потрясла Польшу до самаго основанія, и, колебавши ее болѣе ста лѣтъ, низринула наконецъ въ бездну ничтожества, а народу Русскому, давши испить самую горестную чашу, каковую во дни Нерона и Калигулы не всѣ Христіане вкушали, преобразила его въ иной видъ и состояніе» — Вотъ третья причина упадка Рѣчи Посполитой. Не говоря о безчисленныхъ жестокостяхъ, вспомнимъ, однакожъ и смѣшную сторону этого обстоятельства: Ксендзовъ и разныхъ Католическихъ миссіонеровъ, столь ревностно старавшихся распространить Унію по Малороссіи, должны были отъ одной деревни до другой возить дѣвушки и молодыя женщины, и притомъ пригожія. До какихъ глупостей доводило Поляковъ тщеславіе! Не уже ли эти разъѣзды на Малороссійскихъ дѣвкахъ и молодицахъ увеличивали успѣхъ Уніи? Что могли чувствовать при этомъ самые Украинцы?

Съ 1569 года, то есть, со времени соединенія Литвы съ Польшею, Русское народонаселеніе постоянно было угнѣтаемо, но скрытно и большею частію посредствомъ интригъ; а съ 1586 г, при Сигизмундѣ III политическія и религіозныя гоненія начались явно и съ ожесточеніемъ, что продолжалось и при преемникахъ Сигизмундовыхъ: Владиславѣ IV, Янѣ Казимирѣ и всѣхъ прочихъ, почти до истеченія прошедшаго столѣтія, когда побѣдоносныя Русскія войска, по волѣ Екатерины Великой, обуздали буйство и положили конецъ всякаго рода преслѣдованіямъ, коимъ подвергались Православные. Естественно, что въ теченіи сего длиннаго времени каждое новое гоненіе возбуждало въ Малороссіянахъ

ропотъ, возстаніе и мщеніе; а это еще болѣе ожесточало Поляковъ. Месть ихъ не знала предѣловъ, и въ короткое время составили они въ отношеніи Козаковъ рядъ узаконеній, предписывавшихъ мѣры жестокія и необдуманныя. Въ 1589 г. сеймъ лишилъ права Козаковъ избирать вольными голосами Гетмана, и между прочимъ запретилъ крестьянамъ удаляться на Запорожье; въ случаѣ неповиновенія, виновныхъ повелѣно наказывать смертію. Въ 1597 г. Русскій народъ объявленъ на сеймѣ *бунтливымъ* и осужденъ въ рабство: Православные храмы запечатаны. Въ 1638 г. Варшавскій сеймъ постановилъ, что Козаки равны крестьянамъ, подчинилъ ихъ вѣдѣнію коммиссаровъ съ неограниченнымъ правомъ живота и смерти. Коммиссары эти въ послѣдствіи, отнявъ землю у Козаковъ, сдѣлались ихъ помѣщиками. Этою мѣрою Ляхи достигли крайности.

Когда верховная власть была болѣе и болѣе стѣсняема, вельможи, въ слѣдствіе сеймовыхъ постановленій, владычествовали въ помѣстьяхъ съ правомъ самодержавія. Они и назывались *Державцами!* то есть, подъ какимъ угодно предлогомъ, и даже безъ предлога, расправлялись съ крестьянами своими, Украинцами, какъ имъ было угодно. Правительство не могло вмѣшиваться въ ихъ судъ и расправу; паны были самовластны и самовольны. Изъ упоминаемыхъ постановленій, или по Польски конституцій, подъ предлогомъ самосохраненія и безопасности, внушенныхъ гибельнымъ самолюбіемъ и кичливостію, видно, что Ляхи почитали только себя за людей; а крестьянъ своихъ и Жидовъ, особенно же Малороссіянъ они признавали за какія-то существа, созданныя Творцемъ собственно для службы. Теперь спросимъ: благоразумно ли каждому помѣщику допустить право на жизнь и смерть его крестьянъ? Какой истецъ можетъ быть вмѣстѣ и судьею въ своемъ дѣлѣ, и притомъ безпристрастнымъ? Не было ли это поводомъ къ безчисленнымъ несправедливостямъ и гоненіямъ, которыхъ никакая сила человѣческая въ послѣдствіи предотвратить не могла? Не было ли это источникомъ вѣчной вражды и ненависти, злобы и мщенія? — Далѣе, право на жизнь и смерть подданныхъ есть неприкосновенное, исключительное достояніе верховнаго правительства и лицъ, облеченныхъ довѣріемъ онаго. Благоразумно ли было со стороны сейма (Короли были безсильны) своимъ исключительнымъ правомъ, такъ сказать, подѣлиться съ людьми частными, съ помѣщиками? Въ такомъ случаѣ правительство произвольно лишило себя возможности оказывать своимъ подданнымъ правосудіе и предупреждать неустройства и мятежи. Но въ Польшѣ тогда, какъ мы видимъ, благоразуміемъ постоянно жертвовали въ пользу самолюбія и тщеславія. Какія послѣдствія были этой *премудрой* системы — отгадать не трудно:

Ляхи за самые обыкновенные проступки сажали крестьянъ въ тюрьму, лишали жизни. На прим.: если дворовая женщина съѣла панскіе вареники (въ Смѣлой); если псарь, по небрежности, погубилъ охотничью собаку, или если дѣвушка осмѣлилась не удовлетворить желанію какого нибудь Канёвскаго, или Немировскаго пана: то ихъ безъ всякихъ околичностей вѣшали, разстрѣливали и проч.; за грубость предавали жестокимъ казнямъ. Особенно Унія служила самымъ надежнымъ поводомъ къ удовлетворенію ненависти. Если священникъ, или прихожане не соглашались принять Уніи, или полученный отъ Поляковъ антиминсъ отправляли къ православнымъ Епископамъ, или не хотѣли поминать Папъ, и проч., то неповиновавшихся сажали на колъ, сдирали кожу съ живыхъ, или обматывали коноплями, обливали горячею смолою и на видномъ мѣстѣ сожигали. (Ктиторъ изъ Млѣева). Точь въ точь, какъ страдали Христіане во времена Нерона, Калигулы, Діоклитіана. И такіе примѣры, составляющіе для Польской исторіи вѣчное пятно, были безчисленны!

Жидъ покланяется златому тельцу, кажется, усерднѣе и чистосердечнѣе, чѣмъ самому Создателю. Ради прибытка онъ охотно жертвуетъ честію, совѣстію; готовъ унижаться и пресмыкаться во прахѣ. Для спесиваго Ляха Жидъ не представлялъ собою никакихъ препонъ, или противоборства; онъ былъ его покорнѣйшимъ слугою и угодникомъ; сосалъ, обманывалъ на каждомъ шагу и обогащался на счетъ его безпечности; но смѣтливость, услужливость и раболѣпство Жида сдѣлались потребностію для вельможныхъ и безпечныхъ пановъ; словомъ, они были другъ другу нужны и благоденствовали — всякій по своему!

Разгульный, воинственный сынъ Украины, одаренный отъ природы умомъ и сердцемъ, попавшись подъ ярмо Польское, невольно долженъ былъ прійти въ ожесточеніе при мысли, что онъ, созданный, подобно же Ляху, по образу и подобію Божію, и притомъ Христіанинъ, долженъ влачить рабскую жизнь въ оковахъ; что его достояніе, семейство, честь и жизнь — все это въ рукахъ, въ произволѣ Ляха. Безпрестанное опасеніе должно приводить его или въ ожесточеніе, или въ отчаяніе; а по пословицѣ: кто топетъ, тотъ хватается и за бритву!

Татары, коихъ мы такъ охотно называемъ дикими варварами, послѣ погрома и завоеванія Россіи, утвердивъ за собою владычество надъ нею, эти Татары обращались съ Русскими гораздо человѣколюбивѣе, нежели Поляки съ Малороссіянами. Они уважали Христіанскую религію, охраняли Русское духовенство и монастыри. По крайней мѣрѣ, въ обители монашеской находилъ Русскій человѣкъ убѣжище и былъ неприкосновенъ; могъ въ тиши монастырской предаваться молитвѣ и изучать лѣто-

писи своего отечества. Малороссіяне подъ игомъ Польши были рѣшительно въ такомъ же положеніи, какъ теперь Греки, Южные Славяне и другіе Христіане подъ владычествомъ Турокъ. Собственность, честь и жизнь Христіанина зависятъ отъ произвола Турка. Это бѣдственное, несносное положеніе извѣстно всей Европѣ. Но предъ судомъ холоднаго разума Туркамъ это извинительнѣе, или лучше сказать, естественнѣе, чѣмъ Полякамъ, по слѣдующимъ причинамъ: *Во первыхъ*: это народъ необразованный, варварскій; отъ нихъ нельзя ничего лучшаго и ожидать. Они поступаютъ и между собою варварски, если только есть возможность. Поляки же, по близости къ Западу, и по сосѣдству съ Нѣмцами, искони имѣли случай заимствовать образованіе, а съ онымъ и уясненіе идей политическихъ и нравственныхъ, что доказываетъ немалое число хорошихъ писателеій. *Во вторыхъ*: Турки завоевали Христіанъ и владѣютъ ими по праву меча; а княжество Литовское съ Малороссіею присоединилось къ Польскому на условіи какъ *равное* государство къ *равному*; а потомъ равенство Рѣчь Посполитая обратила въ несносное иго! Извѣстно, что варвары Турки умѣли иногда сдержать данное слово; а въ Польшѣ было постоянное волненіе.... *Въ третьихъ*: Турки суть Магометане и притомъ въ Европѣ несравненно малочисленнѣе своихъ Христіанскихъ подданныхъ. По различію религіи и по естественной причинѣ самосохраненія не смѣютъ они Христіанамъ дать право равенства; потому что эти въ непродолжительномъ времени однимъ большинствомъ своимъ могли бы подавить Турокъ. Между Поляками и Малороссіянами этого различія не существовало. Обѣ стороны носили на себѣ названіе Христіанъ; одного только недоставало: благоразумной вѣротерпимости со стороны Поляковъ. Если же достояніе, честь и самая жизнь зависѣли отъ произвола Поляковъ: то не лучше ли все это потерять на полѣ брани съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивая свою родину, права, и вѣру, чѣмъ эту жизнь влачить въ рабствѣ, и, подобно скоту безсловесному, каждую минуту ожидать обуха! Послѣ всего этого понятны слова Гетмана Богдана Хмельницкаго въ рѣчи на радѣ посполитой, которую онъ говорилъ въ присутствіи Русскихъ пословъ въ 1654 году. Вотъ слова этого избавителя Малороссіи: «Какое плѣненіе, какое нещадное пролитіе крови Христіанской, отъ «Польскихъ пановъ утѣсненія, никому изъ васъ сказывать не надобно. «Сами вы вѣдаете, что лучше Жида и пса, нежели Христіанина, брата «нашего почитали.» И это была не риторическая фигура, а печальная истина! И такъ, слѣдствіемъ гоненій и беззаконій отъ вельможъ былъ общій ропотъ Малороссіянъ, мятежи и возстаніе. Наконецъ Провидѣніе спасло Малороссію; она отдѣлилась отъ Польши и, войдя въ составъ

Великой Россіи, избавилась отъ своихъ гонителей; но западная Украина стенала еще долго подъ игомъ Польскимъ до дней Екатерины Великой. Вотъ четвертая причина упадка Польши и бывшаго бѣдствія Малой Россіи. Есть и больше причинъ, но достаточно и сихъ, чтобы погубить отечество.

Польскіе писатели, какъ прежніе, такъ и новѣйшіе, оправдывая мѣры бывшихъ сеймовъ, всю вину, обыкновенно, слагаютъ на Малороссіянъ, или, по ихъ выраженію, на Козаковъ. «Всѣ варварства — пишутъ они — «всѣ кровопролитія, всѣ несчастія, которыми обременила бѣдное чело«вѣчество борьба *сословія*(!) Козаковъ съ Польшею, и его измѣны новой «своей покровительницѣ Россіи, все это не пятнало бы страницъ исто«ріи рядомъ такихъ событій, которыя въ образованномъ читателѣ по«раждаютъ только ужасъ и отвращеніе!» (Библ. дл. Чтен. 1843. Февр.) Совершенно справедливо; но эти писатели не говорятъ чистосердечно: кто былъ причиною возстаній, варварствъ и бѣдствій? Не видимъ ли мы и въ наше время Грековъ, Южныхъ Славянъ и другихъ Христіанскихъ народовъ вопіющихъ безпрестанно противъ Турокъ? Не уже ли ропотъ цѣлаго народа происходитъ только изъ желанія мятежничать, разбойничать и грабить?

Русскіе вѣнценосцы постоянно старались облегчать участь своихъ единовѣрцевъ, страдавшихъ подъ тяжкимъ игомъ Поляковъ и Турокъ; вели по этой причинѣ войны. Не уже ли бы Государи наши стали подавать руку помощи мятежникамъ? Въ наши дни Франція, Англія и Россія приняли участіе въ горестной судьбѣ Грековъ, содѣйствовали ихъ освобожденію изъ подъ ярма Турецкаго, и область ихъ признали за самостоятельное Королевство. И чтожъ? Турки будутъ всегда называть ихъ мятежниками, какъ Поляки называютъ Козаковъ! — Но справедливо ли это? Императоръ Николай, котораго характеръ былъ олицетворенный порядокъ и истина, доказавшій это всему свѣту подавленіемъ мятежа Венгерскаго и Польскаго, еще разъ было обнажилъ мечь на защиту несчастныхъ единовѣрцевъ и для вразумленія ихъ гонителей. Завистливый Западъ, боясь колосса Русскаго, подъ предлогомъ противуборства его мнимому желанію къ завоеваніямъ, воспрепятствовалъ къ полному достиженію великой и великодушной цѣли. По крайней мѣрѣ факты эти, опровергая собою всѣ пристрастные и недобросовѣстные возгласы Польскихъ писателей, говорятъ ясно, что Русскіе Цари всегда различали справедливыя жалобы и требованія утѣсненнаго народа отъ мятежа, и всегда готовы подать великодушную помощь гонимымъ единовѣрцамъ своимъ.

Польскіе писатели, желая дать большій вѣсъ своимъ обвиненіямъ и даже понравиться Русской публикѣ, охотно повторяютъ упреки, что: «Козаки, «отдавъ себя и свое государство подъ власть Московскаго Царя, опять «ссорятъ его съ сосѣдями, безпокоятъ на внутреннихъ границахъ и по«ставляютъ въ величайшее затрудненіе своими мятежами и измѣнами» Значитъ, этимъ писателямъ неизвѣстно, что Русскіе въ продолженіи восьми сотъ лѣтъ вели безпрерывныя ссоры и брани съ Польшею; и въ такое время, когда еще и помину не было о Козачествѣ. Съ такимъ сосѣдомъ, какъ Полякъ, при тогдашнемъ устройствѣ Польши, Россія никогда не могла поладить. Справедливо, что Малороссіяне, въ началѣ вступленія своего въ подданство Царя Алексѣя, по смерти избавителя Богдана Хмельницкаго, по проискамъ честолюбцевъ, производили нестроенія и рѣзавшись между собою, не всегда щадили и Великороссіянъ. Однако, надобно размыслить, что всякій переворотъ въ государствѣ, даже въ послѣдствіи самый благодѣтельный, сопряженъ со многими неудобствами. Это есть слѣдствіе естественнаго закона какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и физическомъ. Бушующее море, по прекращеніи бури, не мгновенно утихаетъ. Перевезите вашу мебель изъ одной квартиры въ другую; едва ли обойдется безъ ломки. Въ народѣ, потерявшемъ разъ спокойствіе, длится волненіе еще и отъ того, что есть много крамольниковъ и людей недобросовѣстныхъ, для которыхъ смуты нужны, чтобы въ мутной водѣ рыбу ловить. Украинскій народъ не былъ причастенъ измѣнамъ; одни только честолюбивые начальники мутили народъ и повергали Украину въ междоусобія. Могъ ли народъ знать и предупреждать ихъ зловредные замыслы? Но онъ дорого поплатился за измѣны своихъ Гетмановъ! Еще въ наше время вся Европа страдала отъ честолюбія одного только Наполеона; однако никто и не думалъ обвинять Европу въ честолюбіи. И такъ, можетъ ли падать упрекъ на обольщенныхъ Козаковъ за измѣны нѣкоторыхъ Гетмановъ, изъ коихъ нѣсколько было Польскаго происхожденія, или кои по своему воспитанію, образу жизни и мыслей, имѣли душу не Русскую.

Нѣкто пишетъ: «Безсильная Польша не могла управиться съ Каза«чествомъ; но самодержавная мудрость сильныхъ Русскихъ Госуда«рей скоро ее уняла.» — Писатель этотъ и не подозрѣвалъ, что сими немногими словами крайне ослабилъ защиту въ пользу своей Польши. Онъ сказалъ: Русскіе Государи *сильны*. Это правда, да этого еще мало; и Польша была нѣкогда сильна, но ей чего-то не доставало. Далѣе онъ говоритъ, что Русскіе Государи *мудрые*. Это значитъ, что одной силы безъ мудрости еще недостаточно. А мудрость Русскихъ Царей состоитъ въ томъ, что они людей всегда почитали за людей, и под-

данныхъ своихъ никогда не считали хуже Жида и пса, да и никогда не допускали права помѣщикамъ неограниченно расправляться со своими крестьянами. Отъ того подъ владычествомъ Царей Русскихъ въ Малороссіи не было никогда *Колiивщины*, да и причины нѣтъ къ ней. Вѣра одна, языкъ одинъ, законъ для всѣхъ равенъ, гоненій нѣтъ, слѣдовательно, и возстаній быть не можетъ. Если есть жалобы и неудовольствія, на то есть суды, поставленные Верховною властію, а не произволомъ вельможъ! Одинаковыя причины производятъ вездѣ и всегда одинаковыя слѣдствія. Наконецъ онъ говоритъ: *самодержавная мудрость.* Самъ видитъ, что при самодержавіи, руководимомъ мудростію, въ Русскомъ Царствѣ искони господствуютъ тишина, справедливость, слѣдовательно, и благоденствіе подданныхъ; чего въ Польшѣ не было, и быть не могло. А ктожъ тутъ виноватъ? Зачѣмъ они всѣ хотѣли только повелѣвать, и никто не хотѣлъ повиноваться, и безпрестанно ограничивали священную власть Королей своихъ?

Но при этомъ справедливость требуетъ сказать нѣчто и о духѣ народа Русскаго. Великій Князь, или Удѣльный, Царь, или Императоръ, для Русскаго человѣка былъ всегда неприкосновенное и священное лице. Онъ иначе и не воображаетъ себѣ Царя, какъ со властію неограниченною, творящаго одни только благодѣянія. Послѣ Бога Царь для него есть первое лице на землѣ; поэтому истинно Русскому человѣку и въ голову никогда не приходило ограничивать власть своего Государя, котораго любитъ онъ безпредѣльно, повинуется ему безусловно и ожидаетъ отъ него только одного добра. Всѣ подданные составляютъ одно тѣло, а на этомъ колосальномъ тѣлѣ одна голова — Царь! Вотъ тайна, почему Россія сильна и, благодареніе Господу, наслаждается миромъ и благоденствіемъ. Мы видимъ, каково идетъ въ другихъ земляхъ.

Странно, что Поляки смѣшиваютъ Запорожцевъ съ бывшимъ правительствомъ Малой Россіи. Они говорятъ такъ: «Козачество было «сухопутнымъ Алжиромъ Сѣвера, несчастіемъ Малороссіи и человѣче«ства. Это *разноплеменный сбродъ, овладѣвшій* Малороссіею, какъ Ма«мелюки Египтомъ; сборное сословіе искателей приключеній и добычи, «дикой и вѣчно мятежной рати, которая *овладѣла* Малороссіею и *пра«вила* ею съ саблею и нагайкою въ рукѣ,» и проч. и проч. Изъ этихъ возгласовъ видно, что такіе писатели или не знаютъ исторіи, или не хотятъ знать истины. Вышеприведенныя слова по справедливости относятся къ Запорожцамъ; но эта буйная толпа никогда не владѣла Малороссіею и не властвовала надъ нею. Для чего же возглашать безлѣпицу и *ѣсть грязь*, какъ выражается Хаджи-Баба?

Тѣ же самые писатели жалуются и приходятъ въ негодованіе при появленіи какой либо книги, имѣющей предметомъ Исторію Малой Россіи. Негодованіе это, впрочемъ, неудивительно для насъ; каждое новое сочиненіе есть и новое напоминаніе неправдъ тогдашняго Польскаго правленія и обвиненіе въ злоупотребленіи власти и гоненіяхъ. Но что эти Польскіе писатели навязываютъ Русскимъ авторамъ охоту до Гетманщины, то это совершенно несправедливо. Вотъ какъ пишутъ они: «Самая непостижимая «вещь въ свѣтѣ, въ XIX вѣкѣ, это безспорно, та непоколебимая, безподоб«ная важность, съ коею нѣкоторые Малороссійскіе историки, одушевлясь «покойнымъ Козацкимъ патріотизмомъ, *оплакиваютъ* (!) паденіе Гетман«щины, воспѣваютъ блаженство жителей Украины подъ батогомъ Ко«зачества, подъ управленіемъ безпокойной орды отчаянныхъ головорѣ«зовъ и грабителей» Этою продѣлкою хотятъ привести Русскаго автора въ подозрѣніе у читателя. Напрасно! Человѣкъ несвѣдущій — равнодушенъ къ историческимъ разысканіямъ; онъ и читать ихъ не станетъ; а человѣка, знакомаго съ историческими фактами не такъ легко сбить съ толку подобными риторическими ухищреніями. Было время, что Гетманщина приносила пользу для Малороссіи: она сосредоточивала народъ и по возможности оберегала его отъ злоупотребленія Польской власти. Но положеніе это отжило свой вѣкъ и кануло въ вѣчность. Уже давно сказано, что всякой вещи подъ небесемъ есть свое время, такъ и Гетманщинѣ. Теперь совсѣмъ другія обстоятельства и отношенія; и каждый Малороссіянинъ отъ сердца благодаритъ Провидѣніе, что Гетманщина съ ея зависимостію отъ Польши и бѣдствіями прошла. Однако, прошедшія несчастія народа не легко забываются. И такъ, надобно быть весьма недалекимъ, чтобы въ наше время оплакивать умершую Гетманщину, желать ея возстановленія и, пожалуй, такъ называемаго *блаженнаго соединенія* съ Польшею.

———

II

Нѣсколько словъ о движенiи мелодiи (modus, modulation) Малороссiйскихъ пѣсень.

Въ силлабическихъ стихахъ вниманiе обращено на число слоговъ, а въ тоническихъ на ударенiе въ словѣ. Какъ тѣ, такъ и другiе принимаютъ разныя мелодiи. До тоническихъ стиховъ мы теперь не касаемся: потому что всѣ Украинскiя *народныя* пѣсни сочинены, по образцу Польскому, силлабическими стихами. Эти послѣднiе подъ влiянiемъ мелодiи имѣютъ свои особенности. Упомянемъ о главнѣйшихъ изъ нихъ:

1) Въ какомъ либо тактѣ извѣстной мелодiи на одну и туже ноту въ первый разъ употребляется только одинъ слогъ, а въ другой разъ на туже самую ноту (долготу времени) идетъ два слога. Это производитъ разнообразiе; такъ № 7. *Ой пôдъ вишнею, пôдъ черешнею*, въ первой половинѣ мелодiи 10 слоговъ, и въ той же половинѣ *Ой изгиньте, пропадiте всѣ старыи кости*, 14 слоговъ; или № 22. *Ой знати, знати*, 5 слоговъ, и въ тоже самое музыкальное время (tempo), *той къ тому стежечку*, 6 слоговъ, или № 79, *Пусти мене мати*, 6 слоговъ. *Буду мати жито жати*, 8 слог. Такихъ примѣровъ чрезвычайно много. Въ иныхъ чрезъ прибавленiе лишняго слога ($^1/_8$) въ тактѣ $^2/_4 = {}^4/_8$ выходитъ красивая трiоль, на пр. № 157.

‿
\- ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ - ˘ ˘ - ˘ ˘ ˘ - -

Цы га ноч ка | да Воло шеч ка | ша теръ бу до | ва ла. |

во 2-мъ тактѣ три первые слога *да-Во-ло* составляютъ полтакта и вмѣстѣ трiоль. Поэтому пѣсни легче правильно по мелодiи пѣть, чѣмъ читать (*скандовать*).

2) Въ большей части мелодiи, (въ коихъ тактъ въ двѣ четверти, или собственно четыре восьмыхъ) каждая первая осьмая ($^1/_8$) въ тактѣ имѣетъ тяжелое (долгое) ударенiе, прочiя три осьмыя — легкое или краткое. Четыре такта заключаютъ главную музыкальную идею, или мелодiю,

а восемъ тактовъ — Rhythmus. Обыкновенно вторая половина мелодіи (Rhythmus), то есть, послѣдніе четыре такта переходятъ въ другой (родственный, соплеменный) тонъ, такъ изъ D-dur въ A-dur, или изъ G-dur въ D-dur и проч. Изъ этого видно, что великая часть Украинскихъ пѣсень въ 14 и 16 слоговъ имѣютъ движеніе (Tempo) извѣстной во дни наши *Польки*, или стариннаго Экосеза (Ecossais), тактъ въ $^2/_4$, какова бы ни была мелодія, и притомъ Allegro, или Largo. На пр. № 49, въ 14 слоговъ:

Сто итъ я воръ | надъ во до ю, | въ во ду по хи | ли вся |

№ 39. Била жо̂нка мужика; № 141. Туманъ яромъ, или въ 16-ть слоговъ, № 1:

Вѣ теръ гу де | тра ва шу митъ, | Ко за чень ко | вби тый ле житъ |

Но есть и исключенія, или правильнѣе разнообразія, какъ то:

3) Мелодія въ четыре такта; тактъ въ $^2/_4$, но удареніе не на первой, а на второй половинѣ такта, какъ будто бы это Syncope, на пр. пѣсня въ 12 слоговъ, въ каждомъ тактѣ по 3 слога, № 102:

И шу митъ | и гу де | дроб ный до | щикъ и де |

но ритмусъ сей же пѣсни:

А хтожъ ме не | мо ло ду ю | до до монь ку | до ве де 0 |

имѣетъ въ тактѣ по 4 слога и съ правильнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ. Здѣсь говориться не о Прозодіи, но о музыкальномъ удареніи.

4) Мелодія въ 4 такта; тактъ въ $^2/_4$; первый и третій такты имѣютъ легкое удареніе, а второй и четвертый тяжелое. № 79.

Пу сти ме не | ма ти | въ по ле жи то | жа ти. |

5) Тоже мелодія въ 4 такта, но тяжелое удареніе только на первой половинѣ втораго такта; № 103.

Та йшовъ ко закъ	зъ До ну	та зъ До ну до	дому
До ле мо я	зла я	чомъ ты не та	ка я

Слѣдовательно, размѣръ этой пѣсни приличенъ для такта въ двѣ четверти; но въ народѣ, для большей выразительности (con affetto, espressione) и протяжности, поютъ тактъ въ три четверти, впрочемъ, съ перемѣннымъ тяжелымъ удареніемъ.

6) Мелодія въ 4 такта, тактъ въ $^3/_4$, подобно Нѣмецкому *Вальсу*, первая четверть тяжелая, а послѣдняя легкія. № 24.

¯ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘

Сон це ни | зень ко 0 | ве черъ бли | зень ко 0 |

Нуль = 0 на концѣ во второмъ и четвертомъ тактѣ означаетъ здѣсь паузу.

7) Примѣръ *Мазурки, или Краковяка* представляетъ пѣсня № 117:

˘ ¯ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘ ¯ ˘

Дѣв чи по | ко ха на | здо ро ва | бу ла 0 |

Мелодія въ 4 такта, тактъ въ $^3/_4$, но тяжелое удареніе лежитъ на второй четверти, а на первой и третей легкія.

8) Въ музыкальныхъ теоріяхъ Запада принимается за правило, что всякая мелодія состоитъ изъ четырехъ тактовъ, или собственно изъ двухъ двойныхъ; для убѣжденія приводятъ множество превосходныхъ примѣровъ, чѣмъ хотятъ доказать, что эта теорія самая естественная и непреложная, какъ категоріи мышленія. На перекоръ этимъ уставамъ Малороссіяне имѣютъ мелодіи въ три, Rhythmus тоже въ три, и того шесть тактовъ, въ которыхъ идея музыкальная окончательно выражена, и изящество коихъ было не разъ соблазнительно даже для знаменитыхъ композиторовъ. На пр. пѣсня въ 12 слоговъ № 52:

˘ ˘ ˘ ˘	¯ ¯ ˘ ˘	˘ ˘ ˘ ˘
Та ни ла все	Ле ме ри ха	на ме ду, 0
˘ ˘ ˘ ˘	¯ ¯ ˘ ˘	˘ ˘ ˘ ˘
Ой за ги ну	м а тен ко	за ги ну. 0

то есть, три такта въ $^2/_4 = ^4/_8$, съ правильнымъ (обыкновеннымъ) удареніемъ; но самое тяжелое удареніе на первой половинѣ втораго такта. На нотахъ это ясно. — Сюда должно отнести и нѣкоторыя другія пѣсни въ 11 слоговъ, мелодія въ три такта, движеніе (tempo) также одно; на пр. № 148.

¯ ˘ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘ ˘

Ой у по лѣ | кры ни чень ка | вид но дно. 0 |

даже въ 10-ть слоговъ прекрасная мелодія № 11:

¯ ˘ ˘ ˘ ¯ ˘ ˘ ˘ ¯ ¯ ˘ ˘

Ой ку дыжъ ты | чу ма че мак | др у ешъ 0 |

Этой же пѣсни Rhythmus только въ восемь слоговъ. Такихъ примѣровъ есть довольно.

9). Превосходный примѣръ разнообразія, то есть смѣшанныхъ тактовъ и самаго движенія № 156:

а) Ой ишла | не бе ре гомъ, | лу гомъ |

Зус трѣ ла ся | не зъ су же нымъ | дру гомъ |

б) Здо ровъ, здо ровъ, | тем ный лу же |

Не су же ный | вѣр ный дру же |

в) Не су же на | дру жи на мо | я 0. |

Первая часть мелодіи заключаетъ три такта, вторая часть (Rhythmus) только два, третья опять три. Тяжелое удареніе съ удивительною смѣлостію стоитъ то на послѣдней части такта, то на первой. Стало быть, люди съ дарованіемъ не всегда обращаютъ вниманіе на мѣрку педантовъ

Для большей ясности приложены здѣсь ноты 32-хъ мелодій, какія мнѣ удалось вспомнить. Живя далеко отъ родины, не имѣю возможности сообщить болѣе. Мелодіи у Вацлава Олесьскаго, положенныя на ноты знаменитѣйшимъ скрыпачемъ Липинскимъ, передѣланы на Польскій ладъ.